

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Филологический факультет
Междисциплинарная научно-образовательная школа
«Сохранение мирового культурно-исторического наследия»
Кафедра теоретической и прикладной лингвистики

МАЛЫЕ ЯЗЫКИ В БОЛЬШОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Выпуск 4

MINOR LANGUAGES IN GENERAL LINGUISTICS

Issue 4

Москва
Буки Веди
2022

УДК 811
ББК 81.2/81.8
М20

Рецензенты

О. В. Федорова, доктор филологических наук;
Т. Б. Агранат, доктор филологических наук

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

М20 Малые языки в большой лингвистике. Выпуск 4 / ред. И. А. Хомченкова. — М. : Буки Веди, 2022. — 257 с.
ISBN 978-5-4465-3749-5

Minor languages in general linguistics. Issue 4 / Irina Khomchenkova (ed.). — Moscow : Buki Vedi, 2022. — 257 p.
ISBN 978-5-4465-3749-5

В основу сборника вошли статьи, написанные участниками четвертой конференции «Малые языки в большой лингвистике», проведенной кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 22—23 апреля 2022 года. Сборник представляет интерес для самого широкого круга лингвистов, а также для антропологов и этнографов.

УДК 811
ББК 81.2/81.8

ISBN 978-5-4465-3749-5

© Авторы, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора.....	6
<i>П. М. Аркадьев, Е. С. Клягина</i> К описанию распределения двух перфективных форм в абазинских нарративах	7
<i>Л. А. Баркова</i> Эффекты интервенции в якутском языке в матричной клаузе	27
<i>О. И. Беляев, И. А. Хомченкова</i> Сочинительные функции аблатива в осетинском языке	44
<i>М.-Э. А. Винклер</i> Собирательные числительные в горномарийском и удмуртском языках	55
<i>А. И. Груздева</i> Позиции реципрокализации в клаузах с суффиксом <i>-и</i> в балкарском языке	71
<i>А. А. Данилова</i> Синтаксические свойства деепричастий на <i>-sa</i> , <i>-kâ</i> , <i>-č'č'ož</i> в татышлинском говоре удмуртского языка.....	83
<i>I. Egorov, A. Sergienko</i> Syncretism in Kildin Saami substantive inflection: nanosyntactic approach.....	100
<i>Д. Е. Касенов</i> Семантическое согласование по лицу: взгляд со стороны балкарского языка.....	115
<i>Е. В. Кашкин, Ю. В. Симицына</i> 'Лежать' или не 'лежать': вот в чем вопрос (к анализу глаголов позиции в татышлинском удмуртском).....	126
<i>А. И. Крюкова</i> Глаголы колебания в татышлинском удмуртском.....	143
<i>Т. А. Майсак</i> Медитативные вопросительные показатели в трех нахско-дагестанских языках	159

<i>Е. К. Молчанова</i>	
Кумзари — малый исчезающий иранский язык в регионе Персидского залива	176
<i>Д. Ю. Писаренко</i>	
Маркирование множественного числа в малокарачкинском говоре чувашского языка	183
<i>А. Д. Подгорная</i>	
Лексемы со значением бросания в татышлинском удмуртском в свете типологии.....	193
<i>С. А. Рачинская</i>	
Инхоативные конструкции кильдинского саамского языка	205
<i>Е. Л. Рудницкая, О. Н. Морозова</i>	
Аорист в эвенкийском языке	222
<i>А. Н. Рунтова</i>	
Язык тверских карелов: настоящее и будущее	241
<i>Д. С. Сидоркина</i>	
В поисках хантыйского X-маркирования	247

CONTENTS

Editorial.....	6
<i>P. Arkadiev, E. Klyagina</i>	
Towards the distribution of two perfective forms in Abaza narratives.....	7
<i>L. Barkova</i>	
Intervention effects in Sakha in matrix clauses.....	27
<i>O. Belyaev, I. Khomchenkova</i>	
Coordinating functions of ablative case in Ossetic	44
<i>M.-E. Winkler</i>	
Collective numerals in Hill Mari and Udmurt	55
<i>A. Gruzdeva</i>	
Positions of reciprocalization in clauses with the suffix -š in Balkar.....	71

<i>A. Danilova</i>	
Syntactic properties of converbs in <i>-sa</i> , <i>-kâ</i> , <i>-č'č'ož</i> in Tatyshly Udmurt.....	83
<i>I. Egorov, A. Sergienko</i>	
Syncretism in Kildin Saami substantive inflection: nanosyntactic approach.....	100
<i>D. Kasenov</i>	
Semantic person agreement: case of Balkar.....	115
<i>E. Kashkin, J. Sinitsyna</i>	
‘To lie’ or not ‘to lie’: that is the question (towards the analysis of posture verbs in Tatyshly Udmurt).....	126
<i>A. Kriukova</i>	
Oscillation verbs in Tatyshly Udmurt.....	143
<i>T. Maisak</i>	
Markers of meditative questions in three Nakh-Daghestanian languages.....	159
<i>E. Molchanova</i>	
Kumzari is a small endangered Iranian language in the Persian Gulf region.....	176
<i>D. Pisarenko</i>	
Plural marking in Poshkart Chuvash.....	183
<i>A. Podgornaia</i>	
Lexemes of throwing in Tatyshly Udmurt in the light of typology.....	193
<i>S. Rachinskaya</i>	
Inchoative constructions in Kildin Saami.....	205
<i>E. Rudnitskaya, O. Morozova</i>	
Aorist in Evenki.....	222
<i>A. Runtova</i>	
The language of Tver Karelians: present and future.....	241
<i>D. Sidorkina</i>	
In search of Khanty X-marking.....	247

От редактора

Основу этого сборника составляют статьи участников четвертой конференции «Малые языки в большой лингвистике» (МЯБЛ-2022), прошедшей на кафедре теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 22—23 апреля 2022 года; конференция была проведена при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы МГУ «Сохранение мирового культурно-исторического наследия» (направление «Модели анализа языков и культур коренных народов России»). Конференция была вновь проведена в дистанционном формате на платформе ZOOM, что позволило большому количеству исследователей послушать представленные доклады.

Языки, ставшие объектом исследования, представляют шесть языковых семей: уральскую, тюркскую, нахско-дагестанскую, абхазо-адыгскую, тунгусо-манчжурскую и индоевропейскую. Проблематика статей также разнообразна — обсуждается фонетика (Е. К. Молчанова), морфосинтаксис (А. И. Груздева; И. М. Егоров, А. А. Сергиенко; Т. А. Майсак и др.), семантика (как грамматическая, так и лексическая; П. М. Аркадьев, Е. С. Клягина; Е. Л. Рудницкая, О. Н. Морозова; Е. В. Кашкин, Ю. В. Сеницына и др.), а также социолингвистика (А. Н. Рунтова).

За прошедшие годы конференция приобрела широкий языковой и тематический охват, прочно войдя в нашу лингвистическую жизнь. Хочется надеяться, что эта традиция продолжится и в дальнейшем.

И. А. Хомченкова

К описанию распределения двух перфективных форм в абазинских нарративах¹

Пётр Михайлович Аркадьев
Институт славяноведения РАН / РГГУ
alpgurev@gmail.com

Евгения Сергеевна Клягина
Институт языкознания РАН
eklyagina@gmail.com

В статье на материале абазинских устных нарративов, в том числе записей пересказов фильма «Груши», исследуется употребление двух морфологически финитных перфективных форм при кодировании событий основной линии повествования. Показывается, что, несмотря на значительную вариативность, использование этих форм чувствительно к таким факторам, как границы эпизода, семантическая связь между ситуациями, конструкции tail-head linkage, что позволяет провести параллель между поведением этих абазинских форм и использованием финитных vs. «срединных» глагольных форм (например, конвербов) в других языках.

Ключевые слова: абазинский язык, западнокавказские языки, видо-временные категории, финитность, структура нарратива, дискурсивный анализ.

Towards the distribution of two perfective forms in Abaza narratives

Peter M. Arkadiev
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences / Russian State
University for the Humanities
alpgurev@gmail.com

Evgenia S. Klyagina
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
eklyagina@gmail.com

Our paper analyses the distribution of two morphologically finite perfective forms marking consecutive events in Abaza narratives on the basis of oral texts, including the recordings of the “Pear story”. We show that despite considerable

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 22-18-00120 «Полипредикация в жестовых и звучащих языках: грамматика, просодия, дискурс».

variation the usage patterns of these forms are sensitive to such factors as episode boundaries, type of semantic relation between events, and tail-head linkage constructions. This allows us to draw parallels between the Abaza verbal forms and the narrative uses of finite and “medial” (e. g. converb) forms in other languages.

Keywords: Abaza, Northwest Caucasian, tense-aspect forms, finiteness, narrative structure, discourse analysis.

1. Введение

Как известно [Hopper 1979; Fleischman 1990; Падучева 1996 и др.], основу нарратива составляет цепочка предикаций, описывающих последовательные события в хронологическом порядке. В языках, обладающих видовременной морфологией, события основной линии нарратива, как правило, кодируются формами перфектива, прошедшего времени или аориста (= перфективного прошедшего), как в русском примере (1).

- (1) *Накушавшись чаю, он уселся перед столом, велел подать себе свечу, **вынул** из кармана афишу, **поднёс** её к свече и стал читать, прищуря немного правый глаз.* [Н.В. Гоголь, «Мёртвые души», 1:1]

Столь же известно, ср., например, [Givón 1990: Ch. 18], что во многих языках мира не все события нарративной цепочки кодируются одинаково. В частности, наряду с формами перфективного прошедшего могут использоваться различные нефинитные формы, например, «срединные формы» или деэпричастия (конвербы) [Haspelmath, König eds. 1995], ср. форму *накушавшись* в первой клаузе примера (1).

В работах [Givón 2001: 356–385] и в особенности [Кибрик 2008, Kibrik 2013] предлагаются такие возможные параметры, влияющие на распределение финитных и нефинитных форм при выражении событий основной линии нарратива, как границы эпизодов, тождество vs. смена топика или протагониста, характер логико-семантической связи между событиями (чисто темпоральная vs. причинно-следственная), принадлежность событий к одному «динамическому сценарию» [Schank,

Abelson 1977]. Роль этих или каких-либо иных факторов в грамматическом кодировании событий нарративной цепочки исследована недостаточно — и в конкретных языках, и типологически.

В настоящей работе мы обращаемся к материалу абазинского языка (западнокавказская семья), в котором события нарративной цепочки могут кодироваться с помощью двух различных форм, которые мы называем **аористом** (выделены полужирным) и **ретро-аористом** (выделены подчёркиванием), ср. пример (2):

- (2) a. *a-klát* *ʒa-j-áχ^w-d*
DEF-корзина CSL-3SG. M.ERG-взять-DCL
- b. *j-vilasiped*
3SG.M.PR-велосипед
j-á-k^w-jə-r-gələ-n
3SG.N.ABS-3SG.N.IO-LOC-3SG.M.ERG-CAUS-стоять-RS
- c. *d-á-k^w-ča-n*
3SG.H.ABS-3SG.N.IO-LOC-сесть-RS
- d. *də-ʒə-k^w-lə-χ-d*
3SG.H.ABS-LOC-LOC.ELAT-войти-RE-DCL
‘Он **взял** корзину, поставил её на велосипед, сел на него и **уехал**.’ [ГрушиА 10.9-11]

Данные формы, по крайней мере с морфологической точки зрения, не различаются по финитности и трактуются в описаниях как финитные [Табулова 1976: 149; Ломтатидзе 2006: 158—159], ср. обсуждение в [Аркадьев 2023]. Тем не менее, их употребление демонстрирует некоторое сходство с использованием «конечных» (≈ финитных) и «срединных» (≈ нефинитных) форм. Ср. описание их употребления в работе [Чкадуа 1970: 137]: «если в предложении имеется ряд сменяющихся последовательных действий, то формой аориста оформлено замыкающее действие, остальные же глаголы стоят в прошедшем времени».

Наша задача — попытаться выявить факторы, влияющие на употребление форм аориста и ретро-аориста при кодирова-

нии событий нарративной цепочки в абазинском языке, и отнести эти факторы с упомянутыми выше параметрами. Материалом нашего исследования послужили устные нарративы, где деление на «предложения» или «периоды» скорее условно, а финитный характер обеих исследуемых форм не даёт возможности определить «закрывающее действие» лишь на морфологических основаниях.

Дальнейшая структура статьи такова. В разделах 2 и 3 мы кратко даём необходимые сведения об абазинском языке и о структуре и функциях аориста и ретро-аориста. Раздел 4 посвящён описанию методов нашей работы, а в разделе 5 мы приводим и обсуждаем полученные нами результаты. Раздел 6 содержит выводы.

2. Основные сведения об абазинском языке

Абазинский язык (*Абаза бызшва*, ISO 639-3 *abq*) принадлежит к абхазо-абазинской ветви западнокавказской семьи. На нем говорят около 38 тысяч человек в Абазинском районе Республики Карачаево-Черкесия в составе Российской Федерации [Всероссийская перепись 2010] и около 10 тысяч человек в Турции [Чирикба 2012]. Абазинский, как и другие языки этнических меньшинств РФ, испытывает постоянное давление со стороны русского языка, который является *lingua franca* и *de facto* единственным официальным языком в Карачаево-Черкесии. Сохранением и продвижением абазинской (и абхазской) культуры занимается международная благотворительная организация «Алашара» ('Свет', <http://alashara.org>).

Абазинский язык характеризуется богатым консонантизмом и предельно бедным вокализмом, слабым противопоставлением частей речи, вершинным маркированием и полисинтезмом, морфологической эргативностью и довольно последовательным морфологическим разграничением глагольных форм на финитные и нефинитные. Основные аспекты грамматики абазинского языка описаны в работах [Генко 1955; Табулова 1976; Lomtadze et al. 1989; O'Herin 2002; Ломтатидзе 2006; Arkadiev, ms].

Абазинский язык обладает разветвлённой видовременной системой [Чкадуа 1970; Lomtadidze et al. 1989: 107—112; Клягина 2018, Klyagina 2020]. В таблице 1 представлены схематические парадигмы положительных форм статических и динамических глаголов.

Таблица 1. Простые vs. ретроспективизированные формы

	простые		ретроспективизированные		
	финитные	нефинитные		финитные	нефинитные
статический презенс	<i>-p̣</i> -NPST	<i>-əw</i> -PRS.NFIN	статический претерит	<i>-n</i> -RS	<i>-z</i> -RS.NFIN
презенс	<i>-əj-ʔ</i> -PRS-DCL	<i>-wa</i> -IPF	имперфект	<i>-wa-n</i> -IPF-RS	<i>-wa-z</i> -IPF-RS.NFIN
аорист	<i>-ʔ</i> -DCL	∅	ретро-аорист	<i>-n</i> -RS	<i>-z</i> -RS.NFIN
футурум I	<i>-wa-š-ʔ</i> -IPF-FUT-DCL	<i>-wa-š</i> -IPF-FUT	конъюнктив I	<i>-wa-šə-n</i> -IPF-FUT-RS	<i>-wa-šə-z</i> -IPF-FUT-RS.FIN
футурум II	<i>-p̣</i> -NPST	<i>-ra</i> -FUT.NFIN	конъюнктив II	<i>-rə-n</i> -FUT.NFIN-RS	<i>-rə-z</i> -FUT.NFIN-RS.NFIN

Для нашего изложения наиболее важно деление абазинских временных форм на простые и ретроспективизированные. Последние образуются от первых с помощью показателя так называемого ретроспективного сдвига (см. [Плунгян 2001: 108]): суффикса *-n* в утвердительных формах (3a) и *-z* в нефинитных (3b) и отрицательных (3c). Так, простым формам динамического презенса и аориста соответствуют ретроспективизированные формы имперфекта и ретро-аориста, а простым формам будущего — ретроспективизированные формы конъюнктива.

(3) а. *s-ʃ^w-wa-n*

1SG.ABS-писать-IPF-RS

‘Я писал(а).’ [элицитация]

- b. *sara jacə sə-z-la-ŋ^w-wa-z*
 я вчера 1SG.ABS-REL.IO-INS-писать-IPF-RS.NFIN
 ‘[Я не могу найти карандаш,] которым я писал(а) вчера.’ [Со-
 рокина 2017: 3]
- c. *s-g’ə-m-ŋ^w-wa-z-ŋ*
 1SG.ABS-NEG.EMP-NEG-писать-IPF-RS.NFIN-DCL
 ‘Я не писал(а).’ [элицитация]

Также в зоне прошедшего для динамических глаголов существенно противопоставление перфектива (аорист и ретро-аорист) и имперфектива (имперфект). В данной статье нас будут интересовать исключительно употребления финитных перфективных форм аориста и ретро-аориста. Их морфологические характеристики и семантику мы подробнее обсудим в следующем разделе.

3. Семантика и морфологическая характеристика аориста и ретро-аориста

Формы аориста и ретро-аориста, как было сказано, соотносятся как простая и ретроспективизированная (отсюда и название «ретро-аорист»). Их финитные варианты не имеют собственных показателей и демонстрируют сходную структуру: аорист образуется присоединением к неосложнённой иными видовременными аффиксами основе показателя декларатива *-ŋ/-d* (4а), а ретро-аорист — присоединением к такой же основе суффикса ретроспективного сдвига *-n* (4б). Оба эти показателя используются и в иных грамматических формах (см. таблицу 1 выше) и сами по себе не выражают перфективности.

- (4) а. *s-ca-ŋ*
 1SG.ABS-идти-DCL
- б. *s-ca-n*
 1SG.ABS-идти-RS
 а = б ‘Я (по)шёл / (по)шла.’ [элицитация]

Семантика аориста и ретро-аориста обсуждается в работах [Чкадуа 1970: 133—140] и [Табулова 1976: 149—150]. Н. Т. Та-

булова называет аорист «прошедшим результативным» и противопоставляет его «прошедшему незаконченному» (ретро-аористу), которое «в предложении самостоятельно почти не используется». Л.П. Чадуа называет аорист и ретро-аорист «абсолютной» и «относительной» временными формами, соответственно, причём так же добавляет, что ретро-аорист «употребляется чаще всего в связи с другой временной формой». С точки зрения современных подходов к грамматической семантике функции аориста и ретро-аориста описываются в работах [Клягина 2018, Клягина, Аркадьев 2019, Klyagina, Arkadiev 2019, Klyagina 2020].

Аорист и ретро-аорист являются перфективными прошедшими временами. Аорист обозначает неопределённые (5) и определённые (6) законченные ситуации.

- (5) *sara awəra-ta a-pšca a-pnə s-q^mmar-ʔ*
я долгий-ADV DEF-двор 3SG.N.IO-у 1SG.ABS-играть-DCL
'Я долго играл(а) во дворе.' [элицитация]
- (6) *sara a-qəš ʕa-s-ʔə-ʔ*
я DEF-окно CSL-1SG.ERG-открыть-DCL
'Я открыл(а) окно.' [элицитация]

Ретро-аорист имеет несколько функций. В основном он оформляет последние члены цепочки событий в прошлом («срединные формы»), последний элемент которых чаще всего маркируется аористом («финальная форма»), ср. (7):

- (7) *awəj d-ʕa-gələ-n, ʕə-j-ʕəʕa-n,*
DIST 3SG.N.ABS-CSL-встать-RS RFL.ABS-3SG.M.ERG-мыть-RS
d-ʕ'a-n jg'əj a-nɣarta d-ca-ʔ
3SG.N.ABS-есть.ИТР-RS и DEF-работа 3SG.N.ABS-идти-DCL
'Он встал, помылся, поел и пошёл на работу.' [элицитация]

Ретро-аорист также может употребляться самостоятельно, причём в таких случаях он обычно имеет неактуальную интерпретацию, главным образом обозначая отменённый результат [Плунгян 2001; Plungian, van der Auwera 2006; Cable 2016],

см. (8). Такое употребление является типологически интересным и нетривиальным образом соотносится с представленной и в западнокавказских языках категорией плюсквамперфекта [Сичинава 2013; Клягина 2018], однако в данной работе мы его не обсуждаем, поскольку оно практически не встречается в нарративах (подробнее об этой функции ретро-аориста см. наши работы, упомянутые выше).

- (8) *səwłʃan* *d-ʃa-j-n*
Султан 3SG.N.ABS-CSL-прийти-RS
'Султан пришёл [но не дождался тебя и ушёл].'⁷ [элицитация]

4. Сбор и разметка данных

Для того чтобы исследовать распределение аориста и ретро-аориста в текстах, мы использовали восемь устных нарративов, собранных в ходе экспедиций НИУ ВШЭ и РГГУ в аулах Инжич-Чукун и Красный Восток в Республике Карачаево-Черкесия. Первые четыре текста представляют собой записи пересказов фильма «Груши» [Chafe 1980], которые были собраны специально для данного исследования в ауле Красный Восток в 2021 году. Запись пересказов осуществлялась следующим образом: приглашались два носителя, один из них однократно смотрел фильм «Груши» (длительностью 5:55 минут), в то время как второй находился в соседнем помещении; далее первый носитель пересказывал по памяти увиденное второму, который не знал сюжет фильма. Пересказ с разрешения носителей записывался на аудио. В записи пересказов участвовало четыре пары носителей. Другие четыре текста были взяты целиком из корпуса устных текстов, собранного в ауле Инжич-Чукун в 2017—2018 гг. Всего в нашем исследовании использовались четыре текста-пересказа (в сумме 355 клауз), описывающих один и тот же сюжет, и четыре текста «рассказов из жизни» (в сумме 432 клаузы), описывающих разные сюжеты.

Разметка всех восьми текстов производилась вручную. Сначала все тексты были разделены на клаузы. Далее для каждой клаузы были отмечен её субъект (агнс для переходных

глаголов или абсолютив для непереходных) и морфосинтаксические характеристики: финитность, видовременная форма (аорист, ретро-аорист, презенс и т. д.), тип конструкции (конверб, релятивная клауза, вопрос, декларативная форма и т. д.). Кроме этого, между последовательными клаузами были отмечены их (темпоральные) отношения: вступление, комментарий, следование, одновременность, предшествование, повторение, прямая речь. Наконец, все тексты были разделены на смысловые эпизоды. В таблице 2 представлены кодовые названия всех текстов и количество эпизодов и клауз в каждом из них.

Таблица 2. Обзор проанализированных текстов

Название текста	Количество эпизодов	Количество клауз
ГрушиА	10	117
ГрушиД	9	90
ГрушиФ	9	103
ГрушиБ	9	117
О_муже	8	35
Дети_в_поле	7	39
Летом	12	112
О_двойке	6	59
Всего	70	672

Как видно, ожидаемым образом, количество эпизодов в пересказах фильма «Груши» совпало. Исключение составил текст ГрушиА, где носительница вспомнила ещё один эпизод, который не запомнили другие рассказчики. Всего для анализа мы получили 70 эпизодов и 672 клаузы.

5. Анализ

В таблице 3 представлены данные о количестве и доле в каждом из проанализированных текстов финитных клауз и клауз с финитными формами аориста и ретро-аориста.

Таблица 3. Доля форм аориста и ретро-аориста в текстах

Текст	Все клаузы	Финитные клаузы	Аорист	Ретро-аорист
ГрушиА	117	59 (50%)	20 (17%)	23 (20%)
ГрушиД	90	24 (27%)	4 (4%)	0 (0%)
ГрушиФ	103	62 (60%)	18 (17%)	22 (21%)
ГрушиБ	117	48 (41%)	23 (20%)	11 (9%)
О_муже	35	21 (60%)	9 (25%)	5 (14%)
Дети_в_поле	39	22 (56%)	5 (13%)	6 (15%)
Летом	112	77 (69%)	35 (29%)	23 (20%)
О_двойке	59	38 (64%)	20 (34%)	4 (6%)
Всего	672	352 (52%)	134 (20%)	94 (14%)

Как видно, в рассматриваемых нарративах финитные клаузы составляют в среднем половину от всех клауз, и бóльшая часть (65 %) финитных клауз приходится на клаузы с аористом и ретро-аористом. Исключение составляет текст ГрушиД, который почти полностью выдержан в *praesens historicum* и вообще не содержит форм ретро-аориста. По этой причине мы решили не использовать его в нашем исследовании. Также интересно отметить, что в двух нарративах (ГрушиБ и «О двойке») рассказчики употребляют ретро-аорист значительно реже, чем другие носители.

Далее мы обсудим наши наблюдения о распределении форм аориста и ретро-аориста в проанализированных нарративах.

5.1. Аорист в конце эпизода

Мы проверили гипотезу о том, что аорист в устном нарративе маркирует конец эпизода. Она подтвердилась лишь частично. Наш анализ показал, что конец эпизода, действительно, обычно маркируется формой аориста (9), однако ретро-аорист в конце эпизода тоже возможен (10), ср. таблицу 4.

Таблица 4. Глагольные формы в конце эпизода

Текст	Эпизоды	Аорист в конце эпизода	Ретро-аорист в конце эпизода
ГрушиА	10	5	1
ГрушиФ	9	7	0
ГрушиБ	9	5	1
О муже	8	4	1
Дети в поле	7	2	0
Летом	12	6	4
О двойке	6	5	0
Всего	61	34	7

- (9) a. *wadərʕʷána phʷəs-k l-sabáj*
 потом женщина-INDF 3SG.F.PR-ребёнок
d-ʕa-l-q-áštələ-n
 3SG.N.ABS-CSL-3SG.F.IO-LOC-забыть-RS
 b. *j-qʷla-n*
 3SG.N.ABS-смеркаться-RS
 c. *j-ʕa-tál-χ-d á-rqa*
 3PL.ABS-CSL-спускаться-RE-DCL DEF-поле
 ‘...Потом одна женщина про своего ребёнка забыла, а когда стемнело, они спустились с поля.’ [Дети_в_поле 3.1—3.3]
- (10) a. *takʷráj-kʷa-gʻəj ʕá-h-qʷʕa-t*
 ежевика-PL-ADD CSL-1PL.ERG-собирать-DCL
 b. *qáwm-k-gʻəj j-ʕa-h-áχʷə-n*
 сколько.TO-INDF-ADD 3SG.N.ABS-CSL-1PL.ERG-брать-RS
 c. *há-nbžʻaʕʷ-ča-kʷa j-ná-mə-j-kʷa-z*
 1PL.PR-друг-PLH-PL REL.ABS-TRL-NEG-идти-PL-RS.NFIN
 d. *rə-qaz j-rə-z-ʕá-ʕ-ga-t*
 3PL.IO-ради 3SG.N.ABS-3PL.IO-BEN-CSL-1PL.ERG-нести-DCL
 e. *awát-gʻəj j-gʷrəvʻa-wa*
 DIST.PL-ADD 3PL.ABS-радоваться-IPF
jə-r-fá-n
 3SG.N.ABS-3PL.ERG-есть-RS
 ‘Собрали ежевику, много взяли для друзей, которых не было с нами, и принесли для них. Они тоже, обрадовавшись, поели.’ [Летом 28.1—30.2]

ждают эти утверждения, ср. таблицу 5. Из 94 финитных клауз с ретро-аористом 43 клаузы предшествовали форме аориста, 24 клаузы предшествовали другой клаузе с ретро-аористом (то есть цепочка продолжалась). Однако встретились и формы ретро-аориста, предшествующие формам презенса, имперфекта (12), а также формам статических глаголов.

Таблица 5. Глагольные формы, следующие за формами ретро-аориста

	всего ретро-аориста	аорист	ретро-аорист	презент	имперфект	иное
ГрушиА	23	8	5	4	1	5
ГрушиФ	22	11	9	0	0	2
ГрушиБ	11	7	1	0	1	2
О муже	5	2	1	1	0	1
Дети в поле	6	2	3	1	0	0
Летом	23	11	5	1	1	5
О_двойке	4	2	0	0	1	1
Всего	94	43	24	7	4	25

- (12) а. ...*a-ča-pxá-ra* *čə-zə-h-č'pa-n*
 DEF-LOC-тёплый-MSD RFL-BEN-1PL.ERG-делать-RS
 б. *a-háq'vara-la* *hə-la-ča-ta*
 DEF-гравий-INS 1PL.ABS-LOC-сидеть-ADV
 в. *č-hə-r-px-əw-n*
 RFL-1PL.ERG-CAUS-тёплый-IPF-RS
 ‘Пошли туда, где тепло, и сев на камушки, согревались.’
 [Летом 17.1—18.1]

5.3. Тождество vs. различие субъектов

Тождество субъекта для цепочек с ретро-аористом необязательно, что было отмечено ещё в [Чкадуа 1970: 139], ср. (13). В таблице 6 показано, сколько раз совпадали субъекты в клаузе с ретро-аористом и следующей за ней клаузе (которая могла быть как финитной, так и конвербной; однако приименные релятивные клаузы и клаузы с прямой речью мы в подсчётах

пропускали). В некоторых случаях клаузы с ретро-аористом были последними нерелятивными клаузами в тексте или оформляли прямую речь, их мы отнесли в категорию «иное».

(13) а. *d-a-qǎ-štǎ-n*

3SG.N.ABS-3SG.N.IO-LOC.ELAT-падать-RS

б. *j-dǎna* *j-ha-kwá* *zəmʕwá*

3SG.M.PR-HES 3SG.M.PR-груша-PL все

kǎ-la-þla-d

LOC-LOC-сыпаться-DCL

‘Он упал, и все груши рассыпались.’ [ГрушиФ 13.2—13.3]

Таблица 6. Тождество vs. различие субъектов при формах ретро-аориста

	один субъект	разные субъекты	иное
ГрушиА	14	9	0
ГрушиФ	13	9	0
ГрушиБ	8	3	0
О муже	1	3	1
Дети в поле	1	5	0
Летом	13	9	1
О двойке	2	1	1
Всего	52	39	3

Как видно, количество разносубъектных клауз лишь ненамного меньше, чем односубъектных, а в двух текстах (интересно, что оба они рассказаны одной и той же носительницей) соотношение даже обратное.

5.4. Длинные цепочки форм ретро-аориста

Неожиданным образом наш анализ показал, что длинные цепочки форм ретро-аориста скорее редкость и встречаются далеко не у всех носителей, ср. один из примеров в (14):

(14) а. *j-na-zǎ-n*

3PL.ABS-TRL-достигать-RS

б. *j-z-ǎa-š'tǎ-r-χǎ-n*

3SG.N.ABS+3SG.M.IO-BEN-CSL-LOC.ELAT-3PL.ERG-брать-RS

- c. *áʒ* *j-ʕa-š'tá-j-χə-n*
 один.CLH 3SG.N.ABS-CSL-LOC.ELAT-3SG.M.ERG-братъ-RS
j-šljápa
 3SG.M.PR-шляпа
- d. *d-əj-zá-ššə-n*
 3SG.H.ABS-3SG.M.IO-BEN-свистеть-RS
- e. *awaχ'-awəj*
 MED.EMP-MED
d-ʕ-á-ča-j-rə-sə-n
 3SG.H.ABS-CSL-3SG.N.IO-LOC-3SG.M.ERG-CAUS-остановиться-RS
- f. *a-vilasiped-la* *j-cá-χ-wa-z*
 DEF-велосипед-INS REL.ABS-идти-RE-IPF-PST.NFIN
- g. *j-zá-j-ga-d*
 3SG.N.ABS+3SG.M.IO-BEN-3SG.M.ERG-нести-DCL
 ‘Они дошли, подняли, один поднял шляпу и свистнул, тот на велосипеде остановился, он ему отнёс шляпу...’ [ГрушиФ 18.1—18.7]

Гораздо чаще ретро-аорист чередуется с другими временами, в частности с аористом, ср. (15):

(15) аорист

- a. ...*há-k* *j-ʕa-j-napə-č-št-d*
 груша-INDF 3SG.N.ABS-CSL-3SG.M.IO-рука-LOC.ELAT-падать.ELAT-DCL
 ретро-аорист
- b. *jə-ka-šá-n*
 3SG.N.ABS-LOC-падать-RS
 статический претерит
- c. *a-čəla* *kasə-k* *jə-q'da-n*
 DEF-шаль платок-INDF 3SG.N.ABS-висеть-RS
 ретро-аорист
- d. *á-kas* *j-ʕa-jə-q'də-χə-n...*
 DEF-платок 3SG.N.ABS-CSL-3SG.M.ERG-снять-RE-RS
 ‘...он уронил грушу, та упала на землю, у него висел платок, он снял платок...’ [ГрушиА 7.1—7.4]

5.5. Функции ретро-аориста в цепочках

События внутри эпизода, маркирующиеся ретро-аористом, могут быть связаны как причина и следствие (16), ср. [Чкадуа 1970: 138—139], или как элементы определённого сценария (17):

- (16) a. *háqʷə-k* ***d-a-qa-pá-n***
 камень-INDF 3SG.N.ABS-3SG.N.IO-LOC-прыгать-RS
- b. *a-martán-g'əj* *j-vilosipéd-g'əj* *jar-g'əj*
 DEF-корзина-ADD 3SG.M.PR-велосипед-ADD он-ADD
a-qá-št-d
 3SG.N.IO-LOC.ELAT-падать.ELAT-DCL
 ‘Он наехал на камень, и корзина, велосипед и он сам упали.’
 [ГрушиА 13.3—13.4]
- (17) a. ***jə-š'tá-šš-d***
 3PL.ABS+3SG.M.IO-LOC-свистеть-DCL
- b. ***d-ša-ça-d-rá-sə-n***
 3SG.N.ABS-CSL-LOC-3PL.ERG-CAUS-остановиться-RS
- c. *awá* *a-sambbrero-g'əj* ***jə-r-t-χə-n***
 MED DEF-сомбреро-ADD 3SG.M.IO-3PL.ERG-давать-RE-RS
- d. *zak-zak* *há-g'əj* ***ša-tá-j-χə-n***
 один-один груша-ADD CSL-LOC.ELAT-3SG.M.ERG-братъ-RS
- e. *á-č'kʷən-χ'əc-k* *a-ŋ'ə-ž-g'əj*
 DEF-парень-малый-INDF DEF-два-CLH-ADD
j-rá-j-t-d
 3SG.N.ABS-3PL.IO-3SG.M.ERG-давать-DCL
 ‘Они ему свистнули, остановили его, это сомбреро ему отда-
 ли, а он взял по одной груше и двоим парням отдал.’ [Гру-
 шиА 21.1—22.2]

Кроме того, форма ретро-аориста систематически используется как средство *tail-head linkage* [Guillaume 2011; Guérin ed. 2019], повторяя в начале следующей цепочки клауз глагольную форму аориста, завершающую предшествующую цепочку, ср. (18). Такие конструкции встречаются в текстах 15 раз, из них 10 раз используется ретро-аорист, ср. Таблицу 7.

- (18) a. *adg'əl* *á-pnə*
 DEF+земля 3SG.N.IO-y
jə-kʷ-jə-r-pla-d
 3PL.ABS-LOC-3SG.M.ERG-CAUS-сыпаться-DCL

b. *jə-k^w-jə-r-ɣla-n*

3PL.ABS.LOC.ELAT-3SG.M.ERG-CAUS-сыпаться-RS

c. *awəj* *a-ɣaxən* *χ-ɣ^wə-č^ʰk^wən-ča*

MED DEF-время три-CLH-парень-PLH

ɣa-mɣ^wəjs-əj-d

CSL-путешествовать-PRS-DCL

‘...он груши все по земле раскидал. Раскидал, а в это время идут трое ребят.’ [ГрушиА 14.4—15.1]

Таблица 7. Ретро-аорист в конструкциях tail-head linkage

	Tail-head linkage	Ретро-аорист	Аорист
ГрушиА	4	3	0
ГрушиФ	5	3	0
ГрушиБ	0	0	0
О муже	3	1	1
Дети в поле	0	0	0
Летом	3	3	0
О двойке	0	0	0
Всего	15	10	1

6. Заключение

Несмотря на пилотный характер нашего исследования и сравнительно небольшой объём данных, мы полагаем, что оно продемонстрировало, что распределение аориста и ретро-аориста в абазинских устных нарративах в ряде отношений сходно с распределением финитных и нефинитных форм в тех языках, где они используются для кодирования событий основной линии. Во-первых, аорист по умолчанию появляется на границе эпизодов, в то время как ретро-аорист, как правило, маркирует неконечные события эпизода; во-вторых, цепочки вида «ретро-аорист — аорист» нередко описывают события, относящиеся к одному сценарию или связанные как причина и следствие; об этом же говорит, как кажется, и частотное использование ретро-аориста в tail-head linkage — в таких случаях ретро-аорист маркирует уже известную слушающему информацию, ср. тенденцию нефинитных форм маркировать пресуппозицию [Kalinina, Sumbatova 2007].

Тем не менее, наблюдаемые в абазинском тенденции явно не абсолютны, более того, из сравнения разных вариантов пересказа текста «Груши» очевидно, что использование аориста и ретро-аориста подвержено пока трудно объяснимому варьированию.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ABS — абсолютив; ADD — аддитивность; ADV — адвербиализатор; BEN — бенефактив; CAUS — каузатив; CLN — классификатор лиц; COM — комитативный аппликатив; CSL — цислокативный преверб; DCL — декларатив; DEF — определённость; DIST — дистантный демонстратив; ELAT — элатив; EMP — эмфаза; ERG — эргатив; F — женский род; FIN — финитность; FUT — будущее время; H — личный род; HES — маркер хезитации; INC — инцептив; INDF — неопределённость; INS — инструменталис; IO — непрямой объект; IPF — имперфектив; ITR — непереходность; LOC — локативный преверб; M — мужской род; MED — медиальный демонстратив; MSD — масдар; N — неличный род; NEG — отрицание; NFIN — нефинитность; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; PLN — множественное число лиц; PR — посессор; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица; RE — рефактив; REL — релятивизация; RFL — рефлексив; RS — ретроспективный сдвиг; SG — единственное число; TRL — транслокативный преверб.

Литература

Аркадьев 2023 — Аркадьев П. М. Финитность в морфологии и синтаксисе: свидетельства абазинского языка // Вопросы языкознания, 2023 № 1. С. 103—131.

Всероссийская перепись 2010 — Результаты всероссийской переписи населения 2010 г., данные по владению родными языками. Электронный ресурс. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-05.pdf дата обращения 25.08.2022.

Генко 1955 — Генко А. Н. *Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанта*. М.: Изд-во АН СССР, 1955.

Кибрик 2008 — Кибрик А. А. Финитность и дискурсивная функция клаузы (на примере карачаево-балкарского языка) // В. Ю. Гусев, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.), *Исследования по теории грамматики. Вып. 4. Грамматические категории в дискурсе*. М.: Гнозис, 2008. С. 99—134.

Клягина 2018 — Клягина Е. С. *Система прошедших времён в абхазо-адыгских языках*. Дипломная работа, Институт лингвистики РГГУ, 2018.

Клягина, Аркадьев 2019 — Клягина Е. С., Аркадьев П. М. Категория сверхпрошлого в западнокавказских языках // Б. Ч. Бижоев (отв. ред.), *Кавказская филология: история и перспективы. К 90-летию Мухадина Абулбекировича Кумахова. Сборник научных статей*. Нальчик: Институт гуманитарных исследований, 2019. С. 180—191.

Ломтатидзе 2006 — Ломтатидзе К. В. *Абазинский язык (краткое обозрение)*. Тбилиси: Universal, 2006.

Падучева 1996 — Падучева Е. В. *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. М.: Языки русской культуры, 1996.

Плунгян 2001 — Плунгян В. А. Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плунгян (ред.), *Исследования по теории грамматики. Вып. 1. Глагольные категории*. М.: Русские словари, 2001. С. 50—88.

Сичинава 2013 — Сичинава Д. В. *Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект*. М.: АСТ-Пресс, 2013.

Сорокина 2017 — Сорокина А. Д. Относительные конструкции в абазинском. Экспедиционный отчёт, 2017.

Табулова 1976 — Табулова Н. Т. *Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология*. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1976.

Чирикба 2012 — Чирикба В. А. Расселение абхазов и абазин в Турции // *Джигетский сборник. Вып. 1. Вопросы этно-культурной истории Западной Абхазии или Джигетии*. М.: Аква-Абаза, 2012. С. 22—96.

Чкадуа 1970 — Чкадуа Л. П. *Система времён и модальных образований в абхазо-абазинских диалектах*. Тбилиси: Мецниереба, 1970.

Arkadiev, ms — Arkadiev P. A grammatical sketch of Abaza. Manuscript.

Cable 2017 — Cable S. The implicatures of optional past tense in Tlingit and the implications for ‘discontinuous past’ // *Natural Language and Linguistic Theory*, V. 35. 2017. № 3. Pp. 635—681.

Chafe 1980 — Chafe W. (ed.). *The Pear Stories: Cognitive, Cultural, and Linguistic Aspects of Narrative Production*. Norwood, NJ: Ablex, 1980.

Fleischman 1990 — Fleischman S. *Tense and Narrativity: From Medieval Performance to Modern Fiction*. London: Routledge, 1990.

Givón 1990 — Givón T. *Syntax. A Functional-Typological Introduction*. Vol. II. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1990.

Givón 2001 — Givón T. *Syntax. An Introduction*. Vol. 2. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2001.

Guérin 2019 — Guérin V. (ed.). *Bridging Constructions*. Berlin: Language Science Press, 2019.

Guillaume 2011 — Guillaume A. Subordinate clauses, switch-reference, and tail-head linkage in Cavineña narratives // R. van Gijn, K. Haude, P. Muysken (eds.), *Subordination in Native South American Languages*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2011. Pp. 109—140.

Haspelmath, König 1995 — Haspelmath M., König E. (eds.). *Converbs in Cross-Linguistic Perspective*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1995.

Hopper 1979 — Hopper P. Aspect and foregrounding in discourse // T. Givón (ed.), *Syntax and Semantics. Vol. 12. Discourse and Syntax*. New York etc.: Academic Press, 1979. Pp. 213—241.

Kalinina, Sumbatova 2007 — Kalinina E., Sumbatova N. Clause structure and verbal forms in Nakh-Daghestanian languages // I. Nikolaeva (ed.), *Finiteness: Theoretical and Empirical Foundations*. Oxford: Oxford University Press, 2007. Pp. 183—249.

Kibrik 2013 — Kibrik A. Discourse semantics and the form of the verb predicate in Karachay-Balkar. A corpus-based and experimental study // B. Bickel, L.A. Grenoble, D.A. Peterson, A. Timberlake (eds.), *Language Typology and Historical Contingency. In Honor of Johanna Nichols*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2013. Pp. 3—46.

Klyagina 2020 — Klyagina E. Semantics and Pragmatics of Abaza Past tenses. MA Term paper. HSE University, 2020.

Klyagina, Arkadiev 2019 — Klyagina E., Arkadiev P. Discontinuous past is real: Evidence from Northwest Caucasian. Talk at the workshop “Tense, aspect and mood categories across languages”, 52nd Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea, Leipzig, 21—24 August 2019.

Lomtadidze et al. 1989 — Lomtadidze K., Klychev R., Hewitt B.G. Abaza // B.G. Hewitt (ed.), *The Indigenous Languages of the Caucasus. Vol. 2. The North West Caucasian Languages*. Delmar, N. Y.: Caravan, 1989. Pp. 91—154.

Plungian, van der Auwera 2006 — Plungian V., van der Auwera J. Towards a typology of discontinuous past marking // *Sprachtypologie und Universalienforschung*, V. 59. 2006. № 4. Pp. 317—349.

Schank, Abelson 1977 — Schank R. C., Abelson R.P. *Scripts, Plans, Goals and Understanding. An Inquiry into Human Knowledge Structures*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1977.

Эффекты интервенции в якутском языке в матричной клаузе¹

Любовь Алексеевна Баркова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Лаборатория социогуманитарных
исследований Севера и Арктики
lovechan@yandex.ru

В статье показано, какие кванторы и фокусные частицы в якутском языке вызывают эффекты интервенции, то есть не допускают появления *wh*-слов после себя. Этим свойством они обладают не всегда: эффекты интервенции возникают только при определенных комбинациях синтаксических ролей *wh*-слова и квантора или фокусной частицы. Кроме того, в предложениях с эффектами интервенции и без них различается значение *wh*-слова *хайдах* (как).

Ключевые слова: эффекты интервенции, *wh*-слова, фокус, аргументы, адьюнкты, якутский язык.

Intervention effects in Sakha in matrix clauses

Liubov A. Barkova

National Research University Higher School of Economics, Laboratory
for Arctic Social Sciences and Humanities
lovechan@yandex.ru

This article shows, which quantifiers and focus particles in Sakha language trigger intervention effects, i. e., do not allow *wh*-words to appear after them. However, intervention effects only appear, when there is a certain combination of syntactic roles of a *wh*-word and a quantifier or a focus particle. Besides, the meaning of the word *χайдах* (*how*) differs in sentences with intervention effects and ones without them.

Keywords: intervention effects, *wh*-words, focus, arguments, adjuncts, Sakha language.

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г.

1. Введение

Якутский язык — язык якутской ветви тюркской семьи, один из государственных языков Республики Саха (Якутия). Данные, на основе которых написана эта статья, собраны в селе Столбы (Хатырык) Намского Улуса летом и осенью 2021 года.

Во многих языках единицы, которые находятся в сфере действия кванторов всеобщности и отрицания или фокусных частиц, не могут с-командовать wh-словами. Эти эффекты называются эффектами интервенции, а единицы, которые вызывают их — интервентами. В языках, где wh-слово может находиться *in situ*, эффекты интервенции могут возникать в предложениях, где есть только одно wh-слово (1). При скрэмблинге wh-слова в CP предложение становится грамматичным (2) [Beck 2006].

(1) *ким даҕаны ким-иэхэ кинигэ
кто ADD кто-DAT книга
бир-бэ-т-э=й?
дать-NEG-PST-3=Q.SPEC
'Кому никто не дал книгу?'

(2) ким-иэхэ ким даҕаны кинигэ
кто-DAT кто ADD книга
бир-бэ-т-э=й?
дать-NEG-PST-3=Q.SPEC
'Кому никто не дал книгу?'

Интервенты препятствуют лицензированию не только wh-слов, но и NPI, и после них часто не может быть группы с союзом «или» в альтернативных вопросах [Beck 2006: 38]. Но в нашей статье мы рассматриваем только лицензирование wh-слов.

В этой статье мы рассмотрим, когда в простой клаузе в якутском языке возникают эффекты интервенции в зависимости от синтаксической роли wh-слова, синтаксической роли интервента и типа этого интервента.

2. Сведения из грамматики якутского языка

2.1 Структура частного вопроса и положение *wh*-слова

Порядок слов в якутском языке — SOV, глагол находится в конце клаузы, косвенное дополнение расположено перед прямым (3).

- (3) маама оҕо-тугар кэмпиэт биэр-бит-э
мама ребенок-РХ.DAT конфета дать-РТСР.PST-3
'Мама дала ребенку конфету'.

В частном вопросе может появляться клитика =й (если слово заканчивается на согласный, эта клитика начинается с гласного верхнего подъёма). Во всех известных нам случаях появление этой клитики опционально.

В якутском языке *wh*-слово может занимать три возможных позиции — *in situ* (4), перед глаголом (5), в спецификаторе CP (6).

- (4) маама **ким-иэхэ** кэмпиэт биэр-бит-э(=й)?
мама **кто-DAT** конфета дать-РТСР.PST-3(=Q.SPEC)
'кому мама дала конфету?'
- (5) маама кемпиэт-э **ким-иэхэ** биэр-бит-э(=й)?
мама конфета-ACC **кто-DAT** дать-РТСР.PST-3(=Q.SPEC)
'Кому мама дала конфету?'
- (6) **ким-иэхэ** маама кемпиэт биэр-бит-э(=й)?
кто-DAT мама конфета дать-РТСР.PST-3(=Q.SPEC)
'Кому мама дала конфету?'

Кроме того, если *wh*-слово — прямой объект, то вся глагольная группа может быть вынесена в спецификатор CP (7). При этом клитика частного вопроса передвигается вместе с предикатом, что противоречит [Ebata 2011: 197], где указано, что эта клитика всегда находится в конце предложения.

- (7) **туг-у атыылас-т-а=й** эн доҕор-ун
что-ACC купить-PST-3=Q.SPEC ты друг-2SG
 ‘Что купил твой друг?’

2.2 Синтаксис интервентов

Набор единиц, которые могут быть интервентами, ограничен — это фокусные частицы (аддитивные и исключающие), отрицание, кванторы (все, никто, некоторые, всегда и т. д.). При этом наличие и/или выраженность эффектов интервенции различается от языка к языку (8), (9).

- (8) Korean [Beck 2006: 3]:
 ***Minsu-man** nuku-lu¹ po-ss-ni?
Minsu-ONLY who-ACC see-Past-Q
 ‘Who did only Minsu see?’
- (9) Mandarin [Beck 2006: 10]:
 %**zhiyou** **Lili** kan-le shenme?
only **Lili** read-ASP what
 ‘What did only Lili read?’

Среди интервентов часто встречаются NPI, и для них в суждениях носителей вариативность меньше, чем для остальных интервентов [Beck 2006: 10, Tomioka 2007: 3].

В якутском языке интервентами могут быть три типа единиц:

- 1) NPI-местоимения, состоящие из wh-слова и аддитивной частицы *даҕаны* (алломорф — *да*) (10);
- 2) группы с аддитивной частицей *даҕаны* (11);
- 3) группы с исключающей частицей *эрэ* (12).

Частица *даҕаны*, если является частью NPI-местоимения, возникает только если финитный глагол в отрицательной форме; в роли аддитивной частицы она может появляться и в утвердительных предложениях [Kirby 2020: 71].

- (10) *ким да(ҕаны) **ким-и** көр-сү-бэ-т-э=й
 кто ADD **кто-ACC** видеть-REFL-NEG-PST-3=Q.SPEC
 ‘Кого никто не встретил?’

- (11) *Ульйаана да(ҕаны) **ким-и** өйдөөн
 Ульяна ADD **кто-ACC** понять.CVB.SEQ
 иһит-т-э?
 слушать-PST-3
 ‘Кого услышала даже Ульяна?’
- (12) ?Ньургуйаана эрэ **ким-и** көр-бүт?
 Ньюргуйана только **кто-ACC** видеть-PTCP.PST
 ‘Кого видела только Ньюргуйана?’

Исключающая частица *эрэ* всегда находится справа от группы в её фокусе. Позиция частицы *даҕаны* — после первого слова группы в её фокусе. Если она справа от группы, то может использоваться как её полный, так и её краткий алломорф (10), а если в середине группы — только краткий алломорф (13).

- (13) хан-нык соруудаҕ-ы **мөлтөх** да
 какой-ADJ задание-ACC плохой ADD
үөрэн-ээччи онгор-д-о
 учиться-ASTOR делать-PST-3
 ‘Какое упражнение смог сделать даже двоечник?’

3. Параметры, влияющие на наличие и степень проявления эффектов интервенции

3.1 NPI: *wh*-слово + *даҕаны*

NPI-местоимение — единственное, для которого в некоторых случаях все носители запрещали *wh*-слово после интервента.

Мы рассматривали комбинации из трёх возможных ролей интервента: субъект, прямой объект, адьюнкт глагольной группы (обстоятельство времени) — и пяти возможных ролей *wh*-слова: субъект, прямой объект, косвенный объект, адьюнкт глагольной группы (обстоятельство времени) и адьюнкт клаузы (обстоятельство причины).

Эффекты интервенции возникают, если интервент является аргументом (субъектом (1) или прямым объектом (14)), но не адьюнктом (15).

- (1) **ким даџаны* **КИМ-ИЭХЭ** *книгэ*
кто ADD **кто-ДАТ** *книга*
 биэр-бэ-т-э=й?
 дать-NEG-PST-3=Q.SPEC
 ‘Кому никто не дал книгу?’
- (14) ?*Ийэ-бэт туг-у да* **КИМ-ИЭХЭ**
мама-2PL что-ACC ADD **кто-ДАТ**
 биэр-бэ-т-э=й?
 дать-NEG-PST-3=Q.SPEC
 ‘Кому ваша мама ничего не дала?’
- (15) *Күннэй хаһан да* **КИМ-ИЭХЭ** *бэлэх*
Кюннэй когда ADD **кто-ДАТ** *подарок*
 биэр-бэт=ий?
 дать-NEG.PRS=Q.SPEC
 ‘Кому Кюннэй никогда не дарила подарки?’

Если NPI является субъектом, эффекты интервенции признаются всеми носителями для wh-аргументов (10), (1), некоторыми носителями — для wh-адъюнктов глагольной группы (16) и отсутствуют для wh-адъюнктов клаузы (17).

- (10) **ким да(џаны)* **КИМ-И** *көр-сү-бэ-т-э=й*
кто ADD **кто-ACC** *видеть-REFL-NEG-PST-3=Q.SPEC*
 ‘Кого никто не встретил?’
- (16) ?*ким даџаны хан-на* *бар-а*
кто ADD **какой-ЛОС** *идти-CVB.SIM*
 сылдыа-батаџ-а=й?
 посетить-NEG.PTCP.PST-3=Q.SPEC
 ‘Куда никто не ходил?’
- (17) *миэхэ ким да* **тоџо** *көмөлөс-пөт-ө?*
я.DAT кто ADD **почему** *помочь-NEG.PRS-3*
 ‘Почему мне никто не помог?’

Если NPI является прямым объектом, то эффекты интервенции признаются большинством носителей для wh-субъекта

(18), некоторыми носителями — для *wh*-косвенного объекта и *wh*-адьюнктов глагольной группы (14), (19) и отсутствуют для *wh*-адьюнктов клаузы (20).

- (18) *туг-у даҕаны **ким** бэлэмнээ-бэ-т-э=й?
 что-ACC ADD **кто** готовить-NEG-PST-3=Q.SPEC
 ‘Кто ничего не приготовил?’
- (19) [?]ким-и даҕаны **хан-на** илдья-бат-ын=ый?
 кто-ACC ADD **какой-ЛОС** уводить-NEG.PRS-2SG=Q.SPEC
 ‘Куда ты никого не водила?’
- (20) учуутал-лар-ы ким-и да **тоҕо** хайҕаа-ба-т-а?
 учитель-PL-3 кто-ACC ADD **почему** хвалить-NEG-PST-3
 ‘Почему учительница никого не похвалила?’

Суждения носителей обо всех комбинациях NPI-интервен-тов и *wh*-слов можно увидеть в таблице 1.

Таблица 1. Комбинации NPI-интервенгов и *wh*-слов

		Синтаксическая роль интервента		
		Подлежащее	Прямое дополнение	Адьюнкт глагольной группы
Синтаксическая роль <i>wh</i> -слова	Подлежащее		Запретило большинство	Разрешили все
	Прямое дополнение	Запретили все		Разрешили все
	Косвенное дополнение	Запретило большинство	Наблюдается вариативность	Разрешили все
	Адьюнкт глагольной группы	Наблюдается вариативность	Наблюдается вариативность	Разрешили все
	Адьюнкт клаузы	Разрешили все	Разрешили все	Разрешили все

Стоит отметить, что в балкарском языке (тюркском, как и якутский) есть NPI-местоимение *bir adam da* (никто). Оно тоже может являться интервенгом. Однако, то, лицензированию каких *wh*-слов оно препятствует, в балкарском и якутском различается: в балкарском эффекты интервенции не наблюдаются

для прямого объекта (21), (22), но наблюдаются для адъюнктов глагольной группы (23) [Voznesenskaia 2012: 169]. Примеры из балкарского и якутского не полностью симметричны: в [Voznesenskaia 2012] есть данные только для *wh*-адъюнкта вложенной клаузы, а в якутском мы рассматриваем *wh*-адъюнкты матричной клаузы.

- (21) *bir adam da ne-ni bil-me-i-di?*
one man da what-ACC know-NEG-IPFV-3SG
 ‘What does nobody know?’
- (22) *bir adam da [fatima-ni zaš-i ne-ni*
one man da Fatima-GEN son-3 what-ACC
zaz-kan-i-n]
write-PFCT-3-ACC
bil-me-i-di?
know-NEG-IPFV-3SG
 ‘What does nobody know that Fatima’s son wrote?’
- (23) **bir adam da [fatima-ni zaš-i qacan kitap*
one man da fatima-GEN son-3 when book
zaz-kan-i-n]
write-PFCT-3-ACC
bil-me-i-di?
know-NEG-IPFV-3SG
 Int. ‘Nobody knows that Fatima’s son wrote a book when?’

3.2 Аддитивная частица *даҕаны*

Аддитивная частица *даҕаны* не является *NPI*, но является интервентом. Как и при *NPI*-местоимениях, эффекты интервенции возникают только если потенциальный интервент — аргумент (24)—(27), но не адъюнкт (28). Однако, если эффекты интервенции наблюдаются, то они всегда допускаются только некоторыми носителями.

- (24) [?]*Ульйаана даҕаны ким-и иһит-т-э?*
Ульяна ADD кто-ACC слушать-PST-3
 ‘Кого услышала даже Ульяна?’

- (25) ?*ыарахан да сорудаҕ-а ким* толор-д-о?
сложный ADD задание-ACC кто справиться-PST-3
 ‘Кто сделал даже сложный пример?’
- (26) ?*убай даҕаны хан-на* бар-быт?
старший.брат ADD какой-ЛОС пойти-PTCP.PST
 ‘Куда ушел даже старший брат?’
- (27) ?*ыарахан да холобор-ун хаһан* Сардаана
сложный ADD пример-РХ.ACC когда Сардана
 онор-бут-у=й
 сделать-PTCP.PST-3=Q.SPEC
 ‘Когда Сардана сделала даже сложный пример?’
- (28) *Улэ да кун-игэр ким* уһун-нук
работа AD день-РХ.DAT кто долго-ADJ
 утуй-ар=ый?
 петь-PRS=Q.SPEC
 ‘Кто спит долго даже в рабочие дни?’

При интервенте-аддитивной частице эффекты интервенции могут возникать при *wh*-аргументе или адьюнкте глагольной группы (24)—(27), но не при *wh*-адьюнкте клаузы (29), (30).

- (29) *Туйгун үөрэн-ээччи даҕаны тоҕо*
отличный учиться-АСТОР ADD почему
 сыыс-т-а?
 ошибиться-PST-3
 ‘Почему даже отличники ошиблись в этом примере?’
- (30) *Кыыс-кын даҕаны тоҕо хайҕаа-т-ыг?*
девочка-2PL ADD почему хвалить-PST-2SG
 ‘Почему ты похвалил даже младшую дочь?’

Суждения носителей обо всех комбинациях аддитивных частиц как интервентов и *wh*-слов можно увидеть в таблице 2.

Таблица 2. Комбинации аддитивных частиц как интервентов и wh-слов

		Синтаксическая роль интервента		
		Подлежащее	Прямое дополнение	Адьюнкт глагольной группы
Синтаксическая роль wh-слова	Подлежащее		Наблюдается вариативность	Разрешили все
	Прямое дополнение	Наблюдается вариативность		Разрешили все
	Адьюнкт глагольной группы	Наблюдается вариативность	Наблюдается вариативность	Разрешили все
	Адьюнкт клаузы	Разрешили все	Разрешили все	Разрешили все

В балкарском языке тоже есть аддитивная частица *da*, но, если wh-слово находится в матричной клаузе, эффекты интервенции не наблюдаются (31) [Voznesenskaia 2012: 168].

- (31) *Kerim da ne-ni bil-me-i-di?*
Kerim da what-ACC know-NEG-IPFV-3SG
 ‘What does also Kerim know?’

3.3 Исключающая частица эрэ

Если интервент — группа в фокусе исключающей частицы *эрэ*, то эффекты интервенции возникают, только если эта группа является субъектом (32), но не прямым объектом или адьюнктом (33), (34).

- (32) ^{??} *Ньургуйаана эрэ ким-и көр-бүт?*
Ньургуйаана только кто-ACC видеть-PTCP.PST
 ‘Кого видела только Ньургуйаана?’
- (33) *боростуой холобор-у эрэ ким онор-д-о*
простой пример-ACC только кто делать-PST-3
 ‘Кто сделал только простой пример?’

- (34) *өрөбүл-гэ* *эрэ* **ким** уһун-нук
воскресенье-DAT *только* **кто** долгий-ADJ
 утуй-ар=ый?
 спать-PRS=Q.SPEC
 ‘Кто спит долго только по выходным?’

При интервенте-субъекте эффекты интервенции выражены для любого *wh*-слова, но для *wh*-аргументов (33) они выражены сильнее, чем для *wh*-адьюнктов (35), (36).

- (35) ?*Айтал* *эрэ* **хан-на** айаннаа-быт?
Айтал *только* **какой-LOC** ездить-PTCP.PST
 ‘Куда ездил только Айтал?’

- (36) ?*Кюннэй* *эрэ* **тоҕо** дьиэ-тааҕ-ы үллэнн-и
Кюннэй *только* **почему** дом-PROPR-ACC задание-ACC
 онор-бут?
 делать-PTCP.PST
 ‘Почему домашнее задание сделал только Кюннэй?’

Суждения носителей обо всех комбинациях исключающих частиц как интервентов и *wh*-слов можно увидеть в таблице 3.

Таблица 3. Комбинации исключающих частиц как интервентов и *wh*-слов

		Синтаксическая роль интервента		
		Подлежащее	Прямое дополнение	Адьюнкт глагольной группы
Синтаксическая роль <i>wh</i> -слова	Подлежащее		Разрешили все	Разрешили все
	Прямое дополнение	Запретило большинство		Разрешили все
	Адьюнкт глагольной группы	Разрешило большинство	Разрешили все	Разрешили все
	Адьюнкт клаузы	Разрешило большинство	Разрешили все	Разрешили все

В балкарском языке, в отличие от якутского, исключаящая частица *quru* не может быть интервентом, если *wh*-слово в матричной клаузе (37) [Voznesenskaia 2012: 167]

- (37) *quru* *alim* **ne-ni** *biledi?*
only *Alim* **what-ACC** knows
 ‘What does only Alim know?’

3.4 Особенности взаимодействия *wh*-адьюнктов клаузы с интервентами

Эффекты интервенции очень редко возникают при *wh*-слове *тобо* (*почему*), при интервентах-NPI и аддитивной частице они полностью исчезают. В [Ко 2005] указано, что в японском и корейском эффекты интервенции тоже исчезают при *wh*-слове *почему*, если оно находится в матричной клаузе, благодаря тому что это местоимение порождается как модификатор CP, и поэтому находится выше оператора Q в вершине CP. Поэтому интервент не может препятствовать его лицензированию (и он сам, и оценивающие его фокусный оператор находятся ниже Q).

В якутском языке есть *wh*-слово *хайдах* (*как*). В частных вопросах без интервентов оно является адьюнктом глагольной группы (38)

- (38) эн аба-н **хай-дах** көр-үн-эр=ий?
 ты отец-2SG **какой-PTCP.TAX** видеть-REFL-PRS=Q.SPEC
 ‘Как выглядит твой отец?’

Это местоимение может быть расположено справа от интервента; некоторые носители переводят его в таких случаях как ‘почему’ (39).

- (39) *ким* *даҕаны* **хай-дах** кууруса-ны
кто *ADD* **как-PTCP.TAX** курица-ACC
 бэлэмнээ-бэт-э
 готовить-NEG.PRS-3
 ?‘Как никто не готовил курицу?’
 ‘Почему никто не готовил курицу?’

Эти свойства местоимения *хайдах* связаны с тем, что его семантика допускает как роль адьюнкта глагольной группы, так и роль адьюнкта клаузы. Во втором случае его значение — «как так случилось, что X». Поскольку как адьюнкт клаузы *хайдах* становится синонимом *тобо* (*почему*), нами не зафиксировано появление *хайдах* как адьюнкта клаузы в предложениях без интервентов. Однако, поскольку эффекты интервенции препятствуют грамматичности появления *хайдах* как адьюнкта глагольной группы, который порождается ниже интервента, актуализируется интерпретация *хайдах* как адьюнкта клаузы, при которой оно порождается выше интервента.

4. Интерпретация данных

4.1. Проблемы семантического объяснения эффектов интервенции

Наиболее известное объяснение эффекта интервенции сделано в [Beck 2006]. У любой клаузы с фокусным выражением есть как обычная семантика (то есть значение пропозиции), так и фокусная семантика (то есть оценка набора альтернатив). При этом у частного вопроса обычная семантика не определена, а значение этого вопроса — набор истинных альтернатив (то есть ответов на него). Wh-слово, а с ним и всё предложение, по [Beck 2006] оцениваются оператором Q, который позволяет игнорировать обычную семантику и оценивать только фокусную. А фокусные выражения, которые и могут являться интервентами, оцениваются оператором ~ (введен в [Rooth 1992]). Этот оператор оценивает все фокусные выражения в своей сфере действия и нейтрализует фокусную семантику, приводя её к обычной.

Поэтому, если фокусный оператор оказывается между оператором Q и wh-словом, то он пытается оценить как обычную, так и фокусную семантику wh-слова. Но у wh-слова нет обычной семантики, и предложение оказывается невозможно интерпретировать. Так возникают эффекты интервенции. Из их

наличия выводится правило: «wh-группа не может иметь оператор ~ в качестве наиболее близкой с-командующей единицы, которая может её связывать» [Beck 2006: 17].

В [Beck 2006] анализируются только случаи, где интервент — подлежащее. Однако, в наших данных есть множество случаев, где фокусные выражения, которые не являются группами подлежащего, с-командуют wh-словами, но интервентами не являются.

Во-первых, интервентами не могут быть адьюнкты глагольной группы. И если отсутствие в этих случаях эффектов интервенции для wh-субъекта или других адьюнктов возможно объяснить тем, что сама позиция wh-групп после интервента возникает благодаря скрэмблингу, то wh-дополнения находятся после интервента *in situ* (40)—(42).

- (40) Сардаана *хаһан да туг-у*
 Сардана *когда ADD ЧТО-АСС*
 сиз-бэтэб-э=й
 есть-NEG.PTCP.PST-3=Q.SPEC
 ‘Что Сардана никогда не пробовала?’

- (41) балт-ым *киэхэ даһаны туг-у*
 младшая.сестра-1SG *вечер ADD ЧТО-АСС*
 сиир=ий
 есть.PRS=Q.SPEC
 ‘Что младшая сестра ест даже вечером?’

- (42) балт-ым *сарсыарда эрэ туг-у*
 младшая.сестра-1SG *утро только ЧТО-АСС*
 сиир=ий
 есть.PRS=Q.SPEC
 ‘Что младшая сестра ест только утром’

Во-вторых, если учитывать те случаи, где wh-слово находится после интервента, но при этом не находится *in situ*, то эффекты интервенции могут отсутствовать и у аргумента — прямого дополнения с исключающей частицей *эрэ*. А учитывать эти случаи следует, поскольку существует запрет на wh-

подлежащее после NPI-дополнения и частичный запрет на все *wh*-слова, кроме адьюнкта клаузы, после NPI-дополнения и дополнения в фокусе аддитивной частицы.

По [Beck 2006] *c*-командовать *wh*-словом не должен сам оператор \sim , а не группа, куда он входит. В этой работе считается, что оператор \sim расположен в одной из IP-вершин. Однако, в [Root 1992], где был введен этот оператор, он является адьюнктом VP, поскольку *only* — единственная фокусная частица, которая рассматривается там — всегда расположена перед глаголом, если в её фокусе не субъект.

Позиция фокусных частиц и ставшей частью NPI *дабаны* зависит только от группы, которая у них в фокусе. Поэтому можно предположить, что оператор \sim — адьюнкт именных или наречных групп, и он не *c*-командует *wh*-словами. Поэтому возникновение эффектов интервенции зависит от других факторов.

4.2. Эффекты интервенции и информационная структура

В [Tomioka 2007] показано, как возможно объяснить эффекты интервенции через свойства информационной структуры.

Согласно [Vallduví 1992; Vallduví, Engdahl 1995], информационная структура клаузы состоит из фона и фокуса, при этом фон состоит из «ссылки» (дискурсивного топика) и «хвоста» (фоновой информации).

В [Tomioka 2007], где анализируются данные японского и корейского, показано, что интервененты — это единицы, которые не могут сочетаться с показателем топика ('Anti-Topic Items' (ATI)). А значит, они не могут отсылать к предыдущему дискурсу. В частных вопросах эти единицы не могут быть и фокусом, так как фокус в частных вопросах — это *wh*-слово. Если интервененты расположены после *wh*-слова, то они являются частью фоновой информации (в японском это выражено через редукцию просодии). Но если они расположены до *wh*-слова, то находятся в фокусе, что невозможно. Из-за того, что эффекты интервенции объясняются прагматикой, суждения носителей о них часто вариативны.

Согласно [Томиока 2007], NPI часто являются интервенциями, поскольку они (в японском и корейском) должны находиться внутри одной синтагмы с лицензором — клаузальным отрицанием. Wh-слово *in situ* же образует отдельную синтагму, из-за чего NPI и лицензор оказываются частями разных синтагм.

Эта теория хорошо объясняет, почему в якутском эффекты интервенции по-разному проявляются для единиц, различающихся только синтаксической ролью. При интервенте-субъекте эффекты интервенции есть всегда, поскольку субъект — чаще всего дискурсивный топик, поэтому АТІ-субъекты в начале предложения могут быть только фокусом, но не частью фоновой информации. Прямой объект — не обязательно дискурсивный топик, но может появляться в предыдущем дискурсе, поэтому только некоторые АТІ-прямые объекты вызывают эффекты интервенции. Адьюнкт же не может быть дискурсивным топиком, поэтому адьюнкты не являются интервентами.

В якутском языке для wh-адьюнктов глагольной группы всегда наблюдается вариативность в суждениях носителей. Это связано с тем, что адьюнкты — часть фоновой информации, поэтому позволяют интервентам-АТІ оказаться фокусом. Но как wh-слова они могут сами быть фокусом, и из-за конфликта этих вариантов информационной структуры возникает вариативность.

5. Заключение

В работе описаны три единицы, вызывающие эффекты интервенции в якутском языке — NPI-местоимение, аддитивная и исключающая фокусные частицы. Выявлены факторы, влияющие на возникновение эффектов интервенции при них — синтаксическая роль интервента и синтаксическая роль wh-слова. Субъект всегда является интервентом, адьюнкт никогда не является интервентом, а свойства прямого объекта различаются для разных интервентов. Эффекты интервенции сильнее выражены у wh-аргументов, чем у wh-адьюнктов глагольной группы, и крайне редко встречаются у wh-адьюнктов клаузы.

Эти данные ставят под вопрос семантическое объяснение эффектов интервенции из [Beck 2006] и подтверждают прагматическое объяснение этих эффектов из [Tomioka 2007].

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ACTOR — имя деятеля; ADD — аддитивная частица; ADJ — адъективатор; ASP — аспект; CVB.SEQ — конверб следования; CVB.SIM — конверб одновременного действия; DAT — датив; GEN — генитив; IPFV — имперфектив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NEG.PRS — отрицание настоящего времени; NEG.PTCP.PST — отрицательное причастие прошедшего времени; ONLY — только; PFCT — перфект; PL — множественное число; PROPR — проприетив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP.PST — причастие прошедшего времени; PTCP.TAX — причастие с аффиксом *tax*; PX.ACC — аккузатив посессивного склонения; PX.DAT — датив посессивного склонения; Q — вопрос; Q.SPEC — специальный вопрос; REFL — рефлексив; SG — единственное число.

Литература

Beck 2006 — Beck S. Intervention effects follow from focus interpretation // *Natural Language Semantics*. 2006. Т. 14. № 1. С. 1—56.

Voznesenskaia 2020 — Voznesenskaia A. Wh-questions in Balkar // *Proceedings of the Workshop on Turkic and Languages in Contact with Turkic*. 2021. Т. 5. № 1. С. 163—172.

Ebata 2011 — Ebata, F., 2011. Sakha (Yakut). Tokyo: Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa (ILCAA), Tokyo University of Foreign Studies.

Kirby 2020 — Kirby I.L. Sakha'da (qany): Negative Polarity, Conjunction, and Focus // *Proceedings of the Workshop on Turkic and Languages in Contact with Turkic*. 2021. Т. 5. № 1. С. 71—85.

Ko 2005 — Ko H. Syntax of why-in-situ: Merge into [Spec, CP] in the overt syntax // *Natural Language & Linguistic Theory*. 2005. Т. 23. № 4. С. 867—916.

Rooth 1992 — Rooth M. A theory of focus interpretation // *Natural language semantics*. 1992. Т. 1. № 1. С. 75—116.

Tomioka 2009 — Tomioka S. Pragmatics of LF intervention effects: Japanese and Korean wh-interrogatives // *Journal of Pragmatics*. 2007. Т. 39. № 9. С. 1570—1590.

Vallduví 1992 — Vallduví E. A preverbal landing site for quantificational operators // *Catalan working papers in linguistics*. 1992. С. 319—343.

Vallduví, Engdahl 1995 — Vallduví E., Engdahl E. Information packaging and grammar architecture // *North East Linguistics Society*. 1995. Т. 25. № 1. С. 35.

Сочинительные функции аблатива в осетинском языке¹

Олег Игоревич Беляев

МГУ, ИЯз РАН, ГИРЯ им. А.С. Пушкина
belyaev@ossetic-studies.org

Ирина Андреевна Хомченкова

МГУ, ИРЯ РАН
irina.khomchenkova@yandex.ru

Одна из функций аблатива в осетинском языке — перечисление объектов с одной семантической ролью. В грамматических описаниях такое употребление аблатива получило несколько трактовок — оно связывалось с партитивной (К.Е. Гагкаев) и предикативной (Н.К. Багаев; Ф. Тордарсон) функциями. В статье мы описываем свойства конструкции с аблативными ИГ и обсуждаем возможности их анализа.

Ключевые слова: сочинение, аблатив, инструменталис, осетинский язык.

Coordinating functions of ablative case in Ossetic

Oleg I. Belyaev

Lomonosov MSU, Institute of Linguistics RAS, Pushkin SRLI
belyaev@ossetic-studies.org

Irina A. Khomchenkova

Lomonosov MSU, Vinogradov Russian Language Institute RAS
irina.khomchenkova@yandex.ru

One of the functions of the ablative in Ossetic is the enumeration of objects with one semantic role. In grammatical descriptions, this use of the ablative has received several interpretations — it is either associated

¹ Исследование поддержано грантом РНФ 22-18-00528 «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте: семантика и пути грамматикализации».

with partitive (by Gagkaev) or predicative (by Bagaev, Thordarson) function. In the paper, we describe the properties of “ablative coordination” and discuss its possible analyses.

Keywords: coordination, ablative, instrumental, Ossetic.

1. Введение

В осетинском языке (иронский диалект; иранские < индоевропейские) падеж на *-æй* / *-йæ* сочетает функции аблатива и инструменталиса (в грамматиках он называется отложительным и/или творительным). Он используется, в частности, для выражения исходной точки (1a), партитивности (1b), инструмента (1c) и имеет предикативное употребление (1d).

- (1) а. Калак-**æй** хъæу-мæ æр-цыд-и.
город-ABL деревня-ALL PV-идти-PST.3SG
‘Он приехал в деревню из города’. [Thordarson 2009: 158]
- б. Ныр дзы иу Дзилих-т-ы мыггаг-**æй**
сейчас 3PL.IN один Дзилих-PL-GEN род-ABL
цæр-ы.
жить-PRS.3SG
‘Сейчас один из рода Дзилиховых живет там’. [Thordarson 2009: 159]
- с. Дзул лыг кæн-ынц кард-**æй**.
хлеб разрез делать-PRS.3PL нож-ABL
‘Хлеб режут ножом’ [Багаев 1965: 156]
- д. Алан хæринагæнæг-**æй** кус-ы.
Алан повар-ABL работать-PRS.3SG
‘Алан работает поваром’.
- е. Гал-тæ а-рвыст-а, æмæ æрдæг
бык-PL PV-посылать-PST.3SG и половина
мард-**æй** с-ласт-ой Алаф-ы.
мертвый-ABL PV-возить-PST.3PL Алаф-GEN
‘Он послал быков, и они подняли Алафа вверх полумёртвым’
[Thordarson 2009: 162]

Также аблатив служит для перечисления объектов (2а); при этом следует заметить, что с единичными именами такая функция аблатива невозможна (2б). На первый взгляд в таких конструкциях присутствует подлежащее, состоящее из нескольких существительных в отложительном падеже, каждая из которых (за исключением «собирательных» существительных типа *фос* ‘скот’) получает множественную интерпретацию, несмотря на морфологическое маркирование по единственному числу. Интересно, что для осетинского языка нестандартны как подлежащие не в именительном падеже, так и множественная интерпретация существительных в единственном числе.

- (2) а. **Фос-æй**, **цъиу-æй**, **саби-йæ** сæ фæллад
 скот-AVL птица-AVL ребенок-AVL POSS.3PL усталость
 уагът-ой.
 оставлять-PST.3PL
 ‘Скот, птицы, дети отдыхали’. [Осетинский национальный корпус]
- б. ***Цъиу-æй** сæ фæллад уагът-ой.
 птица-AVL POSS.3PL усталость оставлять-PST.3PL
 Ожид.: ‘Птицы отдыхали’.

В грамматиках сочинительное употребление отложительного падежа связывалось с **партитивной** [Гагкаев 1956: 113] и **предикативной** функцией [Багаев 1965: 157; Thordarson 2009: 161—162].

В разделе 2 мы опишем свойства конструкций с «аблативным сочинением», а в разделе 3 обсудим возможности их анализа. Данные были получены методом анкетирования носителей в г. Владикавказ Республики Северная Осетия — Алания в 2022 г.; также мы использовали осетинский национальный корпус (далее ОНК; <http://corpus.ossetic-studies.org/search/>).

2. Свойства конструкции с «аблативным сочинением»

2.1. Позиция аблативных ИГ

Аблативные ИГ расположены на левой (2а) или правой периферии (3). Они также могут сочетаться с универсальными кванторными словами (4) и/или обобщающими ИГ (5), которые подчеркнуты в этих примерах, и находиться в том числе в середине клаузы (6).

- (3) Куыст-ой зæронд-**æй** ног-**æй**, лæг-**æй**
 работать-PST.3PL старый-AVL новый-AVL мужчина-AVL
 ус-**æй**.
 женщина-AVL
 ‘Работали старые и молодые, мужчины и женщины’. [ОНК]
- (4) Чызг-**æй** лæппу-**йæ**, ал-чи-дæр
 девочка-AVL мальчик-AVL UQ-кто-ADD
 йæ-хи-мидæг хъуыды кодт-а.
 POSS.3SG-REFL-внутри мысль делать-PST.3SG
 ‘Мальчики, девочки, все про себя думали’. [ОНК]
- (5) Æрба-тардт-а Донбеттыр-т-ы рагъау: бæх-**æй**,
 PV-гнать-PST.3SG Донбеттыр-PL-GEN стадо конь-AVL
 гал-**æй**.
 бык-AVL
 ‘Он отогнал стадо Донбеттыров: коней, быков’. [ОНК]
- (6) а. Адæм чысыл-**æй**, стыр-**æй** æр-æмбырд
 народ маленький-AVL большой-AVL PV-собрание
 сты.
 быть.PRS.3PL
 ‘Люди, маленькие и большие, собрались.’ [ОНК]
- б. Нæрт-он адæм чысыл-**æй**, стыр-**æй** иууылдæр
 нарт-ATTR народ маленький-AVL большой-AVL весь
 фæ-цыд-ысты хæст-мæ.
 PV-идти-PST.3PL война-ALL
 ‘Нартовские люди, маленькие и большие, все пошли на войну’. [ОНК]

2.2. Синтаксическая функция обобщающей ИГ

Как было показано в предыдущем подразделе, при аблативном сочинении возможны выраженные обобщающие ИГ. Они могут занимать различные синтаксические позиции: субъект (6), прямой объект (5), (7), реципиент (8), актант в косвенном падеже (9), объект послелoga (10), сирконстант (11). Аблативные ИГ могут соответствовать даже наречиям без падежного показателя (12). Во всех позициях, кроме субъекта (3) и наречий (13), употребление обобщающей ИГ обязательно.

- (7) Фæрæт-**æй**, дзæбуг-**æй**, хырх-**æй** — *(ал-цы-дæр) сарай-ы
топор-ABL молоток-ABL пила-ABL UQ-что-ADD сарай-IN
сс-ардт-он.
PV-находить-PST.1SG
'Топор, молоток, пилу — я всё нашёл в сарае'.
- (8) Чызг-**æй**, лæппу-**йæ** — Митын Дада
девочка-ABL мальчик-ABL снежный дедушка
*(ал-каем-æн-дæр) хъазæн-тæ
UQ-кто-DAT-ADD игрушка-PL
ба-лæвар кæн-дзæн.
PV-подарок делать-FUT.3SG
'Девочкам, мальчикам — Дед Мороз всем подарит подарки'.
- (9) Æмбал-**æй**, хо-**йæ**, æфсымæр-**æй**, бинойнаг-**æй**,
друг-ABL сестра-ABL брат-ABL родственник-ABL
æмкусæг-**æй** — *(ал-кæ-уыл-дæр) æууандыд-и.
коллега-ABL UQ-кто-SUPER-ADD доверять-PST.3SG
'Друзьям, сёстрам, братьям, родственникам, коллегам — он до-
верял всем'.
- (10) Магуыр-**æй**, æдых-**æй**, рынчын-**æй** — *(ал-кæй
бедный-ABL слабый-ABL больной-ABL UQ-кто.GEN
тыххæй дæр) Зæлинаæ архайдт-а.
для ADD Залина стараться-PST.3SG
'Залина старалась ради всех: бедный, слабых, больных'.

- (11) Сывæллон-**æй**, хъомыл ада**й**маг-**æй**, карджын
 ребенок-ABL взрослый человек-ABL пожилой
 ада**й**маг-**æй**, ал-кæ-имæ дæр хох-мæ цыд-тæн.
 человек-ABL UQ-кто-COM ADD гора-ALL идти-PST.1SG
 ‘С детьми, со взрослыми, с пожилыми людьми — со всеми я
 ходил в горы’.
- (12) Абон-**æй**, знон-**æй** — алы бон дæр ам
 сегодня-ABL вчера-ABL UQ день ADD здесь
 куыст-он.
 работать-PST.1SG
 ‘Сегодня, вчера — я каждый день здесь работал’.
- (13) Алан æхсæв-**æй** бон-**æй** кус-ы.
 Алан ночь-ABL день-ABL работать-PRS.3SG
 ‘Алан работает и ночью, и днем’.

Единственный тип ИГ, с которыми аблативное сочинение, по-видимому, несовместимо, — это ИГ в эквативе, ср. (14) и (15). Возможно, это связано с тем, что обобщающая ИГ в таких контекстах всегда нереферентна, что несовместимо с предикативным прочтением (?? ‘Он говорит как все животные, которые являются кошками, собаками, медведями’). Во всех других случаях мы имеем дело с референтными контекстами.

- (14) Гæды-йау уас-ы.
 кот-EQU издавать_звук-PRS.3SG
 ‘Он мяукает как кот’.
- (15) *Гæды-йæ, куыдз-**æй**, арс-**æй**, се ‘ппæт-ау
 кот-ABL собака-ABL медведь-ABL POSS.3PL весь-EQU
 уас-ын зон-ы.
 издавать_звук-INF знать-PRS.3SG
 ‘Он говорит как все животные: как кот, как собака, как медведь’.

2.3. Свойства аблативных ИГ

В конструкциях с аблативным сочинением невозможно использование сочинительного союза и групповой флексии (16), в

отличие от конструкций с «несочинительным» отложительным падежом (17). Можно предположить, что отложительный падеж выступает как своего рода сочинительный союз.

- (16) *Чызг(-**æй**) æмæ лæппу-**йæ** æрба-цъд-ысты.
 девочка-ABL и мальчик-ABL PV-идти-PRS.3PL
 Ожид.: ‘И девочки, и мальчики пришли’.

- (17) а. Фыд-**æй** æмæ мад-**æй** ра-йгуыр-д-тæн æз дæр.
 отец-ABL и мать-ABL PV-рождаться-PST.1SG я ADD
 ‘И я тоже рождён от отца и матери’. [ОНК]

- б. Адæймаг мад æмæ фыд-**æй** ра-йгуыр-ы.
 человек мать и отец-ABL PV-рождаться-PRS.3SG
 ‘Человек рождается от матери и отца’. [ОНК]

Как мы упоминали во введении, аблативные ИГ не могут присоединять показатель множественного числа (18). Они могут иметь зависимые (19) и употребляться с личными именами (20).

- (18) лæг-**æй** сылгоймаг-**æй** / *лæг-т-**æй**
 мужчина-ABL женщина-ABL мужчина-PL-ABL
 сылгоймаг-т-**æй** фæ-цæу-ынц аргъуан-мæ.
 женщина-PL-ABL PV-идти-PST.3PL церковь-ALL
 ‘И мужчины, и женщины ходят в церковь’.

- (19) Афтæ кæс-ын мæм ра-йдай-ы, цыма
 так смотреть-INF 1SG.ALL PV-начинать-PRS.3SG будто
 фыссаг-**æй**, редактор-**æй**, хуымæтæг
 писатель-ABL редактор-ABL простой
 чиныг-кæс-æг-**æй**, æрдхорд-**æй**, æддагон-**æй**
 книга-читать-PTCP.PRS-ABL друг-ABL чужой-ABL
 иууылдæр мæ ныхмæ сты.
 весь POSS.1SG против быть.PRS.3PL
 ‘Мне начинает казаться, будто писатели, редакторы, простые читатели — все против меня’. [ОНК]

- (20) Алан-**æй**, Сослан-**æй**, Зæлина**æ-йæ** — се
 Алан-ABL Сослан-ABL Залина-ABL POSS.3PL
 ‘ппæт дæр фæ-цæу-ынц аргъуан-мæ.
 весь ADD PV-идти-PST.3PL церковь-ALL
 ‘И Алан, и Сослан, и Залина — все ходят в церковь’.

3. Обсуждение: возможный анализ

На первый взгляд кажется, что ни одна из интерпретаций этой конструкции, предлагавшаяся в грамматиках (партиитивная [Гагкаев 1956: 113], предикативная [Багаев 1965: 157; Thordarson 2009: 161–162]) не подходит.

Партиитивный анализ (‘из мальчиков, из девочек все пришли’) не совместим с тем, что аблативные ИГ употребляются в единственном числе, которое не может использоваться в партиитивных конструкциях (21).

- (21) Скъоладзау-**т-æй** / *скъоладзау-**æй** æрба-цыд-и иу.
 школьник-PL-ABL школьник-ABL PV-идти-PST.3SG один
 ‘Один из учеников пришел’.

Предикативный анализ (‘(будучи) девочками и мальчиками, все пришли’) объясняет единственное число в этой конструкции. Однако допустимость имен собственных представляет для него проблему, поскольку они являются не предикатами, а сущностями. Также при предикативном анализе мы бы скорее не ожидали, что аблативные ИГ могут иметь зависимые.

Можно было бы предложить третий анализ, не рассматривавшийся в грамматических описаниях осетинского языка — **комитативный** (ср. двойное использование комитативных показателей в сочинительной конструкции [Haspelmath 2004: 17], а также частое совмещение инструментальных и комитативных функций в одном показателе [Haspelmath 2003: 229]). Однако аблатив в осетинском не имеет комитативных функций. Более того, согласно [Luraghi 2001: 50; Narrog, Ito 2007: 283], комитативные показатели эволюционируют в инстру-

ментальные, но не наоборот. При этом осетинский аблатив по всей вероятности восходит именно к показателю с отложительным значением (праиранский аблатив или же адлог **haŕsa* с тем же значением). Если так, то, по [Narrog, Ito 2007], именно инструментальное значение должно было развиваться раньше. Таким образом, мы должны были бы предположить, что комитативное значение сначала развилось из инструментального, но затем утратилось, не оставив следов в семантике аблатива кроме его употребления в сочинительной конструкции. Это представляется маловероятным.

Мы считаем, что анализ данных, представленных в разделе 2, может осложняться тем, что в осетинском есть похожая конструкция с аблативными ИГ, но с другой семантикой. Так, в примерах типа (22) аблатив используется не для перечисления объектов, а для выбора из нескольких именных групп. Эту конструкцию можно условно обозначить как **дистрибутивно-партитивную**.

- (22) Фаризæт-æй Афасса-йæ цы уæлдай ис?
 Фаризет-ABL Афасса-ABL что лишний есть
 ‘Кто лишний из Фаризат и Афасса?’ [ОНК]

Возможно, примеры с личными именами типа (20) должны анализироваться так же, как (22), в то время как прочие случаи — как предикативные. В частности, это подтверждается тем, что в конструкциях с личными именами крайне предпочтительно наличие универсальных кванторных слов в субъектной позиции, в то время как прочие существительные не имеют таких ограничений, ср. (23) и (24).

- (23) Алан-æй, Сослан-æй, Залина-йæ — ??(се ‘ппæт
 Алан-ABL Сослан-ABL Залина-ABL POSS.3PL весь
 дæр) фæ-цæу-ынц аргъуан-мæ.
 ADD PV-идти-PST.3PL церковь-ALL
 ‘И Алан, и Сослан, и Залина — все ходят в церковь’.

- (24) Чызг-æй лæппу-йæ — (се ‘ппæт дæр)
девушка-ABL мальчик-ABL POSS.3PL весь ADD
фæ-цау-ынц аргъуан-мæ.
PV-идти-PST.3PL церковь-ALL
‘И мальчики, и девочки — (все) ходят в церковь’.

4. Заключение

В настоящей статье представлен обзор осетинской конструкции, в которой отложительный падеж используется в функции сочинительного показателя. Эта конструкция необычна тем, что, с одной стороны, не является прототипической сочинительной конструкцией: она совместима с обобщающим словом в позиции зависимого глагола; падежный показатель используется в ней вместо сочинительного союза; имена должны стоять в форме единственного числа и имеют (ограниченную) возможность присоединять зависимые. С другой стороны, синтаксис этой конструкции также трудно свести к какой-либо из известных функций аблатива в осетинском языке. Наши предварительные данные показывают, что аблативное сочинение можно анализировать как вторичную предикацию, аналогичную депиктивным конструкциям — это объясняет как употребление в ней аблатива, так и единственное число участвующих в ней существительных. Однако это решение вызывает ряд новых вопросов. Во-первых, как объяснить, что конструкция не употребляется с одной именной группой? Во-вторых, каков статус «аблативного сочинения» собственных имен — является ли оно подтипом рассматриваемого нами «аблативного сочинения», или же его следует считать случаем употребления другой, схожей, «дистрибутивно-партитивной конструкции»? Наконец, каковы синтаксические и семантические свойства этой последней конструкции? На эти и другие вопросы предстоит дать ответ в ходе дальнейших исследований.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ABL — аблатив; ADD — аддитивная частица; ALL — аллатив; ATTR — атрибутивизатор; COM — комитатив; DAT — датив; EQU — экватив; FUT — будущее время; GEN — генитив; IN — инессив; INF — инфинитив; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; PV — преверб; REFL — рефлексив; SG — единственное число; SUPER — суперэссив; UQ — универсальное кванторное слово.

Литература

Багаев 1965 — Багаев Н.К. Современный осетинский язык. Ч. I. Фонетика и морфология. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965.

Гагкаев 1956 — Гагкаев К.Е. Синтаксис осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1956.

Haspelmath 2003 — Haspelmath M. The geometry of grammatical meaning: semantic maps and cross-linguistic comparison // The new psychology of language, vol. 2. Tomasello M. (ed.). Mahwah, NJ: Erlbaum, 2003. Pp. 211—242.

Haspelmath 2004 — Haspelmath M. Coordinating constructions: an overview // Coordinating constructions. Haspelmath M. (ed.). Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2004. Pp. 3—39.

Luraghi 2001 — Luraghi S. Syncretism and the classification of semantic roles // Sprachtypologie und Universalienforschung (STUF). 2001. 54 (1). Pp. 35—51.

Narrog, Ito 2007 — Narrog H., Ito Sh.. Re-constructing semantic maps: the comitative-instrumental Area // Sprachtypologie und Universalienforschung (STUF). 2007. 60(4). Pp. 273—292.

Thordarson 2009 — Thordarson F. Ossetic grammatical studies. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2009.

Собирательные числительные в горномарийском и удмуртском языках¹

Мария Эмилия Александровна Винклер
Институт языкознания РАН / МГУ им. М. В. Ломоносова
maria.emilia.winkler@gmail.com

В статье описаны единицы, называемые в грамматических описаниях горномарийского и удмуртского языков собирательными числительными. Сравниваются семантические и морфосинтаксические свойства таких конструкций и дериватов, отмечаются их сходства и различия. Собранные нами данные дополняют имеющиеся описания исследуемых языков, поскольку в работах предшественников изучаемые нами дериваты не были описаны достаточно подробно.

Ключевые слова: собирательность, числительные, количественные конструкции, финно-угорские языки, горномарийский язык, удмуртский язык.

Collective numerals in Hill Mari and Udmurt

Maria Emilia A. Winkler
Institute of Linguistics RAS / Lomonosov Moscow State University
maria.emilia.winkler@gmail.com

The article deals with so-called “collective numerals”. We compare semantic and morphosyntactic properties of these constructions and derivatives to describe their similarities and differences. Our data supplement the available descriptions of Hill Mari language and Udmurt language, since collective numerals and quantified expressions in these languages have not been yet studied in detail.

Keywords: collectivity, numerals, quantified expressions, Finno-Ugic languages, Hill Mari language, Udmurt language.

¹ Исследование поддержано Российским научным фондом (проект №22-18-00285, выполняемый в МГУ имени М. В. Ломоносова).

1. Введение

1.1. Постановка задачи

Данное исследование посвящено дериватам и конструкциям с количественной семантикой, которые принято относить к собирательным числительным. Мы сопоставим морфосинтаксические и семантические свойства таких дериватов, а также сравним собранный нами материал с имеющимися типологическими данными.

Исследование выполнено на материале двух финно-угорских языков Волго-Камского ареала. Помимо ареального и генетического сходства, как горномарийский, так и татышлинский удмуртский испытывают сильное влияние тюркских языков. Внимание будет уделено как сходствам, так и отличиям систем этих языков друг от друга.

Материал для данного исследования был собран в Татышлинском районе Республики Башкортостан (2019—2022)² и в Горномарийском районе Республики Марий Эл (2016—2019)³ с помощью опроса носителей.

1.2. Собирательность в типологической перспективе

В языках мира собирательность (как и дистрибутивность) может быть как именной, так и глагольной категорией. Термин «собирательность» (англ. “collectivity”) используется в литературе не единообразно: то, что описывается им в одном языке, не всегда похоже на то, что стоит за этим термином в другом языке [Corbett 2000: 117]. Мы опираемся на определение из [Corbett 2000: 118], согласно которому собирательность указывает на то, что все элементы множества должны функционировать как единое целое, и на (как правило, пространственную) смежность участников ситуации.

² Сайт проекта: <https://tatyshly-udmurt.tilda.ws/>

³ Сайт проекта: <https://hillmari-exp.tilda.ws/>

Возникают трудности и с определением круга дериватов и конструкций, которые можно назвать «собирательными числительными», а также свойств, которыми они должны обладать.

Класс числительных, которые принято называть собирательными, подробно изучен в славянских языках через призму семантических и морфосинтаксических ограничений на сочетаемость. Например, в русском языке отмечаются следующие свойства собирательных числительных (подробнее см. [Добрушина, Пантелеева 2008; Никунласси 2006]): такие числительные редко употребляются в косвенных падежах; они предпочтительны в сочетании с одушевленными существительными мужского рода и существительными *pluralia tantum* (*двое ножниц, трое суток*); их допустимость зависит от типа склонения существительного, к которому они относятся. Большая часть из перечисленных категорий существительных отсутствует в финно-угорских языках, следовательно, ограничения устроены совершенно иным образом.

Следует также отметить, что в грамматических описаниях русского языка термином «собирательные числительные» обозначаются, как правило, только приименные дериваты на *-oj(e)* и *-er(o)*: ср. *двое, пятеро*. Тем не менее, в [Сичинава 2012] отмечается следующее: «при чисто семантическом подходе (например, у А. А. Шахматова) в разряд числительных включались не только такие слова, как *дюжина* и *десяток*, но и наречия вроде *дважды, вдвое, вдвоём*». Далее мы продемонстрируем, что в удмуртском и горномарийском языках, напротив, собирательные числительные функционируют преимущественно адвербиально.

1.3. Данные предшественников

В грамматических описаниях, как правило, мало внимания уделяется числительным, в том числе дериватам, относимым к собирательным. Отнесение дериватов и конструкций с количественной семантикой к данному классу — сложившаяся

традиция в описаниях финно-угорских языков. Анализ морфосинтаксических или семантических свойств данных дериватов отсутствует либо является весьма поверхностным.

В грамматическом описании татышлинского удмуртского [Baidoullina 2003: 69] о собирательных числительных сказано лишь то, что они образуются либо с помощью суффикса *-na-* и посессивных суффиксов, либо аналитически с помощью послелога *kiz'a*.

В работе [Стрелкова 2013], включающей данные различных диалектов удмуртского языка, числительные с посессивными показателями обозначены как «собирательно-личные» (они же «счетно-личные местоимения»). Также О. Б. Стрелкова приводит отсылку к [ГСУЯ 1962: 159], где дериваты такого типа названы «собирательно-личными числительными» на основании того, что «семантика числительных в них весьма весома».

В грамматике горномарийского языка [Саваткова 2002: 153] к собирательным числительным относятся дериваты на *-(ǎ)n*, *-(ǎ)n'ek*, а также дериваты с посессивными показателями. В указанной работе присутствуют образцы парадигмы таких числительных, однако отсутствует описание их морфосинтаксиса и семантики.

Большинство исследователей включает в класс собирательных числительных также дериваты с семантикой полного охвата заранее заданного множества (например, дериваты на *-(ǎ)n'ek* в горномарийском), ср. рус. *оба*. Мы же на основании данного семантического критерия выделяем их в отдельный класс, обозначаемый как «агрегативные числительные».

Поскольку морфосинтаксические и семантические свойства, в связи с которыми можно было бы сказать, относится ли некоторый дериват к классу собирательных числительных, для финно-угорских языков не определены в достаточной мере, в данном исследовании мы рассмотрим свойства дериватов и конструкций, традиционно относимых к классу собирательных числительных, за исключением агрегативных, выделяемых нами в отдельный класс.

2. Количественная собирательность в удмуртском и горномарийском языках

2.1. Инвентарь дериватов и конструкций

На материале горномарийского языка мы рассмотрим два типа дериватов:

– NUM + *-n'*- (специализированный показатель для образования «собирательных» дериватов) + POSS + CASE.

– NUM + *-ən* (показатель с широкой адвербиальной дистрибуцией).

В татышлинском удмуртском также будут рассмотрены два вида количественных конструкций:

– NUM + *-na-* + POSS (+ CASE), где *-na-* (имеющий алломорфы *-n'a-* и *-l'a-*) является специальным маркером «собирательной» серии числительных;

– NUM + *küz'a* (послелог с базовым значением 'по, вдоль; вместе').

2.2. Семантические свойства

2.2.1. Семантика собирательности

Мы проверили гипотезу об обязательности пространственной и / или временной смежности в контекстах, предполагающих использование собирательных дериватов. На настоящий момент данный параметр был проверен для горномарийских адвербиальных дериватов на *-ən* и для удмуртских дериватов с маркерами посессивности.

В татышлинском удмуртском пространственная смежность необязательна (1a), в то время как наличие временной смежности необходимо (1b).

(1) ТАТЫШЛИНСКИЙ УДМУРТСКИЙ

a. <i>so-os</i>	<i>türlä</i>	<i>böl'et-ən</i>	<i>kün'-na-zä</i>
тот-PL	разный	комната-LOC	три-COLL-POSS.3PL
<i>kärž'ä-l-i-zä</i> .			
петь-ITER-PST-3PL			
'Они (находясь) в разных комнатах втроем пели'.			

- b. *so-os* *türlä* *vakät-än* *kün'-na-zä*
 тот-PL разный время-LOC три-COLL-POSS.3P
kärž'ä-l-i-zä.
 петь-ITER-PST-3PL
 ‘В разное время они пели втроем (вместе)’ / *‘Каждый из троих человек пел в разное время’.

В то же время для горномарийских дериватов на *-än* наличие временной смежности не является обязательным условием (2a). Пространственная смежность, по имеющимся данным, также необязательна (2b).

(2) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- a. *nänä* *käm-ät-än* *tol-än-ät*, *ik-tä* *irok*,
 те три-FULL-ADV приходить-PRET-3PL один-FULL утро
ves-ä *sotägečä-n*, *käm-šä* *vad-eš*.
 другой-FULL день-GEN три-ORD вечер-LAT
 Букв.: ‘Они пришли втроем: один — утром, другой — днем, третий — вечером’.
- b. *käm* *cerkä-štä* *pop-vlä* *käm-ät-än* *tengečä*
 три церковь-IN священник-PL три-FULL-ADV вчера
cang-äm *ši-evä*.
 колокол-ACC бить-AOR.3PL
 ‘Вчера в трех разных церквях священники звонили в колокола (одновременно / в разное время)’.

2.2.2. Иерархия одушевленности

В данном исследовании мы используем иерархию одушевленности (ИО) с опорой на [Haspelmath 2013]⁴. Однако для более полного отражения наших данных необходимо добавить класс эффекторов (предположительно между “lower” animals и discrete inanimates).

Рассмотрим горномарийские дериваты на *-än*: граница проходит внутри класса существительных в роли эффекторов, ср. (3a)—(3d).

⁴ kinship terms > other humans > “higher” animals > “lower” animals > discrete inanimates > nondiscrete inanimates

(3) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- a. **cäškä-vlä kām-ät-än stöl vəl-nä šänz-ät.*
 чашка-PL три-FULL-ADV стол верх-IN2 сидеть-NPST.3PL
 Ожидаемое значение: ‘На столе стоят три чашки’.
- b. [?]*traktâr-vlä kām-ät-än nâr-äštâ šalḡ-at.*
 трактор-PL три-FULL-ADV поле-IN стоять-NPST.3PL
 ‘В поле стоят три трактора’, букв. ‘Тракторы в поле стоят
 вдвоем’.
- c. *arašängä-vlä kām-ät-än stöl vəl-nä šänz-ät.*
 муха-PL три-FULL-ADV стол верх-IN2 сидеть-NPST.3PL
 ‘На столе сидят три мухи (букв. «втроем»)’.
- d. *t'et'ä-vlä kām-ät-än cālan-äštâ šänz-ät.*
 ребенок-PL три-FULL-ADV кухня-IN сидеть-NPST.3PL
 ‘В кухне сидят трое детей, (букв. «втроем»)’.

Тем не менее, не все существительные в роли эффектора могут контролировать собирательные числительные на *-än*, ср. (4a)—(4b).

(4) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- a. [?]*gazonokos'ilkä-vlä kām-ät-än rovataj-at.*
 газонокосилка-PL три-FULL-ADV работать-NPST.3PL
 ‘Три газонокосилки работают’, букв. ‘Газонокосилки работа-
 ют вдвоем’.
- b. **ti püšängä-m moln'i-vlä kām-ät-än raškalt-en-ät.*
 этот дерево-ACC молния-PL три-FULL-ADV бить-PRET-1PL
 Ожидаемое значение: ‘В это дерево ударило три молнии’.

С горномарийскими числительными вида NUM + *-n'* + POSS + CASE стабильно сочетаются существительные, реферирующие к людям, в то время как сочетаемость с существительными класса “higher animals” не вполне грамматична для части носителей, ср. (5a)—(5c). В контекстах с неодушевленными референтами (5c) в горномарийском языке употребляется полная форма количественного числительного, обладающая дистрибуцией ИГ и способная присоединять падежные показатели. При референции к группе людей употребление данной формы в эллиптических контекстах неграмматично.

(5) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- a. *vas'a-n šukā tāng-vlä-žä ulā, tädä*
 Вася-GEN много друг-PL-POSS.3SG имеется он
*kām-ān'-āštā-m / *kām-āt-ām xāna-l-aš*
 три-COLL-POSS.3PL-ACC три-FULL-ACC гость-DENOM-INF
sägär-äl-än.
 звать-ATT-PRET
 ‘У Васи много друзей, но он пригласил троих из нас’. <OTHER HUMANS>
- b. *pört-āštā šukā kot'i ulā, vas'a kām-āt-ām /*
 дом-IN много кошка имеется Вася три-FULL-ACC
**kām-ān'-āštā-m pukš-en.*
 три-COLL-POSS.3PL-ACC кормить-PRET
 ‘В доме живет много кошек, но Вася покормил трех из них’.
 < (“HIGHER”) ANIMALS>
- c. *vas'a-n šukā törölkä-vlä-žä ulā, tädä*
 Вася-GEN много тарелка-PL-POSS.3SG имеется он
*kām-āt-ām / *kām-ān'-āštā-m pādārt-en.*
 три-FULL-ACC три-COLL-POSS.3PL-ACC разбивать-PRET
 ‘У Васи много тарелок, он разбил три из них’. <DISCRETE INANIMATES>

В отношении дериватов вида NUM + *-na-* + POSS (+ CASE) у носителей татышлинского удмуртского существует несколько систем, в которых ограничения на сочетаемость с существительными, принадлежащими к разным классам согласно ИО, устроены различным образом. Система, являющаяся в нашей выборке наиболее частотной, проиллюстрирована примерами (6a)–(6e). В данной системе граница проходит между классами “higher animals” и “lower animals”: с первыми коиндексация такого собирательного числительного в данных системах возможна, со вторыми — нет. Также существуют еще две противоположные друг другу стратегии. У части носителей коиндексация собирательного деривата вида NUM + *-na-* + POSS (+ CASE) возможна только с существительными, реферирующими к людям (т.е. грамматичным в такой системе будет только пример (6a)). Наконец, существует система, при которой существительное с любым одушевленным референтом может контролировать собирательный дериват (т.е. во всех примерах

(6a)–(6e) данный дериват будет грамматичным). Стратегия с *küz'a* у абсолютного большинства носителей (вне зависимости от того, как у них устроена стратегия с собирательными дериватами) грамматична только в сочетании с наименованиями людей.

(6) ТАТЫШЛИНСКИЙ УДМУРТСКИЙ

- a. *äž'ämi-os vit'-n'a-zê / vit' küz'a lâkt-i-zê.*
 человек-PL пять-COLL-POSS.3PL пять по приходить-PST-3PL
 ‘Люди пришли впятером’. <OTHER HUMANS>
- b. *koč'äš-jos vit'-n'a-zê / vit' küz'a lâkt-i-zê.*
 кот-PL пять-COLL-POSS.3PL пять по приходить-PST-3PL
 ‘Коты пришли впятером’. <“HIGHER” ANIMALS>
- c. **č'ibin'-n'os vit'-n'a-zê / vit' küz'a loba-lo.*
 муха-PL пять-COLL-POSS.3PL пять по летать-PRS.3PL
 Ожидаемое значение: ‘Пять мух летает’. <“LOWER” ANIMALS>
- d. **s'üres vâl-ti mašina-jos vit' küz'a / vit'-n'a-zê mân-o.*
 дорога верх-PROL машина-PL пять по
 пять-COLL-POSS.3PL идти-PRS.3PL
 Ожидаемое значение: ‘По дороге едет пять машин’. <DISCRETE INANIMATES>⁵
- e. **žók vâl-ân čaška-jos vit' küz'a / vit'-n'a-zê šâl-o.*
 стол верх-LOC чашка-PL пять по
 пять-COLL-POSS.3PL стоять-PRS.3SG
 Ожидаемое значение: ‘На столе стоит пять чашек’. <DISCRETE INANIMATES>

2.2.3. Референтность

Данный параметр противопоставляет изучаемые нами конструкции татышлинского говора удмуртского языка. У ИГ, местоимения или синтаксического нуля, кореферентных деривату вида NUM + *-na / -n'a* + POSS + (CASE), должен быть конкретный референт. У конструкции с *küz'a* таких ограничений

⁵ Отдельно выделяемый нами класс эффикторов.

нет. В (7a), (7c) у ИГ нет конкретного референта: люди могут быть разными. В (7b), (7d), напротив, речь идет о заранее известном множестве людей. В (8) наблюдается то же самое противопоставление.

(7) ТАТЫШЛИНСКИЙ УДМУРТСКИЙ

a. *ta žòk-ez vit' kùz'a / *vit'-n'a-zâ*
 этот стол-ACC пять по пять-COLL-POSS.3PL
žutâ-nâ kul-e.
 поднимать-INF быть_нужным-PRS.3SG
 ‘Этот стол нужно поднимать впятером’.

b. *ta žòk-ez vit'-n'a-zâ žut-i-zâ.*
 этот стол-ACC пять-COLL-POSS.3PL поднимать-PST-3PL
 ‘Этот стол (они) подняли впятером’.

c. *ta žòk-ez objč'nâ vit' kùz'a žut-o.*
 этот стол-ACC обычно пять по поднимать-PRS.3PL
 ‘Этот стол обычно поднимает пять человек (разные; неизвестно, что за люди)’.

d. *ta žòk-ez objč'nâ vit'-n'a-zâ žut-o.*
 этот стол-ACC обычно пять-COLL-POSS.3PL поднимать-PRS.3PL
 ‘Этот стол обычно поднимает пять человек (одни и те же; конкретные)’.

(8) *mašina-je vit' kùz'a / #vit'-n'a-zâ /*
 машина-ILL пять по пять-COLL-POSS.3PL
#vit'-n'a-mâ puks'â-nâ lü-e.
 пять-COLL-POSS.1PL садиться-INF стать-PRS.3SG
 ‘В машину можно сесть впятером (любим людям)’.
 #‘Они впятером могут сесть в машину / мы впятером можем сесть в машину’.

2.3. Морфосинтаксические свойства

2.3.1. Лексикализация

В обоих исследуемых идиомах собирательные дериваты, несущие на себе посессивные маркеры, образуются только от небольшой группы числительных. В горномарийском это числительные со значением от ‘2’ до ‘5’, окказионально у части носителей — также ‘6’ и ‘7’. В татышлинском удмуртском

сохжие дериваты образуются аналогично лишь от числительных со значением от '2' до '5', у части опрошенных носителей — также от числительного со значением '6', см. Таблицу 1.

Таблица 1. Лексикализация

	Татышл. удм. (NUM-COLL-POSS.3PL)	Горномарийский (NUM-COLL-POSS.3PL-ACC)
'вдвоем'	<i>kək-na-zə</i>	<i>kogon'-əštā-m</i>
'втроем'	<i>kün'-na-zə / kün'-n'a-zə</i>	<i>kəm-ən'-əštā-m</i>
'вчетвером'	<i>nil'-l'a-zə / nil'-na-zə</i>	<i>nəl-ən'-əštā-m</i>
'впятером'	<i>vit'-n'a-zə / vit'-na-zə</i>	<i>vəz-ən'-əštā-m</i>
'вшестером'	<i>'kuat'-na-zə</i>	<i>'kud-ən'-əštā-m</i>
'всемером'	<i>*s'iz'im-na-zə / *s'iz'im-n'a-zə</i>	<i>'šəm-ən'-əštā-m</i>
'восьмером'	<i>*č'aməs-na-zə / *č'aməs-n'a-zə</i>	<i>*kändäkš-ən'-əštā-m</i>

В то же время конструкции с *küz'a* в татышлинском удмуртском и дериваты на *-(ə)n* в горномарийском образуются как от форм, перечисленных в таблице, так и от других количественных числительных: ср. *kün' күз'a* 'втроем', *č'aməs күз'a* 'восьмером', *das күз'a* 'вдесятером'; *kəmätən* 'втроем', *kändäkšən* 'восьмером', *lun* 'вдесятером'.

2.3.2. Морфосинтаксический класс

В данном разделе мы рассмотрим, способны ли изучаемые дериваты и конструкции формировать одну составляющую с существительным, как собирательные числительные в русском языке.

Как видно из (9a)—(9b), горномарийские дериваты на *-(ə)n* обладают не приименной, а адвербиальной дистрибуцией.

(9) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- a. ^{??}*kü* *tol-ən?* — *nənə* ***kəm-ət-ən.***
 кто приходит-ПРЕТ те три-FULL-ADV
 Ожидаемое значение: 'Кто приходил? — Они втроем'.
- b. *ma-m* *nənə* *tengečə* *əšt-en-ət?*
 что-ACC те вчера делать-ПРЕТ-3PL
 — ***kəm-ət-ən*** *mad-ən-ət.*
 три-FULL-ADV играть-ПРЕТ-3PL
 'Что они вчера делали? — Играли втроем'.

Дериваты с посессивными показателями в обоих языках обладают дистрибуцией полной ИГ. Такие дериваты копируют падеж кореферентной ИГ, ср. пример (10) из горномарийского.

(10) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

— *kü-m* *tän'* *tengečä* *už-än-at?* — *täng-vlä-m*
 кто-ACC ты вчера видеть-PRET-2SG друг-PL-ACC

käm-än'-äštä-m.

три-COLL-POSS.3PL-ACC

‘Кого ты вчера видел? — Троих друзей’.

В обоих языках кореферентная собирательному деривату составляющая может быть выражена ИГ, местоимением или синтаксическим нулем, ср. (11).

(11) ТАТЫШЛИНСКИЙ УДМУРТСКИЙ

eš-jos / so-os / Ø *vit'-n'a-zä* *läkt-i-zä.*
 друг-PL тот-PL пять-COLL-POSS.3PL приходит- PST-3PL

‘Друзья / они пришли пятером’.

Исключение составляют послеложные группы. В таких конструкциях кореферентная ИГ в обоих языках опускается, см. (12)—(13):

(12) ТАТЫШЛИНСКИЙ УДМУРТСКИЙ

(**mi / *mi* *dor-ä*) *vit'-n'a-mä* *dor-ä*
 мы мы сторона-ILL пять-COLL-POSS.3PL сторона-ILL

eš-jos-ä *läkt-i-zä.*

друг-PL-POSS.1PL приходит- PST-3PL

‘К нам пятерым пришли друзья’.

(13) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

(**nänä / *nänä* *do-kä*) *käm-än'-äštä* *do-kä*
 те те к-ILL2 три-COLL-POSS.3PL к-ILL2

xäna-vlä *tol-än-ät.*

гость-PL приходит-PRET-3PL

‘К ним пятерым пришли гости’.

У горномарийских и удмуртских собирательных дериватов с посессивными показателями есть следующее морфосинтак-

сическое различие: слот CASE, который может заполняться падежным маркером либо послелогом, в татышлинском удмуртском опционален (14), тогда как в горномарийском он обязателен (15), (16).

- (14) ТАТЫШЛИНСКИЙ УДМУРТСКИЙ

so-os ***kâ²-na-zâ*** *lâkt-i-zâ*.
 тот-PL два-COLL-POSS.3PL приходит- PST-3PL
 ‘Они пришли вдвоем’.

- (15) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

mä *kâm-ât-ân* / ****kâm-ân'-na*** *tol-ân-na*.
 мы три-FULL-ADV три-COLL-POSS.1PL приходит- PRET-1PL
 ‘Мы пришли втроем’.

- (16) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

nânä ***kâm-ân'-na*** *do-kâ* *tol-ân-ât*.
 те три-COLL-POSS.1PL у-ILL2 приходит- PRET-3PL
 ‘Они пришли к нам троим / троим из нас’.

Возможность употребления конструкций с послелогом *küz'a* в приименной и / или адвербиальной функции требует дополнительного исследования.

2.3.3. Коиндексация

В разделе 2.3.1 было показано, что собирательные дериваты с посессивными маркерами получают падежное оформление от той ИГ, с которой коиндексируются. Горномарийская конструкция с дериватом на *-(â)n*, в отличие от прочих рассматриваемых в данной статье, не способна присоединять падежные показатели. Как видно из (17), такие дериваты могут коиндексироваться с субъектом активной клаузы.

- (17) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

mä_i *nânä-m_j* ***kâm-ât-ân_{i/*j}*** *už-ân-na*.
 мы те-ACC три-FULL-ADV видеть- PRET-1PL
 ‘Мы втроем их увидели / *Мы увидели их троих’.

Однако в пассивной клаузе они коиндексируются не с субъектом, а с агенсом, см. (18), где агенс выражен синтаксическим нулем.

(18) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

[#]*t'eŋ'ä-vlä* *käm-ät-än* *pukšê-mê*.

ребенок-PL три-FULL-ADV кормить-PTCP.PASS

*'Трое детей были накормлены'. /[?]'Детей накормили три человека', букв. 'Дети были накормлены (кем-то) втроем'.

3. Заключение

В Таблице 2 сопоставлены наиболее детально описанные в статье свойства собирательных числительных обоих языков. Как видно из таблицы, дериваты, присоединяющие посессивные показатели, лексикализованы в обоих языках (ср. собирательные числительные в славянских языках, обладающие тем же свойством).

Ключевым для самого определения собирательных числительных является тот момент, что семантика собирательности устроена различным образом у разных дериватов, традиционно относимых к этому классу (см. раздел 2.1). Данный вопрос нуждается в более тщательном исследовании для выявления дополнительных различий.

Также необходимо отметить, что в финно-угорских языках морфосинтаксический класс дериватов, называемых собирательными числительными, отличается от класса явлений, которые стоят за этим термином в славянских языках. Если в русском языке, как было отмечено в разделе 1.2, собирательные числительные являются приименными, то изученные нами дериваты обладают либо адвербиальными свойствами, либо дистрибуцией полной ИГ.

Финно-угорские собирательные числительные неоднородны в отношении ограничений на коиндексацию с различными типами ИГ. Некоторым доступен широкий спектр синтаксических позиций и семантических ролей, в то время как другие имеют более строгие ограничения. Кроме того, у некоторых собирательных числительных в финно-угорских языках есть ограничения на референциальный статус кореферентной ИГ.

Таблица 2. Свойства собирательных числительных

	Горномарийский		Татышлинский удмуртский	
	NUM + -n'- + POSS + CASE	NUM + - <i>ə</i> n	NUM + -na- + POSS + (CASE)	NUM + <i>kiz'a</i>
Лексикализация	+	–	+	–
Ограничения на ИО	+	+	+	+

Как видно из Таблицы 2, все рассмотренные дериваты и конструкции имеют ограничения на сочетаемость, связанные с иерархией одушевленности. Эти ограничения суммированы в Таблице 3.

Таблица 3. Ограничения на ИО

		Люди	Животные, приблж. к людям	Остальные животные	Эффекторы	Остальные предметы
Удм.	-na- ⁶	OK	? ⁷	*	*	*
	<i>kiz'a</i>	OK	??	*	*	*
Г-мар.	-n'-	OK	?	*	*	*
	- <i>ə</i> n	OK	OK	OK	?	*

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; ADV — адвербиализатор; AOR — аорист; ATT — аттенуатив; CASE — падеж; COLL — собирательное числительное; DAT — датив; DENOM — отыменной глагол; FULL — полная форма; GEN — генитив; ILL — иллатив; IN — инессив; INF — инфинитив; ITER — итератив; LAT — латив; LOC — локатив; NPST — непрошедшее время; NUM — количественное числительное; ORD — порядковое числительное; PASS — пассив; PL — множественное число; POSS — possessивный показатель; PRET — претерит; PROL — пролатив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; SG — единственное число.

⁶ В данной таблице приведена наиболее частотная в нашей выборке система. Подробнее о вариативности см. в разделе 2.2.2.

⁷ Степень допустимости этой конструкции различается для разных животных. Список названий животных, входящих в данную категорию в удмуртском языке, на настоящий момент нуждается в уточнении.

Литература

ГСУЯ 1962 — *Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология*. Отв. ред. П. Н. Перевощиков. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962.

Добрушина, Пантелеева 2008 — Добрушина Н.Р., Пантелеева С.А. 2008. *Собирательные числительные: коллектив как индивидуализация множественности*. Инструментарий русистики: корпусные подходы. Хельсинки: Slavica Helsingiensia, 34.

Никунласси 2006 — Никунласси, А. 2006. *К вопросу об употреблении собирательных числительных при неодушевленных существительных в русском языке (норма и узус)*. Scando-Slavica 52 (2006), 5—18.

Савааткова 2002 — Савааткова, А. А. 2002. *Горное наречие марийского языка*. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002. (Bibliotheca Ceremissica; Т. 5).

Сичинава 2012 — Сичинава Д. В. 2012. *Числительное*. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. Москва.

Стрелкова 2013 — Стрелкова О. Б. 2013. *Имена числительные удмуртского языка*. Монография. — Ижевск: «Удмуртский университет».

Baidoullina 2003 — Baidoullina, A. *Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология* (Magistritöö). Tartu: Tartu Ülikool, 2003.

Corbett 2000 — Corbett, G. G. 2000. *Number*. Cambridge: CUP.

Haspelmath 2013 — Haspelmath, M. 2013. *Occurrence of Nominal Plurality*. In: Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (Available online at <http://wals.info/chapter/34>, Accessed on 2022-02-27.)

Позиции реципрокализации в клаузах с суффиксом *-ш* в балкарском языке¹

Анастасия Ильинична Груздева

МГУ имени М. В. Ломоносова / Институт языкознания РАН
gruzdevaai@my.msu.ru

Статья посвящена синтаксису показателя реципрока *-ш* в малкарском диалекте карачаево-балкарского языка. Суффикс имеет три основных значения: реципрок, социатив и компетитив. В своём реципрокальном значении этот аффикс способен реципрокализовать в первую очередь актантные позиции прямого объекта двухместных глаголов и непрямого объекта. В идиомах некоторых носителей также возможна реципрокализация аблативного объекта. Позиции сирконстантов и посессора прямого и непрямого объектов, как правило, не поддаются реципрокализации. Позиция прямого объекта внутри сентенциального актанта доступна для реципрокализации по интуиции только одного из опрошенных носителей.

Ключевые слова: реципрок, залого и актантные деривации, карачаево-балкарский язык, тюркские языки.

Reciprocalization positions in clauses with the suffix *-ş* in Balkar

Anastasia I. Gruzdeva

Lomonosov MSU / Institute of linguistics RAS
gruzdevaai@my.msu.ru

The paper addresses syntax of the reciprocal marker *-ş* in Malkar dialect of Karachay-Balkar. The suffix has three main meanings: reciprocal, sociative and competitive. In clauses with reciprocal *-ş* derivatives it is possible to reciprocalize primarily direct objects of monotransitive verbs and indirect objects. In some speakers' idioms it is also possible to reciprocalize ablative objects. Adjunct positions and possessors of direct and indirect objects are not usually available for reciprocalization. The position of a direct object inside a sentential argument can lend itself to reciprocalization only in intuition of one of the speakers elicited.

Keywords: reciprocal, voice and valency-changing operations, Karachay-Balkar, Turkic languages.

¹ Исследование выполнено при поддержке НОШ МГУ «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

1. Введение

Эта статья посвящена синтаксису показателя реципрока *-ш* в малкарском диалекте карачаево-балкарского языка, а именно иерархии синтаксических позиций, доступных для реципрокализации при предикатах с суффиксом *-ш*.

Материалом для исследования послужили данные, собранные в ходе экспедиции в село Верхняя Балкария Кабардино-Балкарской Республики в августе 2021 г. Опрошенные носители балкарского языка — местные жители преимущественно среднего и старшего возраста. Для сбора данных информантам предъявлялись балкарские стимулы для оценки приемлемости и русские стимулы для элицитации балкарских предложений.

В разделе 2 этой статьи приведены общие сведения о суффиксе *-ш*. Раздел 3 посвящён доступным для реципрокализации синтаксическим позициям, а в разделе 4 рассматриваются позиции, недоступные для реципрокализации в клаузах, которые содержат только морфологический показатель реципрока. Раздел 5 содержит выводы настоящего исследования.

2. Общие сведения о суффиксе *-ш*

В грамматике [Баскаков 1976] рассматриваемому суффиксу приписывается значение «взаимно-совместного залога»; отмечается также наличие значения соревнования наряду с основным. Работа [Nedjalkov 2002] рассматривает реципрок, опираясь в первую очередь на материал карачаево-балкарско-русского словаря [КБР 1989]. Недялков выделяет 4 значения у показателя *-ш*: реципрок, социатив, компетитив и антикаузатив.

В идиоме современных жителей села Верхняя Балкария у суффикса *-ш* удалось обнаружить три основных значения: реципрок — взаимное действие (1b.1), (1b.3), социатив — совместное действие (1b.2) и компетитив — соревновательное действие (1b.4).

- (1) а. Алим Керим-ни тюй-дю
Алим Керим-АСС бить-PST
‘Алим побил Керима’.

- в. Алим бла Керим тюй-юш-дю-ле
Алим и Керим бить-REC-PST-PL
1. 'Алим и Керим поругались/перессорились/поборолись'.
 2. 'Алим и Керим вместе кого-то побили'.
 3. 'Алим и Керим с кем-то (третьим) поругались/поборолись'.
 4. 'Алим и Керим соревновались в борьбе':
 - а. борясь друг с другом;
 - б. каждый со своим противником'.

В (1а) представлен пример с исходной диатезой глагола *туй* 'бить', которая содержит номинативного (*Алим*) и аккумулятивного (*Керим-ни*) участников.

(1б) — предложение с *-и*-дериватом, которое может иметь в общей сложности четыре интерпретации. Две из них — реципрокальные: в (1б.1) участник *Керим* стал частью множественного субъекта в результате реципрокализации позиции аккумулятивного участника. В первой интерпретации каждый из двух элементов множественного субъекта одновременно играет роль и Агенса, и Пациенса глагола *туй* 'бить'. (1б.3) — тоже пример реципрокальной деривации, но в этом прочтении подразумевается третий, не названный в предложении участник, который выступает в описываемой ситуации в качестве оппонента Алим и Кериму.

Интерпретация (1б.2) представляет собой социативное прочтение предложения, при котором не происходит никаких взаимных действий. Суффикс *-и* в данном случае подчёркивает совместность общих действий Алима и Керима. Пациенс в аккумулятиве в социативной клаузе, в отличие от реципрокальной, не элиминируется, но в конкретном примере он не выражен поверхностно, хоть и подразумевается.

Наконец, в (1б.4) мы наблюдаем конкуритивную интерпретацию предложения: в этом случае суффикс *-и* привносит значение соревновательности.

3. Позиции, доступные для реципрокализации

При реципрокальном преобразовании клаузы один из участников (выраженный косвенным падежом) удаляется из диатезы, а другой (в прототипическом реципроке — номинативный) ста-

новится множественным. В балкарском языке для реципрокализации доступны позиции прямого и непрямого объекта, а также дативного сирконстанта, но с некоторыми ограничениями.

ПРЯМОЙ ОБЪЕКТ в двухместных глаголах реципрокализуется свободно²: например, в (1b.1) вместо номинативного участника *Алим* и аккузативного участника *Керим-ни* из (1a) мы видим одного множественного номинативного участника, выраженного двумя сочинёнными именными группами (далее ИГ) *Алим бла Керим*.

Сочинённых ИГ в реципрокальной клаузе может быть и больше, например три, как показано в (2):

- (2) Алим бла Керим бла Фатима тьой-юш-дю-ле
Алим и Керим и Фатима бить-REC-PST-PL
'Алим, Керим и Фатима втроём между собой поссорились'.

Множественность субъекта может быть выражена не только сочинением, но и с помощью добавления комитативного участника, как *Керим бла* в (3)³. Реципрокальные интерпретации примера представлены в (3.1) и (3.3):

- (3) Алим Керим бла тьой-юш-дю
Алим Керим с бить-REC-PST
1. 'Алим поборолся/поругался с Керимом'.
 2. 'Алим с Керимом вместе кого-то побил'.
 3. 'Алим с Керимом вместе против кого-то поругались/поборолось'.
 4. 'Алим с Керимом соревновались в борьбе:
а. борясь друг с другом;
б. *каждый со своим противником'.

В (4) можно наблюдать комбинацию этих двух способов выражения множественности субъекта:

² Если глагол агентивный и его прямой объект прототипически одушевлённый [Gruzdeva, Paramonova 2023].

³ В постпозиции по отношению к ИГ *бла* играет роль комитативного послелого (наподобие русского *с*).

- (4) Алим бла Керим Фатима бла тьюй-юш-дю-ле
 Алим и Керим Фатима с бить-REC-PST-PL
 ‘Алим и Керим поспорились с Фатимой’.

В трёхместных глаголах, напротив, реципрокализация прямого объекта невозможна для абсолютного большинства опрошенных носителей. В (5а) приведён базовый пример для глагола *зибер* ‘отправлять’, который демонстрирует его исходную диатезу: она состоит из номинативного, аккузативного и дативного участников.

- (5) а. Алим Керим-ни тюкен-нге зибер-ди
 Алим Керим-ACC магазин-DAT отправлять-PST
 ‘Алим отправил Керима в магазин’.
- б. Алим бла Керим тюкен-нге зибер-иш-ди-ле
 Алим и Керим магазин-DAT отправлять-REC-PST-PL
 1. * ‘Алим и Керим отправили друг друга в магазин’.
 2. ‘Алим и Керим отправили кого-то в магазин’.

Как видно по (5b.1), реципрокальная интерпретация, при которой был бы удалён аккузативный участник, для *-ш*-деривата от этого глагола невозможна.

НЕПРЯМОЙ ОБЪЕКТ также способен подвергаться реципрокализации по интуиции большинства информантов, если является актантом предиката, присоединяющего к себе суффикс *-ш*. Это возможно и для двухместных глаголов, и для трёхместных.

В (6а) мы видим исходную диатезу двухместного глагола *къара* ‘смотреть’, имеющего валентности на номинативный субъект и дативный объект. Преобразование этой диатезы, вызванное добавлением суффикса *-ш*, продемонстрировано в (6b), где третья интерпретация (6b.3) является реципрокальной. Именная группа *Аминат* из непрямого объекта повышается до позиции подлежащего, образуя с именной группой *Керим* множественный субъект.

(6) а. Керим Аминат-ха къара-ды
Керим Аминат-DAT смотреть-PST
'Керим посмотрел на Аминат'.

б. Керим бла Аминат къара-ш-ды-ла
Керим и Аминат смотреть-REC-PST-PL
1. 'Керим и Аминат засмотрелись/посмотрели (на кого-то)'.
2. 'Керим и Аминат играли в гляделки'.
3. 'Керим и Аминат переглянулись, посмотрели друг на друга'.

(7а) показывает исходную диатезу трёхместного глагола *ий* 'отправлять'. При добавлении к предикату суффикса *-ш* становится возможной реципрокальная интерпретация (7б.1). Позиция непрямого объекта при этом удаляется из диатезы.

(7) а. Алим Керим-ге къагъыт бла китап ий-ди
Алим Керим-DAT письмо и книга отправлять-PST
'Алим отправил Кериму письмо и книжку'.

б. сабий-ле китап-ла-ны ий-иш-ди-ле
ребёнок-PL книга-PL-ACC отправлять-REC-PST-PL
1. 'Дети друг другу отправляли книжки'.
2. 'Дети вместе (куда-то) отправляли книжки'.
3. 'Дети, соревнуясь, отправляли книжки'.

(8.1—2) представляет собой ещё один пример реципрокализации непрямого объекта при трёхместном глаголе.

(8) ата-сы бла заш-ы хапар айт-ыш-ды-ла
отец-3 и мальчик-3 рассказ говорить-REC-PST-PL
1. 'Отец с сыном поговорили'.
2. 'Отец с сыном рассказали друг другу новости'.
3. 'Отец и сын соревновались в рассказывании историй'.
4. 'Отец и сын рассказывали истории (кому-то ещё)'.

Позиция ДАТИВНОГО СИРКОНСТАНТА не у всех информантов уверенно поддается реципрокализации. Кроме того, в иди-

омах тех носителей, которые допускают такую реципрокализацию, этот дативный участник имеет семантическую роль АДРЕСАТА.

В (9а) приводится предложение с предикатом *къыс* ‘жать’. Обязательным участником диатезы этого глагола является аккузативный пациенс. Эта валентность в примере (9) заполнена немаркированной ИГ *кёз* ‘глаз’. Помимо этого, в предложении (9а) присутствует также необязательный дативный участник *Керим-ге*, не являющийся актантом этого предиката.

(9) а. Алим Керим-ге кёз къыс-ды
Алим Керим-ДАТ глаз жать-PST
‘Алим Кериму моргнул’.

б. Керим бла Аминат кёз къыс-ыш-ды-ла
Керим и Аминат глаз жать-REC-PST-PL
1. % ‘Керим и Аминат друг другу подмигнули’.
2. ‘Керим и Аминат (кому-то третьему) подмигнули’.
3. ‘Керим и Аминат соревновались в подмигивании’.

(9б.1) представляет собой пример реципрокализации дативного сирконстанта с ролью Адресата, которую допускают некоторые носители малкарского диалекта.

4. Позиции, (почти) недоступные для реципрокализации

Любые другие сирконстантные позиции оказались практически не доступны для реципрокализации с помощью суффикса *-и*.

В (10а) дативный СИРКОНСТАНТ *Керим-ге* имеет семантическую роль ЦЕЛИ. Реципрокальная деривация, представленная в (10б.2), оказалась возможной лишь для двух из шести опрошенных носителей:

(10) а. Алим Керим-ге таш ат-ды
Алим Керим-ДАТ камень бросать-PST
‘Алим в Керима бросил камень’.

- b. Алим бла Керим таш ат-ыш-ды-ла
 Алим и Керим камень бросать-REC-PST-PL
 1. ‘Алим и Керим соревновались, кто дальше бросит камень’.
 2. ‘Алим и Керим бросили камни друг в друга’.
 3. ‘Алим и Керим вместе бросали камни’.

БЕНЕФАКТИВНЫЙ УЧАСТНИК тоже не может быть реципрокализован, согласно интуиции большинства опрошенных носителей. К примеру, в (11a) бенефактором действия варки супа является Керим (ИГ *Керим-ге* в дативе). Как показывает (11b.3), эта позиция не реципрокализуется.

- (11) a. Хабиб Керим-ге шорпа бишир-ди
 Хабиб Керим-ДАТ суп варить-PST
 ‘Хабиб сварил суп Кериму’.

- b. Алим бла Керим шорпа бишир-иш-ди-ле
 Алим и Керим суп варить-REC-PST-PL
 1. ‘Алим и Керим наварили супа’.
 2. ‘Алим и Керим соревновались в варении супа’.
 3. * ‘Алим и Керим варили суп друг для друга’.

Реципрокализация АБЛАТИВНОГО СИРКОНСТАНТА тоже, судя по всему, не представляется возможной. В (12a) приведён пример клаузы с глаголом *цап* ‘бежать’ и аблативным сирконстантом *Керим-ден*. Интерпретация (12b.4) соответствовала бы реципрокализации этого участника, однако, по словам носителей, такое прочтение возможно только в соответствующем контексте, но само по себе предложение (12b) не содержит в себе реципрокальной семантики, т. е. направление бега участников, будь оно навстречу друг другу, друг от друга или вообще не реципрокальное, здесь задаётся прагматикой, а не предикатом с суффиксом *-ш*.

- (12) a. Хабиб Керим-ден цап-ды
 Хабиб Керим-ABL бегать-PST
 ‘Хабиб побежал от Керима’.

- b. Хабиб бла Керим цаб-ыш-ды-ла
 Хабиб и Керим бегать-REC-PST-PL
1. 'Хабиб и Керим побежали вместе / один за другим'.
 2. 'Хабиб и Керим побежали, соревнуясь (наперегонки)'.
 3. 'Хабиб и Керим побежали навстречу друг другу («в контексте можно так понять»)'.
 4. 'Хабиб и Керим побежали друг от друга («в контексте можно так понять»)'.

Более того, АБЛАТИВНЫЙ АКТАНТ тоже с трудом поддаётся реципрокализации. Аблативный участник *Керим-ден* в (13a) — не сирконстант, а обязательный участник ситуации, описываемой глаголом *кьоркь* 'пугаться'. Тем не менее большинство информантов не считают его реципрокализацию в (13b.1) приемлемой.

- (13) a. Алим Керим-ден кьоркь-ду
 Алим Керим-ABL пугаться-PST
 'Алим испугался Керима'.
- b. Алим бла Керим кьоркь-уш-ду-ла
 Алим и Керим пугаться-REC-PST-PL
1. ? 'Алим и Керим испугались друг друга'.
 2. ? 'Алим и Керим вместе испугались'.
 2. # 'Алим и Керим соревновались, кто больше испугается'.

Таким образом, аблативный участник реципрокализуется с трудом и в случае, когда это сирконстант, и даже в случае, когда это актант.

Вложенные позиции, такие как посессор ИГ и прямой объект внутри сентенциального актанта, ожидаемым образом оказываются недоступны для реципрокализации.

В (14a) *Керим-ни* — посессор ИГ, играющей роль прямого объекта. Как показывают (14b.3) и (14c.3) (примеры различаются числом прямого объекта), реципрокализовать этого посессора оказывается невозможно. Как и в случае с аблативным сир-

константом, носители уточняют, что эти предложения могут быть поняты таким образом в контексте, но сами по себе не несут никакой информации о том, кому принадлежат яблоки.

- (14) а. Хабиб Керим-ни алма-лар-ы-н аша-ды
Хабиб Керим-GEN яблоко-PL-3-ACC есть-PST
'Хабиб съел яблоки Керима'.
- б. Хабиб бла Керим алма-лар-ы-н аша-ш-ды-ла
Хабиб и Керим яблоко-PL-3-ACC есть-REC-PST-PL
1. 'Хабиб и Керим, соревнуясь, ели яблоки'.
2. 'Хабиб и Керим вместе / по очереди ели яблоки'.
3. *'Хабиб и Керим ели яблоки друг друга (Хабиб ел яблоко Керима, Керим ел яблоко Хабиба)'.
- с. Хабиб бла Керим алма-сы-н аша-ш-ды-ла
Хабиб и Керим яблоко-3-ACC есть-REC-PST-PL
1. 'Хабиб и Керим оба ели (одно) яблоко (неизвестно чьё)'.
2. 'Хабиб и Керим, соревнуясь, ели яблоко (кто больше откусит)'.
3. 'Хабиб и Керим ели яблоки друг друга (Хабиб ел яблоко Керима, Керим ел яблоко Хабиба)'.

Аналогичным образом в (15а.3) и (15б.3) (примеры различаются числом дативного участника) не может быть реципрокализован посессор внутри непрямого объекта. Как и в примерах выше, посессор матерей здесь неизвестен и может каким-либо образом выводиться лишь из контекста.

- (15) а. Хабиб бла Керим ана-лар-ы-на китап-ла
Хабиб и Керим мать-PL-3-DAT книга-PL
зибер-иш-ди-ле
отправлять-REC-PST-PL
1. 'Хабиб и Керим своим матерям послали книги'.
2. 'Хабиб и Керим, соревнуясь, слали матерям книги'.
3. * 'Хабиб и Керим матерям друг друга послали книги'.

b. Хабиб бла Керим ана-сы-на китап-ла
 Хабиб и Керим мать-3-DAT книга-PL
 зибер-иш-ди-ле
 отправлять-REC-PST-PL

1. ‘Хабиб и Керим маме (своей общей / чьей-то ещё) отправляли книги’.
2. ‘Хабиб и Керим маме отправляли книги, соревнуясь’.
3. * ‘Хабиб и Керим отправляли книги мамам друг друга’.

Наконец, прямой объект внутри сентенциального актанта оказался доступен для реципрокализации в идиоме только одного из семи опрошенных носителей. В (16a) *Аминат-ны* — прямой объект во вложенной зависимой клаузе. Согласно интуиции одной информантки, при добавлении суффикса *-и* к матричному глаголу можно получить социативную интерпретацию (16b.2) и два варианта реципрокальной интерпретации: с реципрокализованным непрямым объектом матричной клаузы (16b.1) и с реципрокализованным прямым объектом вложенной клаузы (16b.3).

(16) a. Керим Аминат-ны сю-е-ме де-ди
 Керим Аминат-ACC любить-IPFV-1SG сказать-PST
 ‘Керим сказал, что любит Аминат’.

b. %Керим бла Аминат сю-е-ме
 Керим и Аминат любить-IPFV-1SG
 де-ш-ди-ле
 сказать-REC-PST-PL

1. ‘Керим с Аминат сказали друг другу: «Люблю»’.
2. ‘Керим с Аминат вместе сказали (кому-то), что любят’.
3. ‘Керим и Аминат сказали, что любят друг друга: Керим сказал, что любит Аминат, Аминат сказала, что любит Керима’.

Однако все остальные носители в принципе отрицали существование формы *де-иш-ди-ле*. Вопрос о возможности реципрокализовать прямой объект вложенной клаузы при других матричных предикатах в малкарском диалекте пока остаётся открытым.

5. Заключение

По имеющимся на текущий момент экспедиционным данным в балкарском языке в клаузах с суффиксом *-и* для реципрокализации доступны в первую очередь актантные позиции: прямой объект (но не у трёхместных глаголов), непрямого объекта (дативный актанта), для некоторых носителей — аблативный актанта. Позиции сирконстантов и посессора ИГ практически не поддаются реципрокализации, а позицию прямого объекта вложенной клаузы можно реципрокализовать только у одного из опрошенных носителей (пока что на примере одного глагола).

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; DAT — датив; GEN — генитив; IPFV — имперфектив; PL — множественное число; PST — претерит; REC — реципрок; SG — единственное число.

Литература

- Баскаков 1976 — Баскаков И. А. и др. Грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 1976.
- КБР 1989 — Гочияева С. А., Суюнчев Х. И. Карачаево-балкарско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1989.
- Gruzdeva, Paramonova 2023 — Gruzdeva A., Paramonova D. On meanings of the reciprocal suffix *-š-* in Balkar // *Proceedings of the Workshop on Turkic and Languages in Contact with Turkic / Edited by Si Kai Lee, Sarah Asinari and Sabine Lazakovits*. Vol. 7. 2023. P. 24—31. <https://doi.org/10.3765/ptu.v7i1.5322>
- Nedjalkov 2002 — Nedjalkov V. P. Karachay-Balkar reciprocals // *Turkic languages*. 2002. Т. 6. № 1. P. 19—80.

**Синтаксические свойства деепричастий
на *-sa*, *-kâ*, *-č'č'ož* в татышлинском говоре
удмуртского языка**

Анна Алексеевна Данилова
МГУ им. М. В. Ломоносова
anndanilova1870@gmail.com

В работе рассматриваются некоторые синтаксические свойства деепричастий с показателями *-sa*, *-kâ*, *-č'č'ož* в татышлинском говоре удмуртского языка. Эти деепричастия охарактеризованы по ряду типологических параметров: сочинительный или подчинительный характер связи между нефинитной и финитной клаузами (линейный порядок, выдвигание материала из одной из двух клауз), падежное оформление и линейная позиция актантов, употребление в нарративных цепочках.

Ключевые слова: деепричастие на *-sa*, деепричастие на *-kâ*, деепричастие на *-č'č'ož*, деепричастие, конверб, нефинитная клауза, татышлинский говор, удмуртский язык.

**Syntactic properties of converbs in *-sa*, *-kâ*, *-č'č'ož*
in Tatyshly Udmurt**

Anna A. Danilova
Lomonosov Moscow State University
anndanilova1870@gmail.com

This paper considers some syntactic properties of converbs in *-sa*, *-kâ*, *-č'č'ož* in Tatyshly Udmurt. I describe these forms in relation to a number of typological parameters: subordinate or coordinate type of connection to the main clause (linear order, extraction out of one of the two clauses), case marking and linear order of its arguments, possibility of clause-chaining.

Keywords: converb in *-sa*, converb in *-kâ*, converb in *-č'č'ož*, converb, adverbial participle, gerund, non-finite clause, Tatyshly Udmurt, Udmurt.

1. Введение

Деепричастия татышлинского говора не исследовались ранее, см. лишь краткую семантическую справку в единственном объемном описании этого говора [Baidoullina 2003: 102—103].

В литературном удмуртском деепричастие на *-са* (татышл. *-sa*) является полифункциональным и употребляется в сложных глагольных комплексах, конструкциях образа и способа действия, таксисных конструкциях одновременности и предшествования [Перевошиков 1959: 228—253]. Деепричастию на *-ку* (татышл. *-kă*) приписывается значение одновременности [Шутов 2002: 43—49]. Деепричастие на *-тозь* (татышл. *-č'č'ož*) выражает таксисное значение 'пока', 'до того как' [Georgieva 2018: 91—94]. Все три деепричастия допускают как совпадение, так и несовпадение субъектов нефинитной и финитной клаузы; деепричастия на *-ку*, *-тозь* факультативно присоединяют маркеры согласования со своим субъектом.

Материал собран методом анкетирования в д. Старый Кызыл-Яр, с. Нижнебалтачево и окрестных населенных пунктах Татышлинского района Башкортостана в 2021—2022 г. Также использовался экспедиционный корпус текстов: <http://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/>.

2. Характер связи между финитной и нефинитной клаузами

Связь между частями сложного предложения может быть сочинительной и подчинительной. В [Haspelmath 1995: 8] указывается, что деепричастия в языках мира последовательно демонстрируют свойства подчинения, но в ряде языков имеют признаки сочинительных конструкций, ср. тюркское деепричастие на *-р* [Гращенко 2015: 40—55].

Для проверки типа связи часто используются тесты на линейное вложение и выдвигание материала из одной из двух клауз. Так как сочиненные клаузы не являются частями друг друга, пересечение материала сочиненных клауз недопустимо. Возможность линейного вложения нефинитной клаузы в фи-

нитную говорит о подчинении. Сочиненная структура, являясь одним из островов Росса [Ross 1967: 161, 449], не допускает извлечение одного конъюнкта. Если извлечение одного элемента из конструкции возможно, то перед нами подчинительная связь.

2.1. Линейная позиция

2.1.1. Деепричастие на *-kâ*

В конструкциях, где субъект деепричастной клаузы совпадает с субъектом финитной клаузы, допустимо расположение зависимой клаузы как перед главной (1), так и внутри нее (2).

- (1) šundâ šor-ân zagorat' karâ-kâ
солнце середина-LOC загорать делать-CVB.SIM
mon ta kn'iga-jez lãʒʒ'-i-∅.
я этот книга-ACC читать-PST-1SG
'Когда я загорала на солнце, я читала эту книгу'.
- (2) mon ta kn'iga-jez šundâ šor-ân zagorat'
я этот книга-ACC солнце середина-LOC загорать
karâ-kâ lãʒʒ'-i-∅.
делать-CVB.SIM читать-PST-1SG
'Я эту книгу, когда загорала на солнце, читала'.

Рассмотрим конструкции, где субъект зависимой клаузы фонологически выражен и не совпадает с субъектом главной клаузы. Как и в предыдущем случае, допустимо расположение зависимой клаузы, возглавляемой деепричастием, перед (3) либо внутри (4) главной.

- (3) pet'a pukon vâl-ân pukâ-kâ maša
Петя стул верх-LOC сидеть-CVB.SIM Маша
gitara-jen šâd-i-z.
гитара-INS играть-PST-3SG
'Когда Петя сидел на стуле, Маша играла на гитаре'.
- (4) maša pet'a pukon vâl-ân pukâ-kâ
Маша Петя стул верх-LOC сидеть-CVB.SIM
gitara-jen šâd-i-z.
гитара-INS играть-PST-3SG
'Маша, когда Петя сидел на стуле, играла на гитаре'.

2.1.2. Деепричастие на *-č'č'ož*

Как и в предыдущем случае, в конструкции с совпадением субъектов допустимо как соположение (5), так и вложение (6) зависимой клаузы в главную.

- (5) zarplat bas'tâ-č'č'ož mon alma
 зарплата братъ-CVB.LIM я картофель
 gǎne s'i-i-∅.
 только есть-PST-1SG
 'Пока я не получила зарплату, я ела только картошку'.

- (6) mon alma gǎne zarplat
 я картофель только зарплата
 bas'tâ-č'č'ož s'i-i-∅.
 братъ-CVB.LIM есть-PST-1SG
 'Я только картошку, пока не получила зарплату, ела'.

Переход от односубъектной к разносубъектной конструкции не меняет свойства деепричастия. Возможно как расположение перед главной клаузой (7), так и вложение (8).

- (7) mon bertâ-sa vüä-č'č'ož nǎlpi-jos
 я прийти.домой-CVB прийти-CVB.LIM ребенок-PL
 t'e'l'evizor uč'k-i-zâ.
 телевизор смотреть-PST-3PL
 'Пока я домой не пришла, дети телевизор смотрели'.

- (8) nǎlpi-jos mon bertâ-sa vüä-č'č'ož
 ребенок-PL я прийти.домой-CVB прийти-CVB.LIM
 t'e'l'evizor uč'k-i-zâ.
 телевизор смотреть-PST-3PL
 'Дети, пока я домой не пришла, телевизор смотрели'.

2.1.3. Деепричастие на *-sa*

Клаузы, возглавляемые односубъектным деепричастием на *-sa*, могут стоять как перед финитной клаузой (9), так и внутри нее (10).

- (9) šundâ šor-ân zagorat' karâ-sa
солнце середина-LOC загорать делать-CVB
mon ta kn'iga-jez lãʒʒ'-i-∅.
я этот книга-ACC читать-PST-1SG
‘Загорая на солнце, я читала эту книгу’.
- (10) mon ta kn'iga-jez šundâ šor-ân zagorat'
я этот книга-ACC солнце середина-LOC загорать
karâ-sa lãʒʒ'-i-∅.
делать-CVB читать-PST-1SG
‘Я эту книгу, загорая на солнце, читала’.

В разносубъектной конструкции допустимость линейного вложения нефинитной клаузы в финитную варьируется по имеющимся примерам. Так, в (12) вложение недопустимо, хотя соответствующий пример с соположением приемлем (11).

- (11) pet'a kureg-ze vandâ-sa maša
Петя курица-ACC.POSS.3SG резать-CVB Маша
so-les' šâd ròz'-t-i-z.
тот-GEN2 суп вариться-CAUS-PST-3SG
‘После того, как Петя курицу зарезал, Маша из нее суп сварила’.
- (12) *maša pet'a kureg-ze vandâ-sa
Маша Петя курица-ACC.POSS.3SG резать-CVB
so-les' šâd ròz'-t-i-z.
тот-GEN2 суп вариться-CAUS-PST-3SG
Ожид.: ‘Маша, после того как Петя курицу зарезал, из нее суп сварила’.

Напротив, (13) признается приемлемым почти всеми опрошенными носителями.

- (13) ^{ок?} mon, kart tros uks'o bas'tâ-sa, tros
я муж много деньги братъ-CVB много
dis' bič'â-s'ko-∅.
одежда собирать-PRS-1SG
‘Мой муж много зарабатывает, и я много одежды покупаю’.

Факторы, влияющие на возможность линейного вложения для деепричастия на *-sa*, требуют дополнительного изучения.

2.2. Выдвижение

В качестве теста на возможность выдвижения элемента из конструкции обычно используется релятивизация, см. [Пазельская и др. 2017: 473], [Шлуинский 2002: 91, 96, 99]. Рассмотрим относительное предложение в (14).

- (14) tin'i so koč'əš kud-ze mon
 вот тот кот который-ACC.POSS.3SG я
 majal'l'a-j-∅.
 гладить-PST-1SG
 'Вот та кошка, которую я гладила'.

Возьмем относительное предложение, в котором содержится клауза с деепричастием. Проверим способность различных синтаксических позиций финитной и нефинитной клаузы служить мишенью релятивизации.

2.2.1. Деепричастие на *-kə*

В (15)—(16) прямое дополнение нефинитной клаузы выступает мишенью релятивизации, а контролером является находящееся в главной клаузе существительное *koč'əš* 'кот'. Допустимо формирование относительного предложения в конструкциях с совпадением (15) и несовпадением субъектов (16).

- (15) tin'i so koč'əš kud-ze mon
 вот тот кот который-ACC.POSS.3SG я
 majal'l'a-kə t'el'evizor aʔʒ'-i-∅.
 гладить-CVB.SIM телевизор видеть-PST-1SG
 'Вон та кошка, которую я, когда гладила, смотрела телевизор'.

- (16) tin'i so koč'əš kud-ze pes'ataj ____
 вот тот кот который-ACC.POSS.3SG дед
 majal'l'a-kə mon t'el'evizor aʔʒ'-i-∅.
 гладить-CVB.SIM я телевизор видеть-PST-1SG
 Букв.: 'Вон та кошка, когда дед гладил которую, я смотрела телевизор'.

В (17)–(18) выдвижение происходит из финитной клаузы, а контролером является находящееся в главной клаузе существительное *t'el'evizor*. Допустимо формирование относительного предложения в конструкциях с совпадением (17) и несовпадением субъектов (18).

(17) tin'i so t'el'evizor kud-ze mon
 вот тот телевизор который-ACC.POSS.3SG я
 koč'ăš-ez majal'l'a-kâ ___ aʔž'-i-∅.
 кот-ACC гладить-CVB.SIM видеть-PST-1SG
 'Вон тот телевизор, который я, когда кота гладила, смотрела'.

(18) tin'i so t'el'evizor kud-ze pes'ataj
 вот тот телевизор который-ACC.POSS.3SG дед
 koč'ăš-ez majal'l'a-kâ mon ___ aʔž'-i-∅.
 кот-ACC гладить-CVB.SIM я видеть-PST-1SG
 Букв.: 'Вон тот телевизор, когда дед гладил кота, я его смотрела'.

2.2.2. Деепричастие на *-č'č'ož*

Аналогично предыдущему случаю, относительное предложение возможно как при односубъектном, так и при разносубъектном деепричастии при извлечении прямого дополнения и из зависимой, и из главной клаузы:

(19) tin'i so koč'ăš kud-ze mon ___
 вот тот кот который-ACC.POSS.3SG я ___
 majal'l'a-č'č'ož t'el'evizor aʔž'-i-∅.
 гладить-CVB.LIM телевизор видеть-PST-1SG
 'Вот та кошка, которую я, пока гладила, смотрела телевизор'.

(20) tin'i so koč'ăš kud-ze pes'ataj ___
 вот тот кот который-ACC.POSS.3SG дед ___
 majal'l'a-č'č'ož mo t'el'evizor aʔž'-i-∅.
 гладить-CVB.LIM я телевизор видеть-PST-1SG
 Букв.: 'Вот та кошка, пока дед гладил которую, я смотрела телевизор'.

- (21) tin'i so t'el'evizor kud-ze mon
 вот тот телевизор который-ACC.POSS.3SG я
 koč'ǎš-ez majal'la-č'č'ož ___ aʔž'i-∅.
 кот-ACC гладить-CVB.LIM видеть-PST-1SG
 'Вон тот телевизор, который я, пока кота гладила, смотрела'.
- (22) tin'i so t'el'evizor kud-ze pes'ataj
 вот тот телевизор который-ACC.POSS.3SG дед
 koč'ǎš-ez majal'la-č'č'ož mon ___ aʔž'i-∅.
 кот-ACC гладить-CVB.SIM я видеть-PST-1SG
 Букв.: 'Вон тот телевизор, пока дед гладил кота, я его смот-
 рела'.

2.2.3 Деепричастие на -sa

В ситуации совпадения субъектов финитной и нефинитной клаузы относительное предложение с выдвижением из нефинитной (23) и финитной (24) клауз приемлемо.

- (23) tin'i so koč'ǎš kud-ze mon ___
 вот тот кот который-ACC.POSS.3SG я
 majal'la-sa t'el'evizor aʔž'i-∅.
 гладить-CVB телевизор видеть-PST-1SG
 'Вон та кошка, которую я, глядя, смотрела телевизор'.
- (24) tin'i so t'el'evizor kud-ze mon
 вот тот телевизор который-ACC.POSS.3SG я
 koč'ǎš-ez majal'la-sa ___ aʔž'i-∅.
 кот-ACC гладить-CVB видеть-PST-1SG
 Букв.: 'Вон тот телевизор, когда дед гладил кота, я его смот-
 рела'.

Если субъекты двух клауз различаются, то приемлемость относительных предложений незначительно снижается:

- (25) ^{OK?} tin'i so kureg kud-ze pet'a
 вот тот курица который-ACC.POSS.3SG Петя
 vandê-sa ___, maša šād pòz't-i-z.
 резать-CVB Маша суп вариться-CAUS-PST-3SG
 'Вон та курица, которую Петя заколол, а потом Маша сварила суп'.

- (26) ^{ок??} tin'i so šâd kud-ze pet'a
 вот тот суп который-ACC.POSS.3SG Петя
 kureg-ze vandâ-sa, masa _____
 курица-ACC.POSS.3SG резать-CVB Маша
 rôz'-t-i-z.
 вариться-CAUS-PST-3SG
 'Вон тот суп, который Маша сварила, а перед этим Петя курицу заколот'.

Таким образом, клаузы с деепричастиями на *-kâ* и *-č'č'ož* всегда демонстрируют подчинительные свойства. В односубъектных контекстах деепричастие на *-sa* также проявляет подчинительные свойства. Разносубъектные его употребления проявляют неоднозначные свойства.

3. Сочинительная и подчинительная связь между финитной и нефинитной клаузами: тюркское деепричастие на *-p*

В литературе отмечалось, что тюркское «полифункциональное» деепричастие на *-p* в ряде случаев демонстрирует сочинительные свойства.

В киргизском языке [Ермолаева 2016: 422—425] тип связи между клаузами, каждая из которых имеет свой субъект, зависит от семантической связи между событиями. Если связь между ситуациями не наблюдается, то тесты указывают на сочинение: нефинитная клауза не может располагаться внутри финитной (27).

- (27) КИРГИЗСКИЙ
 *[ajgül [tilek oĵgon-u-p] čaj demde-di]
 Айгуль Тилек проснуться-ST-CVB чай заварить-PST
 Ожид.: 'Тилек проснулся, и Айгуль заварила чай'. [Ермолаева 2016: 423]

В случае, когда события (28) либо субъекты (29) связаны, конструкция демонстрирует подчинительные свойства. В таком случае допустимо вложение нефинитной клаузы в финитную.

- (28) КИРГИЗСКИЙ
 [qar tokoj-do [ʒaz kel-i-p] eri-di]
 снег лес-LOC весна прийти-ST-CVB таять-PST
 ‘Пришла весна, и в лесу растаял снег’. [Ермолаева 2016: 423]
- (29) [ajgül [tilek dūjnö-dön kajt-i-p] ʒesir
 Айгуль Тилек мир-ABL уходить-ST-CVB вдова
 qal-di]
 оставаться-PST
^{OK}{Айгуль была женой Тилека.} ‘Тилек умер, и Айгуль осталась
 вдовой’.
 *{Айгуль не была женой Тилека.} ‘Тилек умер, Айгуль осталась
 вдовой’. [Ермолаева 2016: 424]

Стоит отметить, что и в татышлинском удмуртском пример с родственными отношениями между субъектами приемлем (13), а предложение с двумя не связанными субъектами недопустимо (12). Впрочем, факторы, влияющие на приемлемость линейного вложения, требуют дополнительного изучения.

В карачаево-балкарском языке тип связи зависит от того, в каком контексте употребляется деепричастие: односубъектном или разносубъектном [Privoznov 2021: 61—66].

Односубъектные деепричастия демонстрируют подчинительные свойства:

- (30) КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЙ
 ustaz₁ [PRO₁ ešik-ni ac-ip] stol-nu
 teacher door-ACC open-CVB table-ACC
 otou-va kij-ir-di
 room-DAT come.in-CAUS-PST1.3SG
 ‘The teacher₁ carried the table into the room, PRO₁ having opened
 the door.’ [Privoznov 2021: 50]

В разносубъектных контекстах расположение внутри финитной клаузы, хотя и не запрещено полностью, является менее предпочтительным (31) по сравнению с расположением на левой периферии (32).

- (31) КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЙ
[?]ustaz [zašciq ešik-ni ac-ip] stol-nu
 teacher boy door-ACC open-CVB table-ACC
 otou-va kir-giz-t-di
 room-DAT come.in-CAUS-PST1.3SG
 'The boy having opened the door, the teacher carried the table into the room' [Privoznov 2021: 67]
- (32) КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЙ
^{ok}[zašciq ešik-ni ac-ip] ustaz stol-nu
 boy door-ACC open-CVB teacher table-ACC
 otou-va kir-giz-t-di
 room-DAT come.in-CAUS-PST1.3SG
 'The boy having opened the door, the teacher carried the table into the room.' [Privoznov 2021: 67]

Эти данные не обсуждаются в первоисточнике с точки зрения характера связи, но, по-видимому, хотя бы в части идиолектов клаузы с собственными субъектами могут иметь признаки сочинительной связи.

Таким образом, тюркские данные представляют в данном случае типологическую параллель к материалу татышлинского удмуртского; при этом различия в свойствах конструкций между этими языками нуждаются в дополнительном изучении.

4. Падежное оформление и линейная позиция актантов

Субъект деепричастий на *-sa* (33), *-kâ* (34) и *-č'č'ož* (35) может быть оформлен только номинативом. Неграмматично употребление генитива, второго генитива и датива. Конструкция с инструменталисом допустима, но у участника, стоящего в этом падеже, отсутствует интерпретация субъекта зависимого действия: имеется комитативное прочтение.

- (33) pet'a / *pet'a-len / *pet'a-les' / *pet'a-lâ /
 Петя Петя-GEN Петя-GEN2 Петя-DAT
 #pet'a-jen dor-a-z bertâ-sa
 Петя-INS сторона-LOC/ILL-POSS.3SG прийти.домой-CVB
 s'i-s'k-i-z.
 есть-DETR-PST-3SG
 'Петя, придя домой, поел'.
 #«Когда он_i [3-е лицо — прим. авт.] с Петей пришел домой, он_i поел'.
- (34) pet'a / *pet'a-len / *pet'a-les' / *pet'a-lâ/
 Петя Петя-GEN Петя-GEN2 Петя-DAT
 #pet'a-jen azbar-ân sâlâ-kâ(-z) masa
 Петя-INS двор-LOC стоять-CVB.SIM-POSS.3SG Маша
 lâkt-i-z.
 прийти-PST-3SG
 'Когда Петя стоял во дворе, Маша пришла'.
 #«Когда он [3-е лицо — прим. авт.] стоял с Петей во дворе, Маша пришла'.
- (35) pet'a / *pet'a-len / *pet'a-les' / *pet'a-lâ / #pet'a-jen
 Петя Петя-GEN Петя-GEN2 Петя-DAT Петя-INS
 s'ures vâl-ti mânâ-č'č'ož-a-z,
 дорога верх-PROL идти-CVB.LIM-LOC/ILL-POSS.3SG
 kârž'a-n kârž'a-Ø-z.
 петь-VN петь-PST-3SG
 Пока Петя шел по дороге, он пел песню'.
 #«Пока он_i [3-е лицо — прим. авт.] шел по дороге с Петей, он_i пел песню'.

Прямой объект зависимой клаузы по умолчанию располагается перед деепричастием (36). Это справедливо и для финитных клауз: в корпусе экспедиционных текстов порядок OV (Object—Verb) встречается 27 раз, а VO — 7 раз. Половина опрошенных считает порядок VO в зависимой клаузе недопустимым (37). Различий между тремя деепричастиями не выявлено, они демонстрируют схожее снижение приемлемости при переходе от порядка OV к VO.

- (36) maša rad'io kâld-is'kâ-sa /
 Маша радио слушать-DETR-CVB
 kâld-is'kâ-kâ(-z) /
 слушать-DETR-CVB.SIM(-POSS.3SG)
 kâld-is'kâ-č'č'ož(-a-z)
 слушать-DETR-CVB.LIM(-LOC/ILL-POSS.3SG)
 derem-ze kâšja-∅-z.
 платье-ACC.POSS.3SG штопать-PST-3SG
 'Маша, слушая / когда слушала / пока слушала радио, штопала
 платье'.
- (37) ?maša kâld-is'kâ-sa / kâld-is'kâ-kâ(-z) /
 Маша слушать-DETR-CVB слушать-DETR-CVB.SIM(-POSS.3SG)
 kâld-is'kâ-č'č'ož(-a-z) rad'io
 слушать-DETR-CVB.LIM(-LOC/ILL-POSS.3SG) радио
 derem-ze kâšja-∅-z.
 платье-ACC.POSS.3SG штопать-PST-3SG
 'Маша, слушая радио, штопала платье'.

Прямое дополнение нефинитной клаузы может оформляться аккузативом либо не иметь такого маркера (38). Это справедливо для всех трех деепричастий.

- (38) maša kn'iga / kn'iga-jez / kn'iga-ze lãž'ã-sa /
 Маша книга книга-ACC книга-ACC.POSS.3SG читать-CVB
 lãž'ã-kâ(-z) / lãž'ã-č'č'ož(-a-z)
 читать-CVB.SIM(-POSS.3SG) читать-CVB.LIM(-LOC/ILL-POSS.3SG)
 rad'io kâld-is'k-i-z.
 радио слушать-DETR-PST-3SG
 'Маша, читая / когда читала / пока читала книгу, слушала радио'.

5. Употребление в нарративных цепочках

Нередко в языках мира (см. [Nedjalkov 1995: 109]) деепричастия складываются в цепочку, обозначающую (вместе с главным предикатом) серию трех и более последовательных действий. Рассмотрим, доступно ли такое употребление для удмуртских деепричастий.

5.1 Деепричастие на -kâ

Невозможно использовать это деепричастие в глагольных цепочках, обозначающих серию одновременных действий:

- (39) *pet'a pukon vâl-ân pukâ-kâ kn'iga
 Петя стул верх-LOC сидеть-CVB.SIM книга
 lãʒ'â-kâ rad'io kâld-is'k-i-z.
 читать-CVB.SIM радио слушать-DETR-PST-3SG
 Ожид.: 'Петя, когда сидел на стуле и когда читал книгу, слушал радио'.

5.2 Деепричастие на -č'č'ož

Деепричастие на -č'č'ož может употребляться в глагольных цепочках, обозначающих серию последовательных действий. Его употребление в односубъектном (40) и разносубъектном (41) контексте признается большинством, но не всеми носителями.

- (40) ʔmaša dor-a-z bertâ-č'č'ož
 Маша сторона-LOC/ILL-POSS.3SG прийти.домой-CVB.LIM
 s'ij-on pòz'-tâ-č'č'ož s'ijâ-č'č'ož
 есть-VN вариться-CAUS-CVB.LIM есть-CVB.LIM
 s'utem val.
 голодный быть.PST
 'Пока Маша шла домой, готовила кушать, не поела, она была голодная'.

- (41) ʔmaša dor-a-z bertâ-č'č'ož
 Маша сторона-LOC/ILL-POSS.3SG прийти.домой-CVB.LIM
 pet'a s'ij-on pòz'-tâ-č'č'ož nâlpj-jos
 Петя есть-VN вариться-CAUS-CVB.LIM ребенок-PL
 s'utem val.
 голодный быть.PST
 'Пока Маша шла домой, пока Петя готовил кушать, дети были голодные'.

5.3 Деепричастие на -sa

При совпадающих субъектах клауз нарративная цепочка последовательных действий допустима (42).

- (42) pet'a kureg-ze vandâ-sa, so-les' šâd
 Петя курица-ACC.POSS.3SG резать-CVB тот-GEN2 суп
 pòz'-tâ-sa, s'i-s'kâ-sa, posuda-jez
 вариться-CAUS-CVB есть-DETR-CVB посуда-ACC
 mis'k-i-z.
 мыть-PST-3SG
 'Петя курицу убил, суп приготовил, поел и посуду помыл'.

Такое употребление встречается и в экспедиционном корпусе текстов в одном примере (43). Это может быть вызвано небольшим объемом корпуса.

- (43) so-je dor-e vajâ-sa kâšet ž'alâk
 тот-ACC сторона-ILL принести-CVB платок платок
 iz'a-sa, č'âlkât dis'e-s'kâ-sa, so žuk-en
 надеть-CVB чистый одеть-DETR-CVB тот каша-INS
 mi dor-ân noš kur-is'k-is'ko-m.
 мы сторона-LOC опять просить-DETR-PRS-1PL
 'Ее [кашу] домой принеся, платок надев, чисто одевшись, с этой кашей мы дома опять молимся'. [Текст ANF-072019_VI_relig-ex]

В разносубъектной нарративной конструкции деепричастие на *-sa*, напротив, неприемлемо:

- (44) *pet'a kureg-ze vandâ-sa, masa
 Петя курица-ACC.POSS.3SG резать-CVB Маша
 so-les' šâd pòz'-tâ-sa, semja s'i-s'kâ-sa,
 тот-GEN2 суп вариться-CAUS-CVB семья есть-DETR-CVB
 saša posuda-jez mis'k-i-z.
 Саша посуда-ACC мыть-PST-3SG
 Ожид.: 'Петя курицу убил, Маша суп приготовила, семья поела, и Саша посуду помыл'.

Затруднено его употребление и по отношению к серии одновременных действий:

- (45) ?pet'a pukon vâl-ân pukâ-sa, kn'iga lî'ž'â-sa,
 Петя стул верх-LOC сидеть-CVB книга читать-CVB
 rad'io kâld-is'k-i-z.
 радио слушать-DETR-PST-3SG
 'Петя сидя на стуле, читая книгу, слушал радио'.

6. Заключение

Конструкции с деепричастиями на *-kâ* и *-č'č'ož* всегда демонстрируют подчинительные свойства, как и клаузы с односубъектными деепричастиями на *-sa*. Разносубъектные конструкции с деепричастиями на *-sa* проявляют неоднозначные свойства. Похожее явление засвидетельствовано для деепричастия на *-p* в тюркских языках.

Порядок слов OV предпочтителен, субъект нефинитной клаузы оформляется номинативом, объект маркируется аккумулятивом либо является неоформленным.

Нарративные конструкции с последовательной сменой действий в целом допускают употребление деепричастий на *-č'č'ož*, полностью разрешены односубъектные деепричастия на *-sa*. Деепричастия на *-sa* с собственным подлежащим, отличным от подлежащего финитного глагола, не употребляются в нарративных цепочках. Цепочки из нескольких деепричастий с семантикой одновременности скорее маргинальны.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; SG — единственное число; ACC — аккумулятив; CAUS — каузатив; CVB — деепричастие; CVB.LIM — адмитивное деепричастие на *-č'č'ož*; CVB.SIM — деепричастие одновременности на *-kâ*; DAT — датив; DETR — детранзитив; GEN2 — второй генитив (аблатив); ILL — иллатив; INS — инструменталис; LOC — локатив; PL — множественное число; POSS — посессив; PROL — пролатив; PRS — настоящее время; PST, PST1 — прошедшее время; ST — производная основа; VN — отглагольное имя.

Литература

Гращенко П. В. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М.: Языки славянской культуры, 2015.

Ермолаева М.Б. Подлежащее в разносубъектных конструкциях с деепричастием на р в киргизском языке и мишарском диалекте татарского языка // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, номер 1, том 12, 2016. С. 417—427.

Пазельская А.Г., Шлуинский А.Б., Ермолаева М.Б. Обстоятельственные предложения. Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект, ред. Татевосов С.Г., Пазельская А.Г., Сулейманов Д.Ш. М.: Буки Веди, 2017. С. 471—525.

Перовщиков П.И. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск: Типография министерства культуры УАССР, 1959.

Шлуинский А.Б. «Наследование» грамматических значений в семантически сочинительной конструкции: к типологии глагольных форм. Дипломная работа. М.: МГУ, 2002.

Шутов А.Ф. Пути развития гипотактических отношений в удмуртском языке. Дисс. ... д.ф.н. Ижевск: УдмГУ, 2002.

Baidoullina A. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. Магистерская диссертация. Тарту: Университет Тарту, 2003.

Georgieva E. Non-finite adverbial clauses in Udmurt. Doctoral dissertation. Szeged: University of Szeged, 2018.

Ross J. 1967. Constraints on variables in syntax. Doctoral dissertation. MIT, 1967.

Haspelmath M. The converb as a cross-linguistically valid category // *Converbs in cross-linguistic perspective*, ed. by Haspelmath M., König E. Berlin, NY: Mouton de Gruyter. 1—55. 1995.

Nedjalkov V.P. Some typological parameters of converbs // *Converbs in cross-linguistic perspective* / ed. by M. Haspelmath, E. König. Berlin, NY: Mouton de Gruyter, 1995. P. 97—136.

Privoznov D. A theory of two strong islands. Doctoral dissertation. Massachusetts: MIT, 2021.

Syncretism in Kildin Saami substantive inflection: nanosyntactic approach

Ilya M. Egorov,

Russian Academy of National Economy and Public Administration
i.m.jegorow@gmail.com

Alexandr A. Sergienko,

National Research University Higher School of Economics
alser99@yandex.ru

The present paper deals with a nanosyntactic analysis of syncretism in Kildin Saami substantive inflection. Such patterns as ACC.PL = DAT.PL \neq GEN.PL and NOM.PL = GEN.PL \neq ACC.PL violate predictions of case containment hierarchy. The problem can be solved by splitting the traditional accusative and dative into big and small counterparts. This solution has an independent syntactic evidence. The patterns of syncretism attested in Kildin Saami declension shed light on the position of essive, translative, comitative, and abessive in the case containment hierarchy. Kildin Saami represents one further example of a language having GEN.SG = NOM.PL. Previously proposed nanosyntactic explanations can be equally applied to this phenomenon in Kildin Saami as well.

Keywords: Nanosyntax, syncretism, nominal morphology, Saami languages

Синкретизм в кильдинском саамском субстантивном склонении: наносинтаксический анализ

Илья Михайлович Егоров

Школа Актуальных Гуманитарных Исследований РАНХиГС
i.m.jegorow@gmail.com

Александр Александрович Сергиенко

Школа Лингвистики НИУ ВШЭ
alser99@yandex.ru

Настоящая статья посвящена наносинтаксическому анализу падежного синкретизма в кильдинском саамском языке. Паттерны ACC.PL = DAT.PL \neq GEN.PL и NOM.PL = GEN.PL \neq ACC.PL, зафиксирован-

ные в субстантивном склонении, нарушают предсказания наносинтаксической иерархии падежей. Данная проблема решается расщеплением традиционных аккумулятива и датива на большие и малые падежи, что имеет и независимое синтаксическое подтверждение. Паттерны синкретизма кильдинского саамского склонения также проливают свет на проблему взаимного положения эссива, транслатива, комитатива и абессива в иерархии. Кильдинский саамский является очередным примером синкретизма GEN.SG = NOM.PL, для которого продолжают быть актуальны предложенные ранее решения в наносинтаксической парадигме.

Ключевые слова: наносинтаксис, синкретизм, именная морфология, саамские языки

1. Introduction

A study of nominal morphology of Indo-European languages became a starting point for the development of Nanosyntax (see Caha 2009, Starke 2009). Such issues as hierarchy of cases, suppletion, and syncretism remain the focus of research in this framework. Expansion of typological samples and more accurate analysis of old data often challenge the models proposed by nanosyntacticians, cf. criticism in Zoppi 2017 and Harðarson 2016. The latest overview of main ideas and accomplishments of Nanosyntax is given in Baunaz et al. 2019.

In the present paper, we discuss Kildin Saami substantive inflection in the light of the nanosyntactic approach. Data from other Eastern Saami languages (Skolt and Ter Saami) are sporadically involved as well. The main body of material was collected during our field trips to Lovozero (Lovozersky District, Murmansk Oblast, Russia). Kildin Saami had several dialects which are currently mixed in great measure. We do not take into account some dialectal differences irrelevant for this work.

The main problem we address in this paper is the position of genitive in the nanosyntactic case containment hierarchy. The hierarchy as in (1) was proposed by Pavel Caha (2009: 10) based on patterns of syncretism and overt case containment.

- (1) NOM < ACC < GEN < DAT < INST < COM

Case decomposition in Nanosyntactic framework implies that a case form ordered higher in the hierarchy contains the heads responsible for the lower cases. For example, a dative form contains heads responsible for genitive, accusative, and nominative:

(2) [_{DAT} A [_{GEN} B [_{ACC} C [_{NOM} D]]]]

Overt case containment arises when a marker of a case is not directly added to the base of the word, but to another case marker, e. g., Tocharian B *yakwem̐ts* ‘horse.com.sg’ (Caha 2009: 69) can be analyzed as unmarked nominative *yakwe* + accusative *-m̐* + comitative *-ts*. The hierarchy in (1) predicts:

- a) that in the case of overt containment markers will be attached following the order of the cases and
- b) that only cases adjacent in the hierarchy can be syncretic.

Kildin Saami substantive paradigms violate both predictions. Below we will show that this problem can be successfully solved within nanosyntactic framework.

2. Data

9 cases and 2 numbers are distinguished in Kildin Saami, though partitive and essive forms are the same in singular and plural. Kildin Saami substantive inflection is largely non-concatenative as some case and number forms differ only in length of a final consonant and quality and quantity of a root vowel:

- (3) a. *muurr* ‘tree.NOM.SG’ vs *muur* ‘tree.NOM.PL’;
b. *muur’-en* ‘tree-COM.SG’ vs *muur’r’-en* ‘tree-ESS’
c. *poonnc* ‘feather.NOM.SG’ vs *ponc* ‘feather.NOM.PL’
d. *p’eejiv* ‘day.NOM.SG’ vs *p’aajiv-a* ‘day-DAT.SG’ vs *p’ijiv’-en* ‘day-COM.SG’

Five paradigmatic classes of underived substantives can be distinguished in Kildin Saami (see Table 1). The vast majority of sub-

stantives belong to class A, which is characterized by a strong grade (see Bakró-Nady 2022 on consonant gradation) in NOM.SG and a weak grade with zero ending in ACC.SG = GEN.SG = NOM.PL. Class B is a small closed class that includes monosyllabic nouns with a strong grade in the whole paradigm. Class C includes monosyllabic nouns with weak grade in NOM.SG and strong grade in ACC.SG = GEN.SG = NOM.PL. The nouns belonging to class C demonstrate various extensions of the stem in DAT.SG. Classes D and E include bisyllabic stems. Originally they had different forms of ACC.SG = GEN.SG: zero in D; *-e* in E. However, in speech of contemporary speakers, all bisyllabic primary nouns seem to inflect as in D.

Class E has recently undergone an analogical leveling following the pattern of class D. The accusative and genitive singular markers were dropped. Nowadays the accusative and genitive singular forms differ from nominative only in the consonant grade of the intervocalic consonant. Archaic forms occur in older texts and in dictionaries, but they are not attested in speech of modern speakers.

Table 1. Paradigmatic classes of Kildin Saami non-derived nouns illustrated with the lexemes *kuul'ʹ* ‘fish’, *kuus'sʹ* ‘guest’, *puaz* ‘reindeer’, *jeem'p'er* ‘bucket’, *čiiġgar* ‘cattle’

	A	B	C	D	E
	‘fish’	‘guest’	‘reindeer’	‘bucket’	‘cattle’
SG					
NOM	<i>kuul'ʹ</i>	<i>kuus'sʹ</i>	<i>puaz</i>	<i>jeem'p'er</i>	<i>čiiġar</i>
ACC	<i>kuul'</i>	<i>kuus'sʹ</i>	<i>puu3-e</i>	<i>jammpar</i>	<i>čiiġgr-e > čiiġgar</i>
GEN	<i>kuul'</i>	<i>kuus'sʹ</i>	<i>puu3-e</i>	<i>jammpar</i>	<i>čiiġgr-e > čiiġgar</i>
DAT	<i>kuell-a</i>	<i>kuess-a</i>	<i>puu3j-e</i>	<i>jammpr-e</i>	<i>čiiġgr-e</i>
LOC	<i>kuul'-es't</i>	<i>kuus's'-es't</i>	<i>puu3-es't</i>	<i>jammpr-es't</i>	<i>čiiġgr-es't</i>

Continuation of the table

	A	B	C	D	E
	'fish'	'guest'	'reindeer'	'bucket'	'cattle'
INST	<i>kuul'-en'</i>	<i>kuus's'-en'</i>	<i>puu3-en'</i>	<i>jammpr-en'</i>	<i>čiiğgr-en'</i>
ABE	<i>kuul'-xa</i>	<i>kuus's'-xa</i>	<i>puu3(e)-ahta</i>	<i>jammpr-ahta</i>	<i>čiiğgr-ahta</i>
ESS	<i>kuul'l'-en'</i>	<i>kuus's'-en'</i>	<i>puu3-en'</i>	<i>jammpr-en'</i>	<i>čiiğgr-en'</i>
PART	<i>kuul'l'-e</i>	<i>kuus's'-e</i>	<i>puu3-edde</i>	<i>jammpr-edde</i>	<i>čiiğgr-edde</i>
PL					
NOM	<i>kuul'</i>	<i>kuus's'</i>	<i>puu3-e</i>	<i>jammpr</i>	<i>čiiğgr</i>
ACC	<i>kuul'-et'</i>	<i>kuus's'-et'</i>	<i>puu3-et'</i>	<i>jammpr-et'</i>	<i>čiiğgr-et'</i>
GEN	<i>kuul'-e</i>	<i>kuus's'-e</i>	<i>puu3-e</i>	<i>jammpr-e</i>	<i>čiiğgr-e</i>
DAT	<i>kuul'-et'</i>	<i>kuus's'-et'</i>	<i>puu3-et'</i>	<i>jammpr-et'</i>	<i>čiiğgr-et'</i>
LOC	<i>kuul'-en'</i>	<i>kuus's'-en'</i>	<i>puu3-en'</i>	<i>jammpr-en'</i>	<i>čiiğgr-en'</i>
INST	<i>kuul'-e=guejm</i>	<i>kuus's'-e=guejm</i>	<i>puu3-e=guejm</i>	<i>jammpr-e=guejm</i>	<i>čiiğgr-e=guejm</i>
ABE	<i>kuul'-exa</i>	<i>kuus's'-exa</i>	<i>puu3-exa</i>	<i>jammpr-exa</i>	<i>čiiğgr-exa</i>

The following patterns of syncretism are found in the paradigms of substantives:

- a) ACC.SG = GEN.SG = NOM.PL (all classes)
- b) NOM.SG = ACC.SG = GEN.SG = NOM.PL (class B)
- c) INST.SG = ESS.SG (classes B, C, D, E)
- d) ACC.PL = DAT.PL (all classes)
- e) NOM.PL = GEN.PL (class C)

Pattern (b) is limited to a single paradigmatic class. The nouns of class B do not demonstrate consonant gradation. The lack of gradation can be easily explained if we assume that all nominal roots should be in weak grade in morphophonological representation. In NOM.SG, they undergo strengthening, i. e. the weak grade changes to the strong one. However, if there is already a long consonant in a weak grade, it cannot be further strengthened and remains unchanged. In light of these considerations, pattern (b) can be seen as non-systematic, i. e. conditioned by phonology (see Zompi 2017: 4–9 on the notions of systematic and accidental syncretism).

Although pattern (e) is limited to a single class of substantives as well, it cannot be explained in terms of morphophonological processes. It should be treated as a systematic syncretism. All other patterns are replicated in several paradigmatic classes, so we consider them systematic and will try to find a nanosyntactic explanation for them.

3. Analysis

The patterns observed in Kildin Saami contradict the predictions of Caha (2009). The Universal Case Contiguity predicts that only the cases that are adjacent in the Case Sequence can be syncretic.

(4) NOM < ACC < GEN < DAT < INST < COM

This hierarchy predicts possible syncretisms such as NOM = ACC = GEN, while it rules out syncretisms such as GEN = NOM ≠ ACC. However, there are several patterns of case syncretism in Kildin Saami that violate these constraints. In 3.1 we discuss the syncretisms of ACC.PL = DAT.PL ≠ GEN.PL and NOM.PL = GEN.PL. In 3.2 the syncretisms ACC.SG = GEN.SG = NOM.PL are discussed. Finally, in 3.3 we discuss the syncretisms of peripheral cases: ESS.SG = INST.SG.

3.1 *ACC.PL = DAT.PL ≠ GEN.PL and NOM.PL = GEN.PL*

The first syncretism (*ACC.PL = DAT.PL ≠ GEN.PL*) is found across all non-derived Kildin Saami nouns. The second one, however (*NOM.PL = GEN.PL*), is only attested in nominal class C.

The problem with the syncretism of *ACC.PL = DAT.PL* is as follows: neither *ACC* and *DAT* nor *NOM* and *GEN* are adjacent in the case containment hierarchy in (1). This fact should rule out such patterns of syncretism. However, at least Old Norse, Modern Icelandic, Faroese, Akkala, Skolt, Ter Saami, and Kildin Saami demonstrate *ACC = DAT*. For the first time, the problem was pointed out by Harðarson (2016).

A solution proposed in Starke 2017 suggests the introduction of two further cases into the containment hierarchy. Namely, *big acc* and *big dat*, which are ordered higher than genitive, *SMALL ACC*, and *SMALL DAT* respectively. After adding these cases the updated hierarchy looks as follows:

- (5) *NOM* < *SMALL ACC* < *SMALL DAT* < *GEN* < *BIG ACC* < *BIG DAT* < *INST* < *COM*.

According to Starke's assumption, a language can have either one or two positions for *ACC* and *DAT*. Languages with differential object marking and dative shift have both positions for accusative and dative respectively. Languages without these features (like Kildin Saami) can choose arbitrarily between the two options. If a language has *BIG ACC* and *BIG DAT* the syncretism in question becomes possible. However, that Kildin Saami *ACC* and *DAT* are *big* remains an ad hoc solution if it is based only on the observations about the patterns of syncretism.

Caha (2018) proposes a test for *big dative*: that is, the preservation of a dative argument in non-finite clauses. In Icelandic, for example, there is no *big dative*, as the dative argument of the finite verb (6a) shifts to genitive in the nominalization (6b).

- (6) a. *Astrid* *bjargaði* *skinkunni*
 Astrid rescued ham.DEF.DAT
 ‘Astrid rescued the ham’
 b. *björgun* *skinkunnar*
 rescue ham.DEF.GEN
 ‘the rescue of the ham’ (Harðarson 2016 after Caha 2018)

Russian demonstrates another pattern. The dative argument of the finite verb (7a) is preserved in nominalization (7b).

- (7) a. *izmeni-t'* *žen-e*
 betray-INF wife-DAT.SG
 ‘To betray the wife’
 b. *izmen-a* *žen-e*
 betrayal-NOM.SG wife-DAT.SG
 ‘The betrayal of the wife’ (Caha 2018)

This difference between the Icelandic and Russian datives shows that we are dealing with two structurally different cases. The Russian dative, behaving more like an oblique case, should have more structure that prevents the turn to genitive in nominalization. The Icelandic dative, on the contrary, easily turns into genitive, which may indicate that it has less structure. That fits the assumption about big dative in Russian and small dative in Icelandic.

When applied to Kildin Saami, this test supports the big dative analysis, since dative is preserved in nominalization (8b).

- (8) a. *paas's'puž-a* *tijj-e*
 thank-NPST.1SG 2PL-DAT
 ‘I thank ye’
 b. *sonn* *vuajjled'd'-e* *paas's'p-muž=bajas*
 3SG.NOM forget-PST.3SG thank-NMLZ.GEN.SG=about
kaannc-a
 friend-DAT.SG
 ‘He forgot about thanking his friend’

The same test applied to Kildin Saami accusative shows that the accusative argument preserves its case in nominalization as well. It indicates that the accusative case in Kildin Saami is in fact the big accusative.

- (9) a. *mun* *jeen-amp* *toon-e* *kooppč-e*
 1SG.NOM many-COMP 2SG-DAT collect-PST.1SG
muur'j-et'
 fruit-ACC.PL
 'I picked more fruits than you did'
- b. *kuumpr-et'* *koppč-mušš* *ujjt-e*
 mushroom-ACC.PL collect-NMLZ.NOM.SG go-3SG.PST
oommp *p'aajjv-a*
 whole day-DAT.SG
 'He left to pick mushrooms the whole day'

Big accusative and big dative are adjacent in the case containment hierarchy (5), hence, the syncretism of these cases is possible.

This extended hierarchy explains yet another syncretism. The syncretism NOM.PL = GEN.PL which is only found in nominal class C is ruled out by the hierarchy (1), but in the hierarchy (10) NOM and GEN are adjacent.

- (10) NOM < SMALL ACC < SMALL DAT < GEN < BIG ACC < BIG DAT < INST < COM

3.2 ACC.SG = GEN.SG = NOM.PL

The syncretism of GEN.SG and NOM.PL is widespread in Indo-European languages (see Table 2). It is also found in Saami languages, such as Skolt, Kildin, and Ter Saami (Feist 2015: 139; Szabó 1968: 94—101).

Table 2. Examples of GEN.SG = NOM.PL in the World's languages

	NOM.SG	GLOSS	GEN.SG	NOM.PL	References
Latin	<i>terra</i>	'earth'	<i>terrae</i>	<i>terrae</i>	Fortson 2004: 255
Old Irish	<i>fer</i>	'man'	<i>fîr</i>	<i>fîr</i>	Fortson 2004: 288
Gothic	<i>giba</i>	'gift'	<i>gibos</i>	<i>gibos</i>	Fortson 2004: 305
Lithuanian	<i>rankà</i>	'hand'	<i>raĩkos</i>	<i>raĩkos</i>	Fortson 2004: 382
Skolt Saami	<i>võrr</i>	'blood'	<i>võõr</i>	<i>võõr</i>	Feist 2015: 144
Ter Saami	<i>jogg</i>	'river'	<i>jogi</i>	<i>jogi</i>	Szabó 1998: 97

This syncretism is often treated as purely accidental. However, there is an explanation of this syncretism in Skolt Saami in the nanosyntactic framework (Caha 2016). Since Kildin Saami data is similar to Skolt Saami data, we summarize here only the main idea of this analysis.

Caha (2016) proposes to introduce “a silent quantity noun GROUP” into the structure. The GROUP’s dependents are marked with genitive as possessors. Hence, the following structure is assumed:

- (11) [_{GEN.SG} Z [_{ACC.SG} Y [_{NOM.PL} X [_{NP} GROUP [[AGR] [_{GEN.SG} Z [_{ACC.SG} Y [_{NOM.SG} X]]]]]]]]]]

The AGR head prevents a total syncretism of NOM.PL = GEN.PL, see Caha 2016 for more detailed argumentation.

3.3 *INST.SG = ESS.SG*

So far we have been discussing ‘core’ cases such as nominative, genitive, and accusative. The ordering of these cases has been heavily studied. The case containment hierarchy of the higher (\approx oblique) cases, however, is not quite clear. There is an approach by Stanislaw Zompì (2017), who argued for a less strict ordering as in (12).

- (12) {NOM, ABS, SNOM} < {ACC, ERG} < {DAT, LOC, INSTR, ...}

Though such a hierarchy is much more in agreement with a wide range of empirical data (and that is a great advantage!), its predictive power decreases. Keeping limited optimism about the cartographic-like approach to case decomposition, we will overview the evidence for the place of Kildin Saami instrumental and essive cases in the case containment hierarchy of Caha 2009 rather than in the hierarchy of Zompì (2017).

Some notes on the semantics of the cases in question must be made here. Kildin Saami instrumental case demonstrates in fact a

typologically common comitative / instrumental polysemy, see Stolz et al. 2013 for a typological overview and Szabó 1984 for Saami data.

While *jammpr-en'* in (13a) has an instrumental meaning, *p'eeng-en'* in (13b) has clear comitative semantics. Such a polysemy may be analyzed as total syncretism in Nanosyntax.

- (13) a. *sonn* *jammpr-en'* *koajv-e* *čaaz'*
 3SG.NOM bucket-INST.SG scoop-PST.3SG water.ACC.SG
 'He scooped up the water with the bucket'
- b. *sonn* *vaan'c'el* *twge* *p'eeng-en'*
 3sg.NOM go-PFV.PST.3SG there dog-INST
 'He went there with a dog'

The label “essive” is somewhat misleading in the case of the Saami essive. This case should be named more accurately “essive-translative” since it can denote both static — often temporary — state (14a) and change of state (14b). The former use occurs rarer in our field data — we prefer to cite Kert’s (1971: 163) example under (14a) — than the later one. See Szabó 1984 for a more detailed discussion of semantics.

- (14) a. *munn* *jiil'l'-e* *robotn'ihk-en'*
 1SG.NOM live-PST.1SG employee-ESS
 'I lived as an employee.'
- b. *kucc-a* *šeent-e* *moož-es'*
 puppy-DIM.NOM.SG become-PST.3SG beautiful-ATTR
 p'enng-en'
 dog-ESS
 'The puppy became a beautiful dog'

One can observe the systematic syncretism INST.SG = ESS.SG in Table 1. It appears in all nominal classes except class A.

We would argue that this syncretism is driven not only by morphonology but by case semantics as well. In languages where there is an instrumental case, e. g. Russian in (15), it is likely to be used in essive (15a) and translative (15b) contexts as well:

- (15) a. *ja sta-l plox-im lingvist-om*
 1SG.NOM become-PST.SG[M] bad-INST.SG.M linguist-INST.SG
 ‘I became a bad linguist’
- b. *ja by-l plox-im lingvist-om*
 1SG.NOM be-PST.SG[M] bad-INST.SG.M linguist-INST.SG
 ‘I was a bad linguist’
- c. *rabot-a napisa-n-a plox-im*
 work-NOM.SG written-PASS.PTCP-F bad-INST.SG.M
lingvist-om
 linguist-INST.SG
 ‘The work is written by a bad linguist’

It can be hypothesized that in Kildin Saami the essive-translative case ‘merges’ with the instrumental case, but there are still class A nouns where there is no syncretism.

3.4 *Where is the abessive case in the hierarchy?*

Overt case containment in Ter Saami (another Eastern Saami language) gives interesting evidence about the part of the case containment hierarchy above comitative. As can be seen in Table 3, the abessive plural marker *-ta* is added to the form of comitative with its own marker.

Table 3. Partial paradigm of Ter Saami *n’ijt* ‘girl’
 after Szabó 1968: 100

	Ter Saami <i>n’ijt</i> ‘girl’
GEN.PL	n’ijtti
COM.PL	n’ijttigiejm’
ABE.PL	n’ijttigiejm’ta

This fact points to the higher position of abessive compared to comitative. However, it is hard to make sufficiently reliable conclusions about the mutual location of abessive and essive / translative.

tive. This case does not occur in the plural in Saami (or simply does not distinguish between singular and plural) and the singular subparadigm does not provide any evidence from case containment or syncretism which could clarify the question. Provisionally we suggest the following order:

(16) ... < INST < COM < ESS / TRANS < ABE

The reason for the hierarchy in (16) is that INST, COM, and ESS / TRANS should be adjacent to enable the discussed syncretism in Kildin Saami, and abessive should be structurally larger than comitative to explain the overt case containment in Ter Saami.

4. Conclusion

We have examined several patterns of case syncretism in Kildin Saami that seem to violate the hierarchy proposed by Caha (2009). While some of these patterns were typologically common (ACC.SG = GEN.SG = NOM.PL, see 3.2), some of those (ACC.PL = DAT.PL \neq GEN.PL, see 3.1) required modifying the existing hierarchy, where we argued for Kildin Saami to have BIG ACC and BIG DAT. Furthermore, the syncretism INST.SG = ESS.SG was taken into account and treated as having a semantic basis. Finally, the abessive marker is considered the most peripheral case, as Ter Saami case containment data suggest.

The Kildin Saami language has a moderately large case inventory and displays non-concatenative morphology with paradigmatic classes. Languages like Kildin Saami provide a good test for morphological theories, including Nanosyntax. One can conclude that Nanosyntax can give successful explanations for such confusing data.

Abbreviations

1, 2, 3 — 1st, 2nd, 3rd person; ABE — abessive; ACC — accusative; AGR — agreement; ATTR — attributive; COM — comitative; DAT — dative; DEF — definite; DIM — diminutive; ERG — ergative; ESS — essive; F — feminine; GEN —

genitive; INST — instrumental; LOC — locative; M — masculine; NMLZ — nominalization; NOM — nominative; NP — noun phrase; PART — partitive; PASS — passive; PL — plural; PST — past; PTCP — participle; SG — singular; SNOM — S-nominative; TRANS — translative.

References

- Bakró-Nady 2022 — Bakró-Nady, Marianne. 2022. *Consonant gradation*. In: Bakró-Nady, Matianne, Johanna Laakso and Elena Skribnik. *The Oxford guide to the Uralic Languages*. Oxford: Oxford University Press. PP. 859—867.
- Baunaz, Lander 2019 — Baunaz, Lena and Eric Lander. 2019. *Nanosyntax: the Basics*. In: Baunaz, Lena, Karen De Clerq, Liliane Haegeman, and Eric Lander (eds.) *Exploring Nanosyntax* (Oxford Studies in Comparative Syntax). Oxford: Oxford University Press.
- Caha 2009 — Caha, Pavel. 2009. *The nanosyntax of case*. CASTL, University of Tromsø dissertation. lingbuzz/000956.
- Caha 2016 — Caha, Pavel. 2016. *GEN.SG = NOM.PL: A mystery solved?* *Linguistica Brunensia*. 2016, vol. 64 (1). PP. 25—40.
- Caha 2018 — Caha, Pavel. 2018. *Syncretism as Merge F: the Nanosyntax of case ten years on*. The Unpublished Manuscript: A collection of Lingbuzz papers to celebrate Michal Starke's 50th birthday. PP. 19—43.
- Feist 2015 — Feist, Timothy. 2015. *A grammar of Skolt Saami*. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 273). Helsinki.
- Fortson 2004 — Fortson, Benjamin W. 2004. *Indo-European language and culture: an introduction*. Oxford.
- Harðarson 2016 — Harðarson, Gísli Rúnar. 2016. *A case for a weak case contiguity hypothesis - a reply to Caha*. *Natural Language & Linguistic Theory* 34 (4). PP. 1329—1343.
- Kert 1971 — Kert, Georgiy M. 1971. *Saamskij jazyk (kil'dinskij dialekt): fonetika, morfologija, sintaksis*. [Saami language (Kildin dialect): phonetics, morphology, syntax]. Leningrad: Nauka.
- Starke 2009 — Starke, Michal. 2009. *Nanosyntax. A short primer to a new approach to language*. In: Peter Svenonius, Gillian Ramchand, Michal Starke & Tarald Taraldsen (eds.), *Nordlyd 36: special issue on Nanosyntax*, 1—6. Tromsø: University of Tromsø. lingbuzz/001230.
- Starke 2017 — Starke, Michal. 2017. *Resolving (DAT = ACC) ≠ GEN*. *Glossa: a journal of general linguistics* 2(1).104.1—8. lingbuzz/003783.
- Stolz et al. 2013 — Stolz, Thomas, Cornelia Stroh and Aina Urdze. 2013. *Comitatives and Instrumentals*. In: Dryer, Matthew S. and Martin Haspelmath (eds.) *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology.
- Szabó 1968 — Szabó, László. 1968. *Kolalappische Volksdichtung (Texte aus der Dialekten in Kildin und Ter)*. *Zweiter Teil nebst grammatischen Aufzeich-*

nungen [*Kola Saami folk poetry (Texts from Kildin and Ter dialects). The second part with grammar sketches*] (Abhandlungen Der Akademie Der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-Historische Klasse [Proceedings of the Academy of Sciences in Göttingen. Philological-Historical Class] 72). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Szabó 1984 — Szabó, László. 1984. *The functions of the essive, comitative and abessive in Kola Saami*. *Norblyd* 9. Tromsø: University of Tromsø. PP. 156—171.

Zompi 2017 — Zompi, Stanislao. 2017. *Case decomposition meets dependent-case theories*. Università di Pisa MA thesis.lingbuzz/003421.

Семантическое согласование по лицу: взгляд со стороны балкарского языка¹

Данияр Ерланович Касенов

НУЛ по формальным моделям в лингвистике, НИУ ВШЭ
antidanyar@protonmail.com

В работе обсуждается феномен семантического согласования по ф-признакам, а именно, по лицу, как практически не освещённый в литературе вид семантического согласования. Утверждается, что два независимых феномена в балкарском языке получают общее объяснение, если предположить, что они редуцируются к семантическому согласованию по лицу. Также обсуждаются типологически следствия предложенного анализа.

Ключевые слова: семантическое согласование, тюркские языки, полукосвенная речь.

Semantic person agreement: case of Balkar

Daniar E. Kasenov

Laboratory of Formal Models in Linguistics, NRU HSE
antidanyar@protonmail.com

This paper discusses the phenomenon of semantic phi-feature agreement and especially the rarely discussed phenomenon of semantic person agreement. It is argued that two distinct phenomena in Balkar language get a unified explanation if one assumes that they reduce to semantic person agreement. Cross-linguistics implication of analysis are also discussed.

Keywords: semantic agreement, Turkic languages, semi-direct speech.

¹ Автор благодарен участникам алтайской экспедиции ОТиППа МГУ, аудитории конференций «Малые языки в большой лингвистике» 2022 г. и «Конференция по грамматике и типологии для молодых исследователей» 2021 г. за обсуждение представленного материала. Исследование поддержано грантом РФФИ №20-512-26004.

1. Введение

Семантическое согласование [Smith 2017; Corbett 1979] — феномен *несовпадения* грамматических признаков у именной группы и элемента, согласующегося с этой именной группой, причём это несовпадение семантически мотивировано. Известный пример — согласование по числу с групповыми именами в английском языке (1). Существительное *committee* ‘комитет’ обладает **грамматическим** признаком **единственного** числа, что видно по согласованию с глаголом в примере (1a). При этом, из-за **множественной семантики** возможно, чтобы согласование проходило по множественному числу, что противоречит грамматической природе существительного *committee*.

- (1) a. *The committee decide-s who is hired.*
 DET комитет решать-3SG кто быть.3SG
 нанять.PTCP.PERF
 ‘Комитет решает, кого нанимать.’ [Smith 2017: 824]
- b. *The committee decide who is hired.*
 DET комитет решать.3PL кто быть.3SG
 нанять.PTCP.PERF
 ‘Комитет решает, кого нанимать.’ [Smith 2017: 824]

Существуют также примеры семантического согласования по роду. Как вариант, можно считать, что некоторые существительные в русском языке могут вызывать семантическое согласование по роду, например, названия профессий (2). В примере (2a) существительное *врач* контролирует согласование по мужскому роду, при этом, пример (2a) позволяет две интерпретации: врача-мужчину и врача-женщину. В примере (2b) существительное *врач* контролирует согласование по женскому роду, что запрещает интерпретацию, в которой врач — мужчина. Поэтому можно считать, что пример (2a) — пример грам-

матического согласования с именной группой *врач*, а пример (2b) — пример согласования **семантического**, за что выступает однозначность интерпретации.

- (2) а. *Врач выписал мне антидепрессанты*
б. *Врач выписал-а мне антидепрессанты*

В литературе чаще всего обсуждаются примеры семантического согласования именно по роду или числу, примеры семантического согласования **по лицу** гораздо реже встречаются и обсуждаются. Эта статья посвящена как раз семантическому личному согласованию в балкарском языке (тюркские). А именно, в этой статье будут сделаны следующие утверждения. Во-первых, мы считаем, что в балкарском языке существует так называемый *сдвиг согласования* (agreement shift [Messick 2020]; monstrous agreement [Sundaresan 2012]): ситуация контролирования согласования по первому/второму лицу логофорическм элементом в клаузе косвенной речи. Во-вторых, мы считаем, что в балкарском языке возможно согласование по первому/второму лицу с так называемыми *импостерами* [Collins and Postal 2012; Podobryaev 2014], именными группами третьего лица с референцией к участникам речевого акта. Важно, что балкарский язык позволяет такое согласование с импостерами единственного числа (что невозможно в русском и английском [Podobryaev 2014]).

Наконец, в-третьих, мы считаем, что присутствие этих феноменов в балкарском языке можно объединить, если посчитать, что балкарский язык позволяет семантическое согласование по лицу (по той или иной причине). Такое объяснение, правда, делает весьма чёткое типологическое предсказание: любой язык, позволяющий сдвиг согласования, позволяет согласование с импостером². К сожалению, у нас пока отсутст-

² В обратную сторону импликация работает сложнее, так как, предположительно, у сдвига согласования есть необходимое условие — наличие логофорических элементов в субъектной позиции.

вуют данные, подтверждающие или опровергающие это предсказание, однако, мы считаем, что одно лишь наличие такого предсказания делает представленный в этой статье анализ интересным.

Статья устроена таким образом: раздел 2 посвящен сдвигу согласования, раздел 3 — согласованию с импостерами. Раздел 4 же объединяет эти феномены предположением о семантическом согласовании по лицу. Раздел 5 — заключение. Данные балкарского языка получены автором во время полевой работы в селе Верхняя Балкария (КБР, РФ) в августе 2021 года.

2. Сдвиг согласования в балкарском и не только

Сдвиг согласования — феномен контролирования согласования по первому лицу элементом, не являющимся местоимением первого лица, в контексте косвенной речи и пропозициональных установок. Пример (3) показывает этот феномен в языке телугу [Messick 2016]. Местоимение третьего лица *ḍani*, отсылающее к субъекту при матричном глаголе говорения, контролирует согласование первого лица на глаголе во вложенной клаузе.

- (3) *Raju ḍani parigeṭṭ-ææ-ni ani cepp-ææ-Du*
 Раджу 3SG бегать-PST-1SG COMP сказать-PST-M.SG
 ‘Раджу_i сказал, что он_i бегал.’ [Messick 2016: 2]

Примеры в (4) демонстрируют схожий феномен в балкарском языке. Рефлексивное местоимение *kes*, играющее роль субъекта во вложенных клаузах в (4a)—(4b), контролирует согласование по первому/второму лицу, не обладая само по себе никакими признаками первого/второго лица. Оба утверждения, что *kesi* рефлексив и что в примерах в (4) *kes* не обладает признаками первого/второго лица, подкреплены примерами в (5), где показывается, что *kes* ведёт себя как рефлексив (5a)—(5c) и что, если *kes* связывается именной группой первого/второго лица, то на нём появляются посессивные показатели соответствующего лица (5a)—(5b).

- (4) a. *Kerim kes-i aıurup tur-a-ma*
 Керим REFL-POSS.3SG болен AUX-IPFV-1SG
de-gen-di
 говорить-PF-3SG
 ‘Керим_i сказал, что он_i болен.’
- b. *Kerim Fatima-va aıurvan ete-se dep*
 Керим Фатима-DAT болен AUX-2SG COMP
ajt-xan-di
 сказать-PF-3SG
 ‘Керим сказал Фатиме_i, что она_i больна.’
- (5) a. *men kesi-im-mi süj-e-me*
 1SG REFL-POSS.1SG-ACC любить-IPFV-1SG
 ‘Я себя люблю.’
- b. *sen kesi-iñ-ñi süj-e-se*
 2SG REFL-POSS.2SG-ACC любить-IPFV-2SG
 ‘Ты себя любишь.’
- c. *Kerim kes-i-ni süj-e-di*
 Керим REFL-POSS.3SG-ACC любить-IPFV-3SG
 ‘Керим себя любит.’

Однако прежде чем делать выводы, необходимо убедиться, что *kes* действительно находится в субъектной позиции и контролирует согласование, а не является лишь чем-то вроде интенсификатора, который связывается нулевым местоимением первого лица, которое к тому же и является элементом, контролирующим согласование. Пример (6) показывает, что конъюнкция *kesi bla Fatima* ‘РЕФЛЕКСИВ с Фатимой’ может контролировать согласование по первому лицу множественному числу, что откидывает возможность того, что нулевое местоимение первого лица единственного числа является «настоящим» контролёром согласования в (4).

- (6) *Kerim kes-i bla Fatima xicin*
 Керим REFL-POSS.3SG и Фатима хычин
aşa-kan-biz de-j-di
 есть-PF-1PL говорить-IPFV-3SG
 ‘Керим говорит, что он и Фатима съели хычин.’

Из примеров в (4)—(5) мы делаем вывод, что имеем дело с настоящим признаковым несоответствием — субъект, контролирующий согласование, не обладает теми признаками, которые наблюдаются на глаголе. К тому же, аномальные признаки на глаголе кажутся в какой-то степени семантически мотивированными — первое лицо появляется, когда рефлексив отсылает к *говорящему* вложенного речевого акта, а второе — когда к *адресату*. Этот факт наводит на мысль, что в балкарском языке наблюдается семантическое согласование по лицу. Мысль эта будет дополнительно подкреплена данными из следующего раздела, посвящённого импостерам в балкарском языке.

3. Импостеры в балкарском и не только

Импостеры (imposters [Collins and Postal 2012]) — именные группы третьего лица, отсылающие к участникам речевого акта. В примерах (7a)—(7b) представлены импостеры, отсылающие к говорящему (7a) и слушающему (7b). Важно, что в русском языке подобные именные группы согласуются лишь по своим грамматическим признакам — с импостером-говорящим невозможно согласование по первому лицу, а с импостером-слушающим невозможно согласование по второму лицу. Так же себя ведут импостеры и в английском, см. [Podobryaev 2014].

- (7) а. *Ваш покорный слуга читает/*читаю сегодняшнюю газету.*
 б. *Мадам желает/*желаеть/*желаете чаю?*

Примеры (8a)—(8b) показывают импостеров в балкарском языке. Необходимо отметить, что, в отличие от русского с английским, балкарский язык позволяет согласование по первому/второму лицу в таких контекстах.

- (8) а. *Teli qart zanvil-di-m*
 старый дурак ошибиться-PST-1SG
 ‘Старый дурак (=говорящий) ошибся (опять)!’
 б. *Teli qart azaš-xan-sa*
 старый дурак ошибиться-PF-2SG
 ‘Старый дурак (=слушающий) ошибся (опять)!’

Важно, что нельзя переанализировать эти примеры как, например, обращение — всё тот же тест на конъюнкцию сообщает нам, что именная группа *teli qart* ‘старый дурак’ действительно субъект, который действительно контролирует согласование по первому/второму лицу (9a)—(9b).

- (9) a. *Fatima bla eli qart zanvil-di-q*
 Фатима и старый дурак ошибиться-PST-1PL
 ‘Фатима и старый дурак (=говорящий) ошиблись (опять)!’
- b. *Fatima bla teli qart zanvil-di-biz*
 Фатима и старый дурак ошибиться-PST-2PL
 ‘Фатима и старый дурак (=слушающий) ошиблись (опять)!’

На основании примеров (8)—(9) мы делаем вывод, что балкарский язык (в отличие от русского и английского, например) позволяет согласование с импостерами единственного числа (с множественным сложнее, см. [Podobryaev 2014]). Также заметим, что балкарский язык не уникален в этом свойстве его грамматической системы — так же себя ведут турецкий (10a), албанский (10b) и марокканский арабский (10c).

- (10) a. *Zataliniz cok yorgun-sunuz.*
 ваше превосходительство очень устал-2SG
 ‘Ваше превосходительство очень устало.’ [Akkuş 2017: 26]
- b. *Mami shkoj tani*
 Мама идти.PRES.1SG сейчас
 ‘Мама сейчас уходит.’ [Akkuş 2017: 26]
- c. *Siyaadt-kum gha temshi ten'es*
 ваше превосходительство FUT 2М.идти 2М.спать
 ‘Ваше превосходительство пойдёт спать.’ [Akkuş 2017: 26]

Следовательно, мы показали, что в грамматической системе балкарского языка есть ещё один пример несоответствия грамматических и семантических признаков лица между глаголом и контролёром согласования на нём. В следующем разделе мы обсудим, как описывать это так, чтобы не терять видную параллель между феноменами, обсуждавшимися в разделах 2 и 3, и какие у этого могут быть теоретические следствия.

4. Заключение и теоретические перспективы

Вспомним описание семантического согласования, данное в введении этой статьи. Семантическое согласование – семантически мотивированное несовпадение признаков на согласовательном элементе и контролёре этого согласования. Под это описание подходят оба феномена балкарской грамматической системы, обсуждавшиеся в статье: сдвиг согласования и согласование с импостерами. Из этого можно сделать вывод, что в балкарском языке возможно семантическое согласование по лицу.

Предположим, что это так. Такой теоретический ход влечет за собой несколько вещей. Во-первых, он заполняет некоторую лакуну в типологии семантического субъектно-предикатного согласования – если бы было так, что из всех ф-признаков (лицо, число, род), только лицо не позволяет семантическое согласование, такую лакуну необходимо было бы объяснять (например, предполагая, что лицо вводится иным структурным элементом, чем число и род). Существование семантического согласования по лицу, однако, меняет релевантный *explanandum*: интересно теперь не отсутствие личного субъектно-предикатного согласования самого по себе, а отсутствие такового в отдельно взятых грамматических системах.

Во-вторых, объединение сдвига согласования и согласования с импостерами в один феномен открывает путь к такому анализу, который одновременно объясняет и свойства импостеров, и свойства контекстов со сдвигом согласования (и, возможно, более широким феноменом сдвига согласования), продолжающему идеи, заложенные в работе [Podobryaev 2014].

В-третьих, такое теоретическое решение даёт четкие предсказания, которые лишь предстоит проверить на более широком теоретическом материале. А именно, оно предсказывает, что если в языке X имеется сдвиг согласования, то в нём можно ожидать и личное согласование с импостерами. И наобо-

рот, если в языке X имеется какой-либо логофорический элемент в качестве субъекта клауз косвенной речи, то, если в нём есть личное согласование с импостерами, то можно ожидать такое и с этим логофорическим элементом.

Литература по этим двум феноменам имеется: сдвиг согласования наблюдается в телугу [Messick 2016], тамильском [Sundaesan 2012], акушском даргинском [Ganenkov 2021] и других языках. Согласование с импостерами, как было ранее упомянуто, наблюдается в турецком, албанском, марокканском арабском [Akkuş 2017]. Предстоит проверить, подтверждается ли на материале этих языков предположение, высказанное в этой работе.

Вместо заключения мы упомянем работу [Lum 2020], которая обсуждает эгофоричность в языке дхивехи (также известный как мальдивский). Эгофоричность — показатель, появляющийся при субъекте первого лица в утвердительных предложениях и субъекте второго в вопросительных предложениях. Что важно, в косвенной речи этот показатель чувствителен не к лицу говорящего, а к тому, отсылает ли он к автору косвенной речи, что роднит эгофоричность со сдвигом согласования.

Обсуждаемый материал языка дхивехи частично представлен в примерах (11a)–(11d). Примеры (11a)–(11b) показывают, что у показателя EGO релевантная для нас дистрибуция — он появляется, если субъект первого лица, и не появляется, если субъект третьего лица. Пример (11c) показывает, что этот показатель появляется на глаголе в клаузе косвенной речи, даже если субъект третьего лица, если он кореферентен автору косвенной речи. Пример (11d) же показывает, что этот показатель появляется, если субъект — импостер (*matma* ‘мама’ — именная группа третьего лица, отсылающая к говорящему).

- (11) а. *Miadu ma kai-fiṁ*
 сегодня 1SG есть.CNV-PRF.EGO
 ‘Я сегодня поел.’ [Lum 2020: 109]

- b. *Miadu ēnā kai-fi*
 сегодня 3SG есть.CNV-PRF.ALTER
 ‘Он(а) сегодня поел(а).’ [Lum 2020: 109]
- c. *Ali bunī ēnā Māle diya-im=ē*
 Али_i сказать.PST.FOC 3SG Мале идти.PST-EGO=QUOT³
 ‘Али_i сказал, что он_i пошёл в Мале.’ [Lum 2020: 118]
- d. *Mamma e=ge-aṣ diya-im*
 мать DEM3=дом-DA go.PST-EGO
 ‘Мама (=говорящий) пошла домой.’ [Lum 2020: 116]

Если считать, что эгофоричность синтаксически представляет собой согласовательный процесс [Kasenov 2021], то данные языка дхивехи могут служить дополнительным примером взаимной связи сдвига согласования и согласования с импостерами. В любом случае, как нам кажется, исследование этих двух феноменов вместе, а не отдельно, может углубить понимание взаимосвязи лица как грамматической категории и лица как референции к участникам речевого акта.

Список условных сокращений

1,2,3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ALTER — альтерфоричность; AUX — вспомогательный глагол; CNV, CVB — конверб; COMP — комплементаризер (подчинительный союз); DAT — датив; DEM — демонстратив; DET — артикль; EGO — эгофоричность; FOC — фокус; FUT — будущее время; IPFV — имперфект; M,F,N — мужской, женский и средний род; POSS — possessивность; PRF, PFV перфект; PRES, PRS — настоящее время; PTCP — причастие; PST — прошедшее время; REFL — рефлексив.

³ Lum (2020) замечает, что показатель = \bar{e} традиционно описывается как показатель цитирования. Однако в таком случае непонятно, почему субъект — местоимение третьего лица. Сам Лум указывает, что это может быть признаком *полукосвенной речи*, и важно, что этот ярлык используется в функционально-типологической литературе и для контекстов сдвига согласования (и более широкого индексикального сдвига), см. Aikhenvald 2008. Мы же считаем, что наличие местоимения третьего лица однозначно сообщает, что речь о косвенной речи.

Литература

- Aikhenvald 2008 — Aikhenvald, A. Yu. Semi-direct speech: Manambu and beyond. *Language sciences*. 2008. Vol. 30. No. 4. Pp. 383—422.
- Akkuş 2017 — Akkuş, F. Agreement and Anaphora in the Context of Imposters. *34th West Coast Conference on Formal Linguistics*. 2017. Pp. 24—31.
- Collins and Postal 2012 — Collins, C., & Postal, P. M. *Imposters: A study of pronominal agreement*. MIT Press, 2012.
- Corbett 1979 — Corbett, G. G. The agreement hierarchy. *Journal of linguistics*. 1979. Vol. 15. No. 2. Pp. 203—224.
- Ganekov 2021 — Ganekov, D. Agreement shift in embedded reports. *Linguistic Inquiry*. 2021. Pp. 1—50.
- Kasenov 2021 — Kasenov, D. Egophoricity as interpretable agreement. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2021. Vol. 4. No. 2. Pp. 37—61.
- Lum 2020 — Lum, J. (2020). An egophoric analysis of Dhivehi verbal morphology. *Evidentiality, egophoricity, and engagement*. Henrik Bergqvist & Seppo Kittilä (eds.). Language Science Press, 2020. Pp. 95—139.
- Messick 2016 — Messick, T. Pronouns and agreement in Telugu embedded contexts. *Proceedings of the 33rd West Coast Conference on Formal Linguistics*. 2016. Pp. 309—319.
- Messick 2020 — Messick, T. On apparent pronominal feature contradictions: Shifty agreement in Telugu and beyond. *Manuscript, Rutgers University*. 2020.
- Podobryaev 2014 — Podobryaev, A. *Persons, imposters, and monsters*. PhD. dis. Massachusetts Institute of Technology, 2014.
- Smith 2017 — Smith, P. W. The syntax of semantic agreement in English. *Journal of Linguistics*, 2017. Vol. 53. No. 4. Pp. 823—863.
- Sundaresan 2012 — Sundaresan, S. *Context and (co)reference in the syntax and its interfaces*. PhD. dis. University of Stuttgart.

**‘Лежать’ или не ‘лежать’:
вот в чем вопрос (к анализу глаголов позиции
в татышлинском удмуртском)¹**

Егор Владимирович Кашкин
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
МГУ им. М. В. Ломоносова
egorka1988@gmail.com

Юлия Вячеславовна Синицына
МГУ им. М. В. Ломоносова, НОШ МГУ «Сохранение
мирового культурного-исторического наследия»
jv.sinitsyna@yandex.ru

В статье рассматриваются позиционные контексты употребления глагола *kâll'ânâ* ‘лежать’ в татышлинском говоре удмуртского языка. Описаны его семантические расширения, выявляемые при сопоставлении с другими вариантами удмуртского. Обсуждаются возможные подходы к объяснению наблюдаемого развития модели.

Ключевые слова: глаголы позиции, уральские языки, лексическая семантика, тюркские языки, языковые контакты.

**‘To lie’ or not ‘to lie’: that is the question
(towards the analysis of posture verbs
in Tatyshly Udmurt)**

Egor V. Kashkin
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy
of Sciences, Lomonosov Moscow State University
egorka1988@gmail.com

¹ Исследование поддержано грантом РФФ №22-18-00285.

Julia V. Sinitsyna

Lomonosov Moscow State University, the Interdisciplinary
Scientific and Educational School of Moscow University
“Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”
jv.sinitsyna@yandex.ru

The article deals with the use of the verb *kəl'ʹānā* ‘lie’ as a posture predicate in Tatyshly Udmurt. We describe its semantic extensions highlighted in comparison to other Udmurt varieties. Possible explanations for the pattern under consideration are discussed.

Keywords: posture verbs, Uralic languages, lexical semantics, Turkic languages, language contact.

1. Введение

Статья посвящена семантике глагола *kəl'ʹānā* ‘лежать’ (соответствие в литературном удмуртском — *кыллыны*) в татышлинском говоре удмуртского языка (периферийно-южный диалект южного наречия). Исходно данный глагол описывает горизонтальное положение человека в пространстве (1)² и противопоставляется глаголам *səlānā* ‘стоять’ (2) и *pukānā* ‘сидеть’ (3), описывающим вертикальное и сидячее положение человека соответственно.

(1) *so kajka-jən kəl'ʹ-e.*
тот кровать-LOC лежать-PRS.3SG
‘Он лежит на кровати’.

(2) *anaj komnata šor-ān səl-e.*
мать комната середина-LOC стоять-PRS.3SG
‘Мать стоит посреди комнаты’.

(3) *ataj kreslo-ān puk-e.*
отец кресло-LOC сидеть-PRS.3SG
‘Отец сидит в кресле’.

² Значение ‘лежать’ приводится как этимологически первичное для данного глагола в [Лыткин, Гуляев 1970: 144].

В статье рассматриваются преимущественно позиционные контексты. Во-первых, мы определим ситуации употребления глагола *kâl'l'ânâ* и сравним их с ситуациями, характерными для глаголов *pukânâ* ‘сидеть’ и *sâlânâ* ‘стоять’ в татышлинском говоре. Во-вторых, мы сопоставим сферу употребления глагола *kâl'l'ânâ* в изучаемом идиоме со сведениями о других вариантах удмуртского языка, а также об ареально близких тюркских языках — татарском и башкирском.

Мы следуем фреймовому подходу, заключающемуся в сопоставлении лексических единиц на основе анализа их сочетаемости (см. [Рахилина, Резникова 2013]). В работе с носителями татышлинского говора мы использовали анкету, содержательные параметры которой описаны в [Рыжова, Кюсева 2013; Рыжова и др. 2014; Кожемякина и др. 2014]; указанные работы, в свою очередь, опираются на анализ русского материала в [Рахилина 2008: 288—312]. Данные татышлинского говора собраны в Татышлинском районе Республики Башкортостан (д. Старый Кызыл-Яр, с. Нижнебалтачево, с. Новые Татышлы и др.) в 2021—2022 гг.³ Материалы анкетирования были дополнены примерами из экспедиционного корпуса текстов⁴. Сведения о других вариантах удмуртского языка и об ареально близких языках получены из словарей и корпусов, а также в результате опроса носителей; подробнее источники данных оговариваются в основном тексте.

Примеры из татышлинского говора записываются в фонологической транскрипции, принятой в экспедиционном проекте. Примеры, полученные при переписке с носителями других идиомов, приводятся в литературной орфографии. При цитировании опубликованных источников сохраняется использованная в них система записи. Элицитированные примеры не сопровождаются ссылками на источник.

³ Информация о проекте доступна на сайте <https://tatyshly-udmurt.tilda.ws/>.

⁴ Обновляемая версия корпуса доступна на странице <http://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/>.

2. Использование глагола *kəl'ʹənə* в татышлинском удмуртском

Как показало наше исследование, в татышлинском удмуртском глагол *kəl'ʹənə* имеет весьма широкую сферу употребления, явно выходящую за рамки приводимого в словарях основного значения ‘лежать’. Так, *kəl'ʹənə* может указывать на нахождение человека в некотором месте без уточнения его конкретного положения:

- (4) *šofor-mə* *mašina-ja-z* *kəl'ʹ-e*.
шофер-POSS.1PL машина-LOC/ILL-POSS.3SG лежать-PRS.3SG
‘Наш шофер (находится) в машине’.

В (5) глагол *kəl'ʹənə*, относящийся к одушевленному участнику, передает значение ‘жить’, также связанное с общей идеей существования и нахождения где-либо.

- (5) — *anaj-os-tə* *taza-jes'=a?*
мать-PL-POSS.2PL здоровый-PL=Q
— *og* *türlə* *kəl'ʹ-o*.
один разнообразие лежать-PRS.3PL
— *äjbät* *gəne* *med* *kəl'ʹ-o-zə*.
хороший только пусть лежать-FUT-3PL
— *kəl'ʹ-o*. *kal'ʹen* *veʹl-o*.
лежать-PRS.3PL тихо ходить-PRS.3PL
‘Родители здоровы? — Живут (букв.: лежат) потихоньку (букв.: однообразно; так же, как всегда)’. — Пусть живут (букв.: лежат) хорошо. — Живут (букв.: лежат). Ходят потихоньку’. [Корпус татышлинского говора]

Только глагол *kəl'ʹənə* допустим для обозначения местоположения птиц и насекомых:

- (6) *č'onari* *st'ena-jən* *kəl'ʹ-e* / **puk-e* /
паук стена-LOC лежать-PRS.3SG сидеть-PRS.3SG
**səl-e*.
стоять-PRS.3SG
‘Паук сидит на стене’.

Позиция крупных животных (например, собак) описывается глаголами *sâlânâ* ‘стоять’, *pukânâ* ‘сидеть’, *kâl'l'ânâ* ‘лежать’ в зависимости от ситуации (7). При этом *kâl'l'ânâ* может описывать и просто местонахождение животного вне зависимости от его конкретного положения.

- (7) *pinä kovrik vâl-ân kâl'l'-e /*
 собака коврик верх-LOC лежать-PRS.3SG
puk-e / sâl-e.
 сидеть-PRS.3SG стоять-PRS.3SG
 ‘Собака лежит (находится) / сидит / стоит на коврикe’.

При указании на расположение некоторого пространства (например, города или леса) глагол *kâl'l'ânâ* ‘лежать’ конкурирует с глаголами *pukânâ* ‘сидеть’ и *sâlânâ* ‘стоять’. Для некоторых носителей предпочтителен последний глагол:

- (8) *ta gorod more dur-ân sâl-e /*
 этот город море сторона-LOC стоять-PRS.3SG
[?]*kâl'l'-e /* [?]*puk-e.*
 лежать-PRS.3SG сидеть-PRS.3SG
 ‘Этот город находится у моря’.

Допустимость употребления *kâl'l'ânâ* варьируется для разных типов пространств (релевантные для этого варьирования факторы требуют дальнейшего исследования). Например, указание на местонахождение леса с помощью глагола *kâl'l'ânâ* оказалось менее приемлемым (9) для тех же носителей, которые допустили этот глагол в (8) по отношению к городу.

- (9) *šur dur-ân n'ules sâl-e /*
 река сторона-LOC лес стоять-PRS.3SG
^{??}*kâl'l'-e.*
 лежать-PRS.3SG
 ‘У реки находится лес’.

Сочетаясь с наименованиями больших вертикально вытянутых непереносимых субъектов (таких, как деревья или сто-

лбы), *kâl'l'ânâ* указывает на их горизонтальное расположение, тогда как вертикальная позиция описывается глаголом *sâlânâ* ‘стоять’:

- (10) *azbar-ân* *pispu* *sâl-e* / [#]*kâl'l'-e*.
 двор-LOC дерево стоять-PRS.3SG лежать-PRS.3SG
 ‘Во дворе стоит дерево’. / [#]‘Во дворе лежит дерево (упавшее, срубленное и т. п.)’.

- (11) *uram-ân* *ž'ubo* *sâl-e* / [#]*kâl'l'-e*.
 улица-LOC столб стоять-PRS.3SG лежать-PRS.3SG
 ‘На улице стоит столб’. / [#]‘На улице лежит (валяется) столб’.

Наоборот, при сочетании с наименованиями субъектов, не имеющих протяженной вертикальной ориентации, глагол *kâl'l'ânâ* описывает их местоположение без привязки к признакам ориентации и функциональности. В (12) этот глагол указывает просто на факт нахождения бутылки на столе, тогда как употребление глагола *sâlânâ* ‘стоять’ подразумевает, что бутылка находится в вертикальном положении.

- (12) *butâlka* *žök* *vâl-ân* *kâl'l'-e* / [#]*sâl-e*.
 бутылка стол верх-LOC лежать-PRS.3SG стоять-PRS.3SG
 ‘Бутылка на столе (стоит или лежит)’. / [#]‘Бутылка стоит (*лежит) на столе’.

Глагол *kâl'l'ânâ* является, кроме того, базовым средством описания висящих субъектов. В (13), где описывается нахождение ковра на вертикальном ориентире — стене, из рассматриваемых глаголов допустим только *kâl'l'ânâ*. Факультативно к нему может быть добавлена форма глагола *ošânâ* ‘вешать’, уточняющая положение субъекта.

- (13) *kov'or* *st'ena-jân* (*oš-emân*) *kâl'l'-e* /
 ковер стена-LOC вешать-RES лежать-PRS.3SG
^{*}*puk-e* / ^{*}*sâl-e*.
 сидеть-PRS.3SG стоять-PRS.3SG
 ‘Ковер висит на стене’.

Эта же стратегия используется для описания положения субъектов, висящих на крючке, вешалке или другом подобном предмете (14) либо подвешенных за кончик (15).

- (14) *derem veřalka-jân (oř-emân) kâl'ŭ'-e /*
 платье вешалка-LOC вешать-RES лежать-PRS.3SG
**sâl-e / *puk-e.*
 стоять-PRS.3SG сидеть-PRS.3SG
 'Платье висит на вешалке'.

- (15) *völdet-ân l'ustra (oř-is'kâ-sa) kâl'ŭ'-e /*
 потолок-LOC люстра вешать-DETR-CVB лежать-PRS.3SG
**sâl-e / *puk-e.*
 стоять-PRS.3SG сидеть-PRS.3SG
 'На потолке висит люстра'.

Помимо позиционных контекстов, глагол *kâl'ŭ'ânâ* употребляется в сложных глагольных комплексах, состоящих из лексического глагола в форме деепричастия на *-sa* и финитного глагола, отвечающего за аспектуальные характеристики. Глагол *kâl'ŭ'ânâ* указывает на продолжительный характер действия (прогрессив), как в (16), а также на значение хабитуалиса с высокой частотностью (17). Это ожидаемая модель развития, в т. ч. для Волго-Камского ареала, см., например, [Bradley 2016: 158—160].

- (16) *kūaz' kâk sâgüt zorâ-sa*
 погода два час идти_о_дожде-CVB
kâl'ŭ'-e in'i.
 лежать-PRS.3SG уже
 'Дождь идет уже два часа'.

- (17) *novost'i-ân koronavirus s'arâs' vera-sa*
 новости-LOC коронавирус о говорить-CVB
kâl'ŭ'-o.
 лежать-PRS.3PL
 'В новостях всё говорят и говорят о коронавирусе'. (Комментарий носителя: «Зачем так много говорить, как будто народ уже не знает».)

Учитывая широкую дистрибуцию глагола *kəl'ʹənə*, мы про-
верили, не может ли он развиваться в связку при неглагольных
предикатах. Такое расширение его употребления, однако, не
наблюдается:

- (18) **pet'a* *viz'mo* *kəl'ʹ-e*.
Петя умный лежать-PRS.3SG
Ожидаемое значение: ‘Петя умный’.

- (19) **mon* *stud'ent* *kəl'ʹ-is'ko-Ø*.
я студент лежать-PRS-1SG
Ожидаемое значение: ‘Я студент’.

Таким образом, в татышлинском удмуртском глагол *kəl'ʹənə*
‘лежать’ употребляется в качестве предиката со значением
‘находиться’, имеющего широкую сочетаемость. Для ряда
субъектов это единственно возможный глагол позиции (см.
описание положения птиц и насекомых, а также контексты с
висящими субъектами — в последнем случае, однако, возмож-
ны и аналитические конструкции с добавлением формы глагола
‘вешать’). В сочетании с наименованиями субъектов большого
размера (например, пространств или зданий) *kəl'ʹənə* конкури-
рует в первую очередь с глаголом *sələnə* ‘стоять’; с некоторыми
субъектами допускается и глагол *pukənə* ‘сидеть’. Сочетание
глагола *kəl'ʹənə* с наименованиями протяженных субъектов, ко-
торые часто являются вытянутыми вертикально, указывает на
горизонтальное расположение субъекта.

3. Данные других вариантов удмуртского языка

Рассмотрим имеющиеся данные о дистрибуции рассмат-
риваемого глагола в других территориальных разновидностях
удмуртского языка. В северных удмуртских говорах⁵ употреб-

⁵ Данные получены в переписке с тремя носителями языка родом из
с. Курегово и Дондыкар Глазовского района Удмуртии и из с. Юнда
Балезинского района Удмуртии.

ление глагола *кыллыны* ограничено ситуациями лежания. Описанные выше семантические расширения для него не характерны, ср.:

- (20) *Шофёр машина-я-з* **кылл-е.**
шофер машина-LOC/ILL-POSS.3SG лежать-PRS.3SG
'Шофер лежит / *находится в машине'.
- (21) *Бутылка ёськ выл-ын* **кылл-е.**
бутылка стол верх-LOC лежать-PRS.3SG
'Бутылка лежит / *стоит на столе'.
- (22) **Чонари борддор-ын* **кылл-е.**
паук стена-LOC лежать-PRS.3SG
Ожидаемое значение: 'Паук сидит на стене'.

Схожая с северными говорами сфера употребления глагола *кыллыны* отмечается в литературном удмуртском языке. Наряду с суждениями информантов, владеющих литературным языком, это подтверждают данные основного корпуса [КУЯ]. Мы проверили сочетаемость глагола *кыллыны* с локативными участниками в этом корпусе⁶. Распространенными в таких сочетаниях оказались, в частности, формы локатива *больницаын* / *эмъяськонниын* / *эмюртын* 'в больнице', *госпитальын* 'в госпитале', *палатаын* 'в палате', *реанимациын* 'в реанимации', *валесын* 'в постели', *койкаын* 'на койке', *музьемын* 'в земле', *коросын* 'в гробу', *шайгуын* 'в могиле'. В таких примерах горизонтальное положение субъекта является постоянным либо преобладающим.

Некоторые носители северных говоров отмечают, что слышали примеры с широкой дистрибуцией глагола *кыллыны* от носителей южных говоров, указывая, в частности, на жителей Алнашского района Удмуртии. Мы располагаем суждениями

⁶ Запрос: существительное в форме локатива + лемма *кыллыны* на расстоянии 1.

двух носителей, родившихся в Алнашском районе (в с. Азаматово и в с. Кузубаево). Для идиолекта носителя родом из с. Кузубаево расширенные употребления *кыльыны* не характерны. В речи носителя родом из с. Азаматово такие употребления в целом возможны в части контекстов, ср. (23)—(25), сомнительны по отношению к висящим субъектам (26) и к обширным пространствам (27) и невозможны в контекстах, где реализуется значение ‘жить’ (28).

- (23) *Шофёр машина-я-з* **кылл-е.**
шофер машина-LOC/ILL-POSS.3SG лежать-PRS.3SG
‘Шофер находится в машине’.
- (24) *Чонари борддор-ын* **кылл-е.**
паук стена-LOC лежать-PRS.3SG
‘Паук сидит на стене’.
- (25) *Бутылка йсöк выл-ын* **кылл-е.**
бутылка стол верх-LOC лежать-PRS.3SG
‘Бутылка находится на столе’.
- (26) [?]*Телевизор борддор-ын* **кылл-е.**
телевизор стена-LOC лежать-PRS.3SG
‘Телевизор висит на стене’. (Комментарий носителя: «Возможно, но я не использую».)
- (27) [?]*Та город море дор-ын* **кылл-е.**
этот город море сторона-LOC лежать-PRS.3SG
‘Этот город расположен у моря’. (Комментарий носителя: «Может использоваться, я не использую в своей речи».)
- (28) **Мон Москва-ын* **кылл-исько-Ø**
я Москва-LOC лежать-PRS-1SG
Ожидаемое значение: ‘Я живу в Москве’.

В диалектном корпусе [КУЯ] отмечены единичные примеры использования глагола *кыльыны* в значении ‘жить’ (29) в

говорах Граховского района, также расположенного на юге Удмуртии. От более широких обобщений о говорах южной части Удмуртии мы воздержимся в виду ограниченности данных.

- (29) *Всё равно тани гужем мон, это, шу-исько-Ø,*
 вот лето я говорить-PRS-1SG
нылти-ос-лы <%> город-ын нечё делать, мед
 ребенок-PL-DAT город-LOC пусть
кылл-ё-зы гурт-ын.
 лежать-FUT-3PL деревня-LOC
 ‘Всё равно вот летом я, это, говорю, детям в городе нечего де-
 лать, пусть живут (букв.: лежат) в деревне’. [КУЯ]

Таким образом, употребления глагола *кыллыны* в позиционных контекстах, выходящих за рамки значения ‘лежать’, не свойственны литературному удмуртскому языку и северным говорам, но встречаются в говорах юга Удмуртии по крайней мере в некоторых контекстах и в части идиолектов.

4. Данные ареально близких тюркских языков

Взаимодействие с тюркскими идиомами, характерное как для татышлинского удмуртского (см., например, [Baidoullina 2003: 5—13]), так и в разной степени для других южноудмуртских говоров, позволяет выдвинуть гипотезу о контактно обусловленной природе рассматриваемой полифункциональности глагола *кыллыны*. Учитывая многогранную социолингвистическую ситуацию в ареале распространения татышлинского удмуртского, мы оценили существование схожей модели как в татарском, так и в башкирском языке. Источниками данных послужили, во-первых, словари (основные ссылки на них приводятся далее). Во-вторых, значительный объем башкирского материала, сопоставленного с данными других алтайских языков (казахского, киргизского, бурятского), был доступен нам из статьи [Кожемякина, Костюк 2016]. В-третьих, мы опросили двух носителей литературного татарского языка, одного носителя татарского, родившегося и проживающего в Татышлинском районе, а также одного носителя литературного башкирского языка.

Проведенное исследование показало, что дистрибуция глагола со значением ‘лежать’ в тех разновидностях татарского и башкирского языков, по которым в нашем распоряжении были данные, не столь широка, как дистрибуция глагола *käl'l'ânâ* в татышлинском удмуртском. Так, в примерах (30)—(32), полученных от носителя литературного татарского, этот глагол невозможен (аналогичные суждения получены от носителя башкирского языка).

- (30) *Үрмәкүч стена-да утыр-а / *ят-а.*
паук стена-LOC сидеть-ST.IPFV лежать-ST.IPFV
‘Паук сидит на стене’.
- (31) *Карават бүлмә-дә тор-а / *ят-а.*
кровать комната-LOC стоять-ST.IPFV лежать-ST.IPFV
‘Кровать стоит в комнате’.
- (32) *Телевизор стена-да эле-н-еп*
телевизор стена-LOC вешать-DEPAT-CV
*тор-а / *ят-а.*
стоять-ST.IPFV лежать-ST.IPFV
‘Телевизор висит на стене’.

В словарях татарского и башкирского языков приводятся отдельные примеры семантических расширений глаголов со значением ‘лежать’. Так, в [ТРС 2007: 723] зафиксировано употребление татарского глагола *яту* ‘лежать’ в значениях ‘жить, поживать’ (*Нишләп ятасыз?* ‘Как поживаете’) и ‘быть, лежать, находиться где-либо (постоянно, долгое время)’ (*Һаман өйдә яту* ‘всё время находиться дома’). В [БРС 1996: 847] приводятся контексты, в которых башкирский глагол *ятыу* ‘лежать’ означает ‘пребывать, находиться где-либо’: *больница ятыу* ‘лежать в больнице’, *курортта ятыу* ‘находиться на курорте’, *өйҙә ятыу* ‘находиться дома’. Примеры, приводимые в словарях, описывают нахождение или существование человека. Однако лексикографические описания не содержат

контекстов, в которых глагол со значением ‘лежать’ покрывал бы ожидаемую сферу употребления других позиционных глаголов, как происходит в случае татышлинского *käl'läñä*.

В то же время широкую сферу употребления в татарском и в башкирском языках имеют глаголы позиции со значением ‘стоять’, ср. примеры (33)—(36) из башкирского языка, цитируемые по [Кожемякина, Костюк 2016: 92—94], а также словарные статьи в [БРС 1996: 622—623; ТРС 2007: 393—394]. Аналогичная модель приводится в [Кожемякина, Костюк 2016] и для некоторых других алтайских языков.

- (33) *Аскыс йозак эс-ен-дә тор-а.*
 ключ замок внутренность-POSS.3SG-LOC стоять-ST.IPFV
 ‘Ключ в замочной скважине (букв.: стоит)’.
- (34) *Себен стена-да / түшәм-дә тор-а.*
 муха стена-LOC потолок-LOC стоять-ST.IPFV
 ‘Муха сидит (букв.: стоит) на стене / на потолке’.
- (35) *Түшәм-дә люстра тор-а.*
 потолок-LOC люстра стоять-ST.IPFV
 ‘На потолке висит (букв.: стоит) люстра’.
- (36) *Был ой-зә минең дуҫ-тар-ым тор-а.*
 этот дом-LOC я.GEN друг-PL-POSS.1SG стоять-ST.IPFV
 ‘В этом доме живут (букв.: стоят) мои друзья’.

5. Заключение

Глагол *käl'läñä* ‘лежать’ в татышлинском удмуртском расширяет сферу употребления, используясь в качестве предиката со значением ‘находиться’. Такие употребления подчиняются, однако, ряду семантических ограничений: при описании вертикально вытянутых субъектов большой протяженности используется не глагол *käl'läñä*, а глагол *säläñä* ‘стоять’; не во всех идиолектах глагол *käl'läñä* применим к субъектам большого размера (как пространствам или зданиям). Схожее се-

мантическое расширение фиксируется у этого глагола и в других южноудмуртских говорах, однако идиомное варьирование сочетаемостных ограничений требует дальнейшего исследования.

Объяснение такого расширения семантики глагола *käl'ʹänä* может строиться двумя путями, при этом можно привести аргументы за и против каждого из них. Во-первых, можно предполагать независимое развитие ‘лежать’ → ‘находиться’ в удмуртских говорах южного наречия. Такой семантический сдвиг обсуждается в [Майсак 2005: 422], а также его реализации зафиксированы в базе данных [DatSemShift]. В то же время из работы Т. А. Майсака неясно, насколько распространен этот сдвиг и как он реализуется с точки зрения семантических ограничений на употребление глагола с исходным значением ‘лежать’ в значении ‘находиться’. Примеры, содержащиеся в [DatSemShift], также вызывают вопросы о том, насколько сходны переходы, фиксируемые в этой базе, и развитие глагола *käl'ʹänä* в татышлинском удмуртском. Сдвиг ‘лежать’ → ‘находиться’ фиксируется, в частности, в русском (*Эта деревня лежит в двух километрах от реки Нары*) и английском (*The islands lie at the southern end of the Kurile chain* ‘Острова расположены на юге Курильской гряды’) языках. Очевидно, однако, что русский глагол *лежать* или английский *lie* не функционируют как базовый позиционный предикат, подобно татышлинскому *käl'ʹänä*. Учитывая, что и другие приведенные в [DatSemShift] реализации такого сдвига основаны на кратких справках из вторичных источников, к ним возникают те же вопросы о дистрибуции лексем, требующие отдельных исследований. Тем самым, неясно, в полной ли мере доступные из типологических источников примеры представляют параллель к татышлинской системе.

Во-вторых, можно выдвинуть гипотезу о контактно обусловленном развитии в татышлинском говоре, учитывая его тесную связь с тюркскими идиомами (последнее справедливо и для упомянутых в разделе 3 говоров юга Удмуртии). Очевидное возражение состоит в том, что глагол ‘лежать’ в контактных тюркских языках не имеет настолько широкой дис-

трибуции, как в татышлинском удмуртском. Поэтому прямое калькирование тюркской модели полисемии в данном случае невозможно. Вместе с тем в тюркских языках наблюдается широкая сфера употребления другого глагола позиции — ‘стоять’, и в таких системах можно говорить о существовании в позиционной зоне доминантного глагола. Само наличие доминантного позиционного глагола оказывается общим признаком татышлинской и тюркских систем. Возникает, однако, вопрос, возможно ли и как могло бы быть аргументировано контактное влияние не на уровне полисемии конкретной лексемы, а на уровне общей модели устройства системы. В теоретических работах такая возможность, по-видимому, не отвергается, ср., например, [Matras, Sakel 2007: 830] о понятии *pivot-matching* («совпадение оси»), подразумевающим совпадение моделей устройства структуры в контактирующих языках на самых разных уровнях. Согласно [Gardani 2020: 271], заимствование модели в фонологии и морфологии может касаться общих принципов организации системы, например, наличия в языке определенной фонологической оппозиции (как между звонкими и глухими согласными), типа морфологической организации (синтетической / аналитической), моделей морфологических операций (аффиксации, редупликации) и др. Типология заимствования моделей в лексике изучена хуже, однако в литературе обсуждалось вероятное заимствование некоторых системных явлений, см., например, [Кошкарева и др. 2017] об организации некоторых семантических полей в уральских языках Ямало-Ненецкого АО. Так, стратегии описания скользких поверхностей в западных хантыйских говорах, контактных с ненецким языком, следуют ненецким моделям (например, базовым языковым средством оказывается глагольная лексема ‘быть скользким’, что нетипично для западных хантыйских говоров в других районах). Продуктивность эвфемистических наименований опасных животных (волка, медведя) значительно возрастает в коми-ижемских говорах, активно контактирующих с ненецким и хантыйским языками, в которых такая модель распространена повсеместно. Указанные параллели дают основания предположить,

что контактное влияние на уровне устройства системы по доминантной модели возможно и в случае татышлинских позиционных глаголов. Однако остаются и проблемные вопросы, требующие дальнейших, в т.ч. типологических исследований — о том, как можно дополнительно аргументировать наличие или отсутствие влияния на уровне устройства системы, а также о том, является ли типологическая фиксация расширения 'лежать' → 'находиться' достаточным аргументом против такого влияния.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; CVB — деепричастие; DAT — датив; DEPAT — депациентив; DETR — детранзитивизатор; FUT — будущее время; GEN — генитив; ILL — иллатив; IPFV — имперфектив; LOC — локатив; PL — множественное число; POSS — поссезивность; PRS — настоящее время; Q — вопросительная частица; RES — результатив; SG — единственное число; ST — особая основа при словоизменении.

Литература

БРС — Башкирско-русский словарь / под ред. З.Г. Ураксина. М.: Дигора, Русский язык, 1996.

Кожемякина, Костюк 2016 — Кожемякина А.Д., Костюк А.Э. О структуре локативной предикации в алтайских языках // Проблемы лексико-семантической типологии. Вып. 3 / под ред. А.А. Кретова. Воронеж: ВГУ, 2016. С. 89—97.

Кожемякина и др. 2014 — Кожемякина А.Д., Кюсева М.В., Рыжова Д.А. 'Сидеть', 'стоять', 'лежать': типология локативной предикации // Одиннадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 27—29 ноября 2014 г.) / Отв. ред. О.В. Кузнецова. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 83—85.

Кошкарева и др. 2017 — Кошкарева Н.Б., Кашкин Е.В., Коряков Ю.Б., Казакевич О.А., Буркова С.И., Муравьев Н.А., Будянская Е.М. Диалектологический атлас уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа / под общ. ред. Н.Б. Кошкаревой. Калининград: РОС-ДООАФК, 2017.

КУЯ — Корпуса удмуртского языка. Электронный ресурс: <http://udmurt.web-corpora.net/> (дата обращения: 15.04.2022).

Лыткин, Гуляев 1970 — Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970.

Майсак 2005 — Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005.

Рахилина 2008 — Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008.

Рахилина, Резникова 2013 — Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013, № 2. С. 3—31.

Рыжова, Кюсева 2013 — Рыжова Д. А., Кюсева М. В. ‘Сидеть’, ‘стоять’, ‘лежать’: локативная предикация в кабардино-черкесском языке // Проблемы лексико-семантической типологии: сборник научных трудов. Вып. 2 / под ред. А. А. Кретьова. Воронеж: ВГУ, 2013. С. 253—274.

Рыжова и др. 2014 — Рыжова Д. А., Кюсева М. В., Кожемякина А. Д. ‘Сидеть’, ‘стоять’, ‘лежать’: типология локативной предикации // Матеріали Українсько-російської школи-конференції молодих учених «Сучасні дослідження мови та літератури» Донецьк: ДонНУ, 2014. С. 235—237.

TPC — Татарско-русский словарь: в 2-х тт. Т. 2 (М—Я). Казань: Магариф, 2007.

Baidoullina 2003 — Baidoullina A. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. Magistritöö. Tartu: Tartu Ülikool, 2003.

Bradley 2016 — Bradley J. Mari converb constructions: productivity and regional variance. Doctoral dissertation. Vienna: University of Vienna, 2016.

DatSemShift — The catalogue of semantic shifts. Online database: <https://datsemshift.ru/> (accessed on 29.08.2022).

Gardani 2020 — Gardani F. Borrowing matter and pattern in morphology. An overview // Morphology. 2020, vol. 30. P. 263—282.

Matras, Sakel 2007 — Matras Y., Sakel J. Investigating the mechanisms of pattern replication in language convergence // Studies in Language. 2007, vol. 31:4. P. 829—865.

Глаголы колебания в татышлинском удмуртском

Анастасия Игоревна Крюкова

МГУ им. М. В. Ломоносова
nastyakryukova0077@gmail.com

В статье рассматриваются глаголы, составляющие семантическое поле колебания в татышлинском удмуртском. Выделяются основные параметры, релевантные для противопоставления единиц поля в данном говоре. Данные татышлинского удмуртского рассматриваются в типологической перспективе.

Ключевые слова: лексическая типология, удмуртский язык, глаголы колебания.

Oscillation verbs in Tatyshly Udmurt

Anastasiia Kriukova

Lomonosov Moscow State University
nastyakryukova0077@gmail.com

The article deals with verbs of oscillation in Tatyshly Udmurt. The study highlights the main parameters that are relevant for the domain concerned in this subdialect. The data from Tatyshly Udmurt are discussed in a typological perspective.

Keywords: lexical typology, Udmurt, oscillation verbs.

1. Введение

В данной статье будет рассмотрено семантическое поле колебания (*колебаться, качаться, шататься* и пр.) в татышлинском говоре удмуртского языка. Мы сконцентрируемся на непереходных глаголах в их прямом значении. Татышлинский говор включается в периферийно-южный диалект южного наречия удмуртского языка и распространен в Татышлинском районе Башкортостана. Данные были получены методом анке-

тирования носителей в д. Старый Кызыл-Яр, с. Нижнебалтачево, Новые Татышлы летом 2021 и 2022 гг. в экспедициях ОТиПЛа МГУ (подробнее см. <http://tatyshly-udmurt.tilda.ws/>).

2. Семантическое поле колебания: общие характеристики

Вслед за [Шапиро 2013] в класс глаголов колебания мы включаем лексемы, описывающие повторяющееся, возвратно-поступательное движение объекта, чаще всего закрепленного в одной точке. Исследование опирается на фреймовый подход к лексической типологии, см., например, [Рахилина, Резникова 2013]. Он основан на выделении фреймов — простейших ситуаций, которые могут получить отдельное обозначение в том или ином языке, — с помощью контекстного анализа употребления лексем.

Первой статьей, посвященной типологии глаголов колебания (на русском и польском материале), была работа [Рахилина, Прокофьева 2005]. В [Шапиро 2013] поле впервые было описано подробно, с обобщением типологических данных и составлением семантической карты поля колебания на основании данных семи языков. На данный момент поле колебания описано для многих уральских языков: коми-зырянского, финского, ненецкого [Шапиро 2015], горномарийского [Давидюк 2018], хантыйского [Соловар 2018]. Материал удмуртского языка, а также ареально близких татарского и башкирского ранее не рассматривался.

Противопоставления между глаголами колебания в языках мира охватывают свойства как самого движения, так и субъекта. К свойствам движения относятся:

- (не)функциональность (колебание совершается в интересах человека, или создает затруднения для человека, или оценивается как нейтральное);
- (не)контролируемость;
- направление (вперед-назад, из стороны в сторону, вверх-вниз);
- амплитуда (высокая / низкая);

- частота (высокая / низкая);
 - эффектор, вызвавший колебание (колебание от ветра или на воде, колебание, вызванное нестабильной опорой);
 - сопутствующие ситуации (например, определенный звук или визуальный образ);
 - наличие / отсутствие точки отсчета.
- Свойства субъекта включают:
- (не)одушевленность;
 - наличие / отсутствие опоры (в отсутствие опоры субъект может быть подвешен или натянут);
 - форму (например, вытянутую / (не)похожую на человека, ср. [Рудницкая 2012] о корейской системе);
 - мягкость / твердость;
 - ориентацию в пространстве (горизонтальную / вертикальную).

3. Глаголы колебания в татышлинском удмуртском

В татышлинском говоре удмуртского языка поле колебания состоит из 12 глаголов. Два глагола могут встретиться в большом количестве фреймов, мы считаем их доминантными. Остальные 10 глаголов употребляются в ограниченном числе контекстов. Каждый из этих глаголов выделяет значение какого-то одного параметра или сочетания параметров, а значения остальных параметров для него нерелевантны.

3.1. Доминантный глагол: *sezjas'kânâ*

Один из глаголов с широкой сочетаемостью, *sezjas'kânâ* (лит. *сэзьясъкыны*), является детранзитивным коррелятом глагола *sezjanâ* 'трясти'. Глагол *sezjas'kânâ* описывает все типологически релевантные типы колебания (кроме функционального) любых неодушевленных объектов (кроме мягких горизонтальных поверхностей, таких как водная гладь или поле пшеницы), см. (1)—(3). В контекстах нефункционального колебания *sezjas'kânâ* получает только актуально-длительную интерпретацию, но не потенциальную или хабитуальную (4); см. об этом также раздел 3.6.

- (1) *tovar-ez bas't-em ber-e no,*
товар-ACC взять-NMLZ зад-ILL ADD
vesa sezja-s'k-i-z no
весы трясти-DETR-PST-3SG ADD
‘Когда с весов сняли товар, чаши закачались’.
- (2) *lôč'ära-n sezja-s'k-e*
качаться-VN трясти-DETR-PRS.3SG
‘Качели качаются {от ветра}’.
*‘Качели качаются {потому что на качелях кто-то качается}’.
- (3) *pin' sezja-s'k-e*
зуб трясти-DETR-PRS.3SG
‘Зуб шатается {я прямо сейчас ем яблоко}’.
*‘Зуб шатается {зуб плохо закреплен в десне}’.

Только *sezjas'kânâ* может употребляться в одном из периферийных фреймов поля колебания, связанным со свободным свисанием (как англ. *dangle*, рус. *болтаться*), см. (5). Однако русский и английский глаголы могут описывать и просто свисание без колебания [Шапино 2013: 109—111], в отличие от *sezjas'kânâ*.

- (4) *so-len dis'-ez sezja-s'k-e*
тот-GEN одежда-POSS.3SG трясти-DETR-PRS.3SG
‘Одежда на нем болтается {от ветра}’.
‘Одежда на нем болтается {при движении}’.
*‘Одежда на нем болтается {потому что велика}’.

Применительно к одушевленному субъекту рассматриваемый глагол обозначает колебание, вызванное неустойчивостью опоры (ср. (6), (7)).

- (5) *jul'a val vâl-ân sezja-s'kâ-sa tân-e*
Юля лошадь верх-LOC трясти-DETR-CVB идти-PRS.3SG
‘Юля трясется верхом на лошади’.

- (6) *pes'aj kreslo-ân ve'ta-s'kâ-sa /*
 бабушка кресло-LOC укачивать-DETR-CVB
**sezja-s'kâ-sa iz'-e*
 трясти-DETR-CVB спать-PRS.3SG
 'Бабушка спит, качаясь в кресле-качалке'.

3.2. Доминантный глагол для колебания с небольшой частотой и амплитудой: *ve'tas'kânâ*

Глагол *ve'tas'kânâ* (*vertas'kânâ*, *ver'tas'kânâ*; лит. *веттаськыны*) образован от глагола *ve'tanâ* 'укачивать [ребенка]' и не имеет ограничений по сочетаемости с субъектами. Глагол *ve'tas'kânâ* не чувствителен к параметру функциональности: им можно описать «нейтральное» (8), функциональное (9)—(10) и нефункциональное (11) колебание.

- (7) *busi-jân ĉ'äbej ve'ta-s'k-e*
 поле-LOC пшеница укачивать-DETR-PRS.3SG
 'На поле пшеница колыхается'.
- (8) *zâbka ve'ta-s'k-e*
 люлька укачивать-DETR-PRS.3SG
 'Люлька качается'.
- (9) *pinal zâbka-jân ve'ta-s'k-e*
 ребенок люлька-LOC укачивать-DETR-PRS.3SG
 'Ребенок качается в люльке'.
- (10) *jen sultâ so polovoj vâl-e,*
 ПРОН вставать тот половица верх-ILL
so ve'ta-s'k-e
 тот укачивать-DETR-PRS.3SG
 'Не наступай на эту половицу, она качается'.

По-видимому, *ve'tas'kânâ* обозначает колебание с низкой частотой и амплитудой (12). Это единственный глагол в данном семантическом поле, который не сочетается с наречиями *katâ* 'сильно' и *šär* 'быстро' (13b). Вместе с тем, его можно употребить с наречием *kal'll'en* 'слабо, тихо' (13a).

- (11) *flag veʔta-s'k-e*
 флаг укачивать-DETR-PRS.3SG
 ‘Флаг легко развевается’.
 *‘Флаг сильно развевается’.
- (12) a. *kašaga-jos kal'len veʔta-s'k-o*
 занавеска-PL тихо укачивать-DETR-PRS.3PL
 ‘Занавески слабо колышутся’.
- b. *kašaga-jos *katā / *šāp veʔta-s'k-o*
 занавеска-PL сильно быстро укачивать-DETR-PRS.3PL
 Ожид.: ‘Занавески сильно развеваются’.

3.3. Колебание вверх-вниз: *lōjkanā*

Глагол *lōjkanā* (лит. *лэйканы*) прототипически обозначает колебание вверх-вниз одушевленных (14) и неодушевленных (15)—(16) субъектов.

- (13) *kojka-jān lōjka-∅ nālpī*
 кровать-LOC пружинить-PRS.3SG ребенок
 ‘Ребенок пружинит, сидя на кровати’.
- (14) *n'ur lōjka-∅*
 болото пружинить-PRS.3SG
 ‘Болотистая почва прогибается, ходит под ногами’.
- (15) *vi vāl-ān pāž lōjka-∅*
 вода верх-LOC лодка пружинить-PRS.3SG
 ‘Лодка качается на воде’.

С другой стороны, *lōjkanā* может описывать и движение одушевленного субъекта вперед-назад, сближаясь с *veʔtas'kānā* и *lōč'āranā* (см. разделы 3.2, 3.4.). Такие контексты требуют более подробного исследования.

- (16) *nālpī-jos pukon-ān lōjka-nā / lōč'āra-nā /*
 ребенок-PL стул-LOC пружинить-INF качаться-INF
veʔta-s'kā-nā ž'arat-o
 укачивать-DETR-INF любить-PRS.3PL
 ‘Дети любят качаться на стульях’.

3.4. Функциональное колебание: *lòč'äranâ*

Глагол *lòč'äranâ* (фонетический вариант *ž'òč'äranâ*; лит. *žечыраны*) обозначает функциональное колебание субъекта на опоре и самой опоры (18)—(19). В этих контекстах возможны также глаголы *ve'tas'kânâ* и *lòjkanâ*, однако они имеют более широкую семантику (см. разделы 3.2—3.3).

(17) *nâlpj-jos* *lòč'ära-n-ân* ***lòč'ära-lo***
 ребенок-PL качаться-VN-LOC качаться-PRS.3PL
 ‘Дети качаются на качелях’.

(18) *pi* *te'č'-i-z,* *ž'òč'ära-n* ***ž'òč'ära-sa***
 мальчик прыгать-PST-3SG качаться-VN качаться-CVB
kâll'-i-z
 лежать-PST-3SG
 ‘Мальчик спрыгнул, качели покачивались’.

3.5. Колебание длинных объектов: *šonas'kânâ*

Основным фактором, определяющим использование глагола *šonas'kânâ* (< *šonânâ* ‘махать’, лит. *šонаськыны*), является форма объекта: речь идет о колебании вытянутого (вертикально, как рука человека, флаг или дерево, либо горизонтально, как провода) неодушевленного объекта.

(19) *pispu* *vaj* ***šona-s'k-e***
 дерево ветка махать-DETR-PRS.3SG
 ‘Ветви деревьев качаются’.

Если субъектом выступает человек, речь идет о нетвердой походке пьяного (21). Полифункциональность этого глагола может быть связана с разными значениями детранзитивного суффикса *-s'k*: с неодушевленными субъектами он в данном случае употребляется в значении декаузатива (пациентивный участник продвигается в позицию подлежащего, а агентивный участник удаляется из исходной структуры [Плунгян 2011:

209]), а с одушевленными — автокаузатива (результат устранения агенса из структуры «каузатор + агенс», при котором получившаяся ситуация остается агентивной, но ее единственный участник действует уже «сам по себе», а не под влиянием какого-либо внешнего источника [Плунгян 2011: 221]).

- (20) *kūʒ'-em* *murt* *šona-s'kâ-sa*
 пьянеть-PTCP.PST человек махать-DETR-CVB
bert-e
 приходит-PRS.3SG
 'Пьяный человек, шатаясь, возвращается домой'.

3.6. Нефункциональное колебание: *vârž'âlânâ*

Глагол *vârž'âlânâ* (лит. *вырзылыны*) сближается с глаголом *vârânâ* 'шевелиться', от которого образован: большинство носителей воспринимают их как один и тот же глагол с идентичной дистрибуцией в контекстах колебания. Однако, судя по комментариям носителей, вариант *vârânâ* употребляется в татышлинском говоре редко. В основном глагол *vârž'âlânâ* обозначает движение одушевленного субъекта — шевеление целиком или частью тела.

- (21) *äd'ämi* *iz'â-kâ-z* *vârž'â-l-e*
 человек спать-CVB.SIM-POSS.3SG шевелиться-ITER-PRS.3SG
 'Человек шевелится во сне'.

Что касается колебания неодушевленных субъектов, *vârž'âlânâ* характеризует колебание, вызванное нарушенной функциональностью, причем предложение может получить как актуально-длительную, так и потенциальную интерпретацию.

- (22) *kadak* *vârž'â-l-e*
 гвоздь шевелиться-ITER-PRS.3SG
 'Гвоздь болтается {=я его трогаю, и он движется}'.
 'Гвоздь болтается {=плохо закреплен}'.

В ижемском коми (см. [Шапиро 2015]) дистрибуция когната *vârânâ* глагола *vörnъ* шире: это основной глагол для колебания неодушевленных субъектов с небольшой амплитудой, который также покрывает колебание по причине неустойчивости.

3.7. Колебание мягких горизонтальных поверхностей: *tulkâmjas'kânâ*

Глагол *tulkâmjas'kânâ* (< *tulkâm* ‘волна’, лит. *тулкымьяськыны*) обозначает колебание воды (по-видимому, это первичный контекст, учитывая его внутреннюю форму) и других мягких горизонтальных поверхностей:

(23) *vi* *tól-en* *tulkâm-ja-s'k-e*
 вода ветер-INS волна-VBLZ-DETR-PRS.3SG
 ‘Вода идет рябью’.

(24) *č'äbej* *ju* *tulkâm-ja-s'k-e*
 пшеница посевы волна-VBLZ-DETR-PRS.3SG
 ‘Пшеница колышется’.

3.8. Колебание, сопровождаемое хлопками: *lorârjas'kânâ*

Глагол *lorârjas'kânâ* (лит. *лопырьяськыны*) образован от идеофона *lorâr*, обозначающего шум крыльев, шелест тканей или листьев. Соответственно, *lorârjas'kânâ* указывает на колебание с характерным звуком, появляющимся только при достаточно высокой интенсивности колебания мягких неодушевленных субъектов (таких как флаг, лист, юбка, крылья гусей). Для *lorârjas'kânâ* важно и движение, и звук, тогда как только звук описывается иначе (27).

(25) *pispu* *kuar-jos* *lorâr-ja-s'k-o*
 дерево лист-PL шелест-VBLZ-DETR-PRS.3PL
 ‘Листья деревьев колеблются и шелестят’.

(26) *n'ulessk-ân* *vettâ-kâ* *pâd* *ul-ân*
 лес-LOC ходить-CVB.SIM нога низ-LOC
kuar-jos *č'aštârt-o* / **lorâr-ja-s'k-o*
 лист-PL шелестеть-PRS.3PL шелест-VBLZ-DETR-PRS.3PL
 ‘Когда гуляешь по лесу, под ногами шелестят листья’.

3.9. Колебание на ветру: *tólanâ*

Глагол *tólanâ* (< *tól* ‘ветер’, лит. *mólаны*) имеет три основных значения: ‘дуть [о ветре]’, ‘сушиться’ и ‘развеваться, реять’ (иногда предложение может иметь две интерпретации, см. (28)). Колебания, обозначаемые глаголом *tólanâ*, вызваны воздействием ветра, ср. его недопустимость в (29). Для субъекта должно быть мыслимо нахождение на открытом воздухе и колебание под воздействием ветра. Другие ситуации воздействия ветра (обветренное лицо, открытое ветром окно, унесенные ветром вещи) не описываются рассматриваемым глаголом.

- (27) *mis'k-em* *nästâ* *azbar-ân* ***tóla-∅***
 мыть-PTCP.PST вещь двор-LOC развеяться-PRS.3SG
 ‘Белье сушится во дворе’.
 ‘Белье колыхнется на веревке во дворе’.

- (28) *anaj* *dis'-jos-se* *bas'tâ-kâ-z,*
 мать одежда-PL-ACC.POSS.3SG взять-CVB.SIM.POSS.3SG
kal-ez *sezja-s'k-e /* ****tóla-∅***
 веревка-POSS.3SG трясти-DETR-PRS.3SG развеяться-PRS.3SG
 ‘Когда мама забирает одежду, веревка качается’.

3.10. Колебания, вызванные дребезжанием опоры: *zurkanâ*

Глагол *zurkanâ* (< *zur* ‘дребезжание’; лит. *зурканы*) описывает колебания из-за дребезжания опоры, а также колебания самой опоры, ср. (30)—(31). В имеющихся примерах в качестве «дребезжающей» опоры могут выступать земля или пол.

- (29) *muzjem* ***zurka-kâ*** *u'no-is'*
 земля содрогаться-CVB.SIM окно-EL
pijala-jos ***zurka-∅-zâ***
 стекло-PL содрогаться-PST-3PL
 ‘Во время землетрясения стекла в окнах тряслись’

- (30) *vas'a* *st'ena-je* *kadak* *ž'âga-kâ-z*
 Вася стена-ILL гвоздь вбить-CVB.SIM.POSS.3SG
polka-is' *nästâ-jos* *vârž'â-l-i-zâ /*
 полка-EL вещь-PL шевелиться-ITER-PST-3PL
****zurka-∅-zâ***
 содрогаться-PST-3PL
 ‘Вася вбивал в стену гвоздь, вещи на полке шатались’.

3.11. Дрожание: *kʷal'anâ*

Кратко коснемся семантической зоны дрожания (колебания высокой интенсивности и малой амплитуды). Такое значение выражается глаголом *kʷal'anâ* (лит. *куаляны* ‘дрожать от испуга’). Он описывает дрожание одушевленных и неодушевленных субъектов, целого субъекта либо его частей, дрожание от испуга, болезни или физического воздействия, см. некоторые иллюстрации:

- (31) *ad'ämi vis'-e no kʷal'a-∅*
 человек болеть-PRS.3SG ADD дрожать-PRS.3SG
 ‘Человек болеет и дрожит от озноба’.

- (32) *ton č'ukâr kutâ-kâ ki kʷal'a-∅*
 я чашка братъ-CVB.SIM рука дрожать-PRS.3SG
 ‘Я взял чашку, и рука дрожит’.

3.12. Переваливание при ходьбе: *bekârjas'kânâ*

Отдельно рассмотрим равномерное колебание («переваливание») при ходьбе. В татышлинском говоре оно обозначается глаголом *bekârjas'kânâ* (лит. *бекыръясъкыны*), образованного от идеофона *bekâr* ‘образ наклонного (накренившегося, опрокинутого) состояния предмета’ [УРС 2008: 63], см. (34)—(35). Походку пьяного человека в примерах, подобных (21), этот глагол описывать не может.

- (33) *andrej bekâr-ja-s'kâ-sa ve'l-e*
 Андрей наклонный-VBLZ-DETR-CVB ходить-PRS.3SG
 ‘Андрей переваливается с ноги на ногу при ходьбе’.

- (34) *mânmat ž'až'eg-jos-â bekâr-ja-s'kâ-sa*
 я.GEN гусь-PL-POSS.1SG наклонный-VBLZ-DETR-CVB
bert-o
 приходить-PRS.3PL
 ‘Мои гуси возвращаются домой, переваливаясь’.

4. Обобщение результатов и типологический комментарий

Для поля колебания в татышлинском удмуртском важны следующие семантические параметры:

1. Одушевленность субъекта — *bekârjas'kânâ* употребляется только с одушевленным субъектом, *lopârjas'kânâ*, *tôlanâ*, *tulkâmjas'kânâ* — только с неодушевленным, *lôjkanâ*, *sezjas'kânâ*, *šonas'kânâ*, *vârž'âlânâ* имеют разное значение в зависимости от (не)одушевленности субъекта

2. Функциональность — ср. *lôč'ëranâ* (функциональное колебание) и *vârž'âlânâ* (колебание, связанное с нарушением функциональности).

3. Причина колебания — ср. *zurkanâ* (дребезжание опоры) и *tôlanâ* (дуновение ветра).

4. Сопутствующее действие — ср. *bekârjas'kânâ* (походка вразвалку) и *lopârjas'kânâ* (колебание с характерными хлопками).

5. Амплитуда и частота — ср. *kçal'anâ* (очень маленькая амплитуда, очень высокая частота) и *ve'tas'kânâ* (низкая частота, низкая амплитуда).

6. Форма субъекта — *šonas'kânâ* сочетается только с вытянутыми субъектами (в контекстах с неодушевленным субъектом).

7. Направление колебания — *lôjkanâ* может описывать колебание вверх-вниз, а также вперед-назад для одушевленных субъектов.

Обобщим полученные результаты в таблице 1, где глаголы представлены вместе с релевантными значениями параметров колебательного движения и разделены по значениям.

Таблица 1. Поле колебания в татышлинском удмуртском

глагол	релевантные параметры
<i>bekârjas'kânâ</i>	Свойства субъекта: одушевленный Свойства движения: равномерное переваливание при ходьбе
<i>kçal'anâ</i>	Свойства движения: ● малая амплитуда ● высокая частота

Продолжение табл. 1

глагол	релевантные параметры
<i>lopârjas'kânâ</i>	Свойства субъекта: неодушевленный Свойства движения: хлопки при колебании
<i>lôč'ëranâ</i>	Свойства движения: функциональное колебание
<i>lôjkanâ</i>	I Свойства движения: направление вверх-вниз II Свойства субъекта: одушевленный Свойства движения: направление вперед-назад
<i>sezjas'kânâ</i>	I Свойства субъекта: неодушевленный (кроме мягких горизонтальных поверхностей) Свойства движения: нейтральное по параметру функциональности II Свойства субъекта: одушевленный Свойства движения: колебание, вызванное нестабильностью опоры
<i>šonas'kânâ</i>	I Свойства субъекта: ● неодушевленный ● вытянутый горизонтально или вертикально по форме II Свойства субъекта: пьяный человек Свойства движения: колебание при походке
<i>tôlanâ</i>	Свойства субъекта: ● неодушевленный ● может быть подвержен воздействию ветра Свойства движения: вызвано ветром
<i>tulkâmjas'kânâ</i>	Свойства субъекта: мягкая горизонтальная поверхность
<i>veʔtas'kânâ</i>	Свойства движения: ● низкая частота ● низкая амплитуда

глагол	релевантные параметры
<i>vârʒ'âlânâ</i>	I Свойства субъекта: одушевленный Свойства движения: шевеление телом или его частями
	II Свойства субъекта: неодушевленный Свойства движения: нефункциональное
<i>zurkanâ</i>	Свойства движения: вызвано дребезжанием опоры

Многие из закономерностей, найденных в языках мира, характерны и для нашего материала, но в некоторых аспектах имеются отличия.

Основное свойство, характерное для большинства систем, — антропоцентричность — проявляется в рассматриваемом говоре последовательно: (не)функциональность является одним из основных релевантных параметров. С другой стороны, в отличие от большинства других исследованных языков, где нейтральное колебание сближается с одним из двух других типов и противопоставляется второму (как в финском и ненецком, где обособлено функциональное колебание [Шапиро 2013: 22—23]; либо как в русском, где для нефункционального колебания есть отдельный глагол *шататься* [Рахилина, Прокофьева 2005]), в татышлинском говоре противопоставлены все три типа (см. разделы 3.1, 3.4, 3.6). Похожая ситуация зафиксирована в корейском языке, см. подробнее [Шапиро 2013: 24—25].

Для татышлинского удмуртского, как и для многих других языков (например, финского, коми-зырянского), характерно обособление зоны колебания мягких горизонтальных поверхностей. Колебание мягких вертикальных поверхностей, однако, кодируется теми же средствами, что колебание жестких предметов (*šonas'kânâ*, *sezjas'kânâ*, *tólanâ*, *veʔtas'kânâ*), и это типологически нетривиально. Как правило, мягкие поверхности

объединяются, обособляются и противопоставляются жестким (рус. *колыхаться* [Шапиро 2013: 112]), либо и для вертикальных, и для горизонтальных поверхностей есть свои глаголы (фин. *Aaltoilla/lainehtia* vs. *liehua/hulmuta* [Шапиро 2013: 54—56]).

Во многих системах имеется особый глагол для обозначения неконтролируемого колебания человека, не используемый в других фреймах. В нашем случае глагол *šonas'kânâ* употребляется и в контекстах, не связанных с нефункциональностью, что не зафиксировано в других исследованных языках.

Типологически ожидаемо [Дворникова 2011; Давидюк 2018], что фреймы вибрационного движения (дрожания) покрываются небольшим количеством глаголов, однако редко встречается ситуация, что этот глагол единственный и не имеет конкурентов (как *кцал'анә*).

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; CVB.SIM — деепричастие со значением одновременности; DETR — детранзитив; GEN — генитив; EL — элатив; ILL — иллатив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; ITER — итератив; LOC — локатив; NMLZ — номинализация; PST — прошедшее время; PL — множественное число; POSS — поссесивность; PRS — настоящее время; PTCP — причастие; SG — единственное число; VN — отглагольное имя.

Литература

Давидюк 2018 — Давидюк, Т.И. *Глаголы колебательного движения в горномарийском языке* // Родной язык. Лингвистический журнал. — 2018. — № 2. — С. 128—149.

Дворникова 2011 — Дворникова, Л.В. *Семантика и типология русских и немецких глаголов колебательного движения вибрационного характера* // Вестник Московского государственного областного университета. — 2011. — № 1. — С. 165—171.

Плунгян 2011 — Плунгян, В.А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ, 2011.

Рахилина, Прокофьева 2005 — Рахилина, Е.В., Прокофьева, И.А. *Русские и польские глаголы колебательного движения: семантика и типология* // Язык. Личность. Текст: Сборник статей к 70-летию Т.М. Николаевой. — М.: Языки славянских культур, 2005. — С. 304—314.

Рахилина, Резникова 2013 — Рахилина, Е. В., Резникова, Т. И. *Фреймовый подход к лексической типологии* // Вопросы языкознания. — 2013. — № 2. — С. 3—31.

Рудницкая 2012 — Рудницкая, Е. Л. *Глаголы колебательного движения в корейском языке* // Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. LESEWA-X. — СПб : Издательство ЦСО, 2012. — С. 235—237.

Соловар 2018 — Соловар, В. Н. *Глаголы колебательного движения в лексико-семантической системе хантыйского языка* // Вестник урovedения. — 2018. — № 2. — С. 186—193.

УРС 2008 — *Удмуртско-русский словарь*: Ок. 50 000 слов / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин, Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова, О. В. Титова, А. А. Шибанов; Отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008.

Шапиро 2013 — М. М. Шапиро. *Глаголы колебательного движения в типологической перспективе*. М.: МГУ. 2013. Дипломная работа.

Шапиро 2015 — М. М. Шапиро. *Глаголы колебательного движения в уральских языках (на материале финского, коми зырянского и ненецкого языков): семантика и типология*. // Урало-алтайские исследования. 16 (1), 2015. С. 29—51.

Медитативные вопросительные показатели в трех нахско-дагестанских языках

Тимур Анатольевич Майсак
Институт языкознания РАН / НИУ ВШЭ
timur.maisak@gmail.com

В статье впервые предпринимается попытка наметить интрагенетическую типологию морфологического выражения медитативных вопросов — «вопросов-размышлений», не требующих ответа (‘интересно, пришел ли?’, ‘интересно, кто пришел?’ и т. п.). Показатели медитативных вопросов рассмотрены в трех языках нахско-дагестанской семьи — агульском и рутульском лезгинской группы и андийском аваро-андийской группы. Выявлены такие параметры варьирования, как различие показателей общих и частных медитативных вопросов, морфологическая связь (производность) показателей медитативных и обычных вопросов, морфологическая связь медитативного вопроса с косвенным вопросом.

Ключевые слова: нахско-дагестанские языки, агульский язык, рутульский язык, андийский язык, вопросительный показатель, общий вопрос, частный вопрос, медитативный вопрос, косвенный вопрос.

Markers of meditative questions in three Nakh-Daghestanian languages

Timur A. Maisak
Institute of Linguistics, RAS / HSE University
timur.maisak@gmail.com

The paper presents a first approach towards intragenetic typology of morphologically marked meditative questions, a special semantic type of questions that do not require an answer (e. g. *I wonder if he came* or *I wonder who came*). I look at the markers of meditative questions in three Nakh-Daghestanian languages: Agul and Rutul of the Lezgetic branch, and Andi of the Avar-Andic branch. I suggest several parameters of variation,

such as the distinction between polar and content markers of meditative questions, the formal relation between meditative questions markers and ordinary question markers, the formal relation between meditative questions markers and indirect question markers.

Keywords: Nakh-Daghestanian languages, Agul, Rutul, Andi, question markers, polar questions, content questions, meditative questions, indirect questions.

1. Обычные и медитативные вопросы в нахско-дагестанских языках

В нахско-дагестанских языках обычные (стандартные) общие вопросы, как правило, имеют специальное морфологическое маркирование — общевопросительный суффикс или клитика располагается на глаголе либо, в случае «подвижных» показателей, на фокусе вопроса. Напротив, частные вопросы далеко не во всех языках содержат вопросительные показатели; если же они и есть, то они чаще всего располагаются на вопросительном слове (группе). В качестве примера привативно-го соотношения см. примеры (1)—(2) из агульского языка лезгинской группы, в котором в общевопросительном предложении связка *e* выступает в вопросительной форме *ewa* (суффиксом *-wa* маркируются только глагольные формы), тогда как в частновопросительном предложении какое-либо специальное маркирование отсутствует. О маркировании вопросов в нахско-дагестанских языках см. также [Ganenkov, Maisak 2020: 129—130]¹.

Агульский язык (хпюкский диалект)

- (1)

ɕun	gazi	e-wa?
вы	согласный	СОР-Q

'Вы согласны?' (корпус текстов)

¹ Заметим, что И. А. Мельчук, обсуждая категорию вопросительности («граммемы которой указывают, является ли данное высказывание повествовательным или вопросительным»), упоминает некоторые дагестанские языки (лакский, каратинский, гинухский, рутульский, аварский) в числе тех, которые маркируют граммему интеррогатива [Мельчук 1998: 150—153].

- (2) fiš e šuw.a-n čī?
кто СОР муж-GEN сестра
‘А кто сестра твоего мужа?’ (корпус текстов)

Оговорюсь, что в рамках данной статьи в фокусе внимания будут находиться именно *морфологические* показатели вопроса. Существует ряд других морфосинтаксических механизмов, которые могут быть ассоциированы с вопросами (например, порядок слов, выбор видо-временной формы глагола, использование фокусной конструкции), однако от этих механизмов я в данном случае отвлекаюсь.

Помимо обычных вопросов, в языках семьи нередко получают морфологическое выражение вопросы особого типа — это не требующие ответа адресата и задаваемые говорящим как бы самому себе «вопросы-размышления» (ср. ‘интересно, пришел ли?’, ‘интересно, кто пришел?’ и т. п.); их аналогом могут служить вопросы с *интересно* в русском языке или с *I wonder* в английском. В данной работе такие вопросы и, соответственно, их показатели будут именоваться «медитативными». (Иногда в грамматических описаниях нахско-дагестанских языков они не вполне точно именуются «риторическими вопросами», однако ответ на риторический вопрос говорящему и адресату известен, тогда как ответ на медитативный вопрос говорящий не знает.) Так, в уже упоминавшемся агульском языке помимо вопросительного суффикса *-wa* имеется показатель медитативного вопроса *-han* (3).

Агульский язык (хпюкский диалект)

- (3) хаžalat хu-naa, naj-č
беспокойство статья.PFV-PRF какой-LAT
šu-ne-**han** jarab, fi-št:i
уходить.PFV-AOR-MEDIT PTCL что-ADV
хu-ne-**han** me.
статья.PFV-AOR-MEDIT DEM
{Его это обеспокоило,} ‘он стал переживать: «Интересно, куда он пошел, что с ним?»’ (корпус текстов)

В семантической и типологической литературе среди разного типа «неканонических» вопросов в последние годы обсуждались некоторые разновидности, аналогичные тем, что встречаются в нахско-дагестанских языках (за неимением русских эквивалентов ниже я привожу используемые авторами термины на языке оригинала). Это *conjectural questions*, которые «скорее выражают любопытство говорящего по определенному поводу, нежели запрашивают у него ответ» [Eckardt, Beltrama 2019]; *self-addressed questions*, в которых отменяется исходное допущение о том, что ответ на вопрос должен дать именно адресат, и предполагается, что его должен дать сам говорящий или группа, состоящая из говорящего и адресата; *tentative questions*, в которых отменяется исходное допущение о том, что адресат знает ответ на вопрос; *non-intrusive questions*, в которых отменяется исходное допущение о том, что адресат должен дать ответ на вопрос: задавая вопрос, говорящий не настаивает на ответе [Farkas 2020, 2022].

На материале нахско-дагестанских языков медитативные вопросы, насколько мне известно, ранее специально не изучались. Семантически нахско-дагестанские медитативные вопросы могут соответствовать одному или нескольким из упомянутых выше типов; не исключено, что в разных языках медитативные показатели образуют различные, хотя и сходные, типы вопросов.

В рамках данной работы я остановлюсь лишь на типе маркирования медитативных вопросов в тех языках, где для них есть специальные показатели. Я рассмотрю, каков может быть состав «подпарадигмы» медитативных показателей (то есть сколько их в языке, каково их распределение), а также каково соотношение между медитативными показателями и показателями обычного вопроса (например, образуют ли они одну и ту же «парадигму», образуются ли одни от других). В заключение я предложу небольшую анкету для изучения медитативных показателей.

Материалом для настоящего пилотного исследования послужили данные трех языков — агульского и рутульского лезгинской группы и андийского аваро-андийской группы. Ин-

формация о маркировании вопросительных предложений перенята как из опубликованных описаний, так и из текстов, а также из полевых наблюдений автора.

2. Агульский язык

Образование обычных вопросов в агульском языке уже упоминалось выше: в общем вопросе глагольная форма маркируется суффиксом *-wa* (*-w*), в частном вопросе специальные суффиксы или клитики отсутствуют. В медитативных вопросах — как в общих, так и в частных, глагольная форма маркируется суффиксом *-han*, см. (3), а также два следующих примера.

Агульский язык (литературный)

- (4) jarab le гаг facana-s
 PTCL этот солнце хватать-INF
 xa-s-t:awa-**han**?
 мочь-INF-COP.NEG-MEDIT
 {Люди заметили, что солнце каждый день садится в одном и том же месте, и задумались;} ‘Интересно, сможем мы схватить это солнце?’ (Гасанова и др. 2020)
- (5) te insan fuš e-**han**?
 тот человек кто COP-MEDIT
 {Ирод сказал: Иоанна я обезглавил.} ‘Кто же тогда этот человек?’ (Лк. 9:9)

Таким образом, в агульском медитативные вопросы менее «различительны» — их показатель един для общих и частных вопросов (которые у обычных вопросов противопоставлены). Показатель медитативного вопроса этимологически не связан с показателем обычного вопроса; показатели медитативного вопроса и обычного вопроса исключают друг друга².

² Из последнего правила имеется следующее частичное исключение. Вопросительная форма отрицательной связки *dawa* выглядит как *du* (а не **dawa-wa*), т.е. является супплетивной. В текстах встречаются единичные примеры образования медитативной формы именно от этой связки *du*, т.е. от вопросительной формы (ср. отрицательную анали-

Можно также отметить, что иногда в медитативном вопросительном предложении присутствует частица *jarab* ‘неужели’ (арабизм, распространенный в лезгинских языках).

Если говорить о контекстах употребления медитативного вопроса в агульском, то наиболее типичные из них (по текстовым данным) таковы. Медитативный вопрос чаще всего произносится говорящим, когда он находится один, и отличного от него самого адресата просто нет; такой вопрос представляет собой мысли или внутреннюю речь говорящего. Иногда говорящие являются группой (4, 6), члены которой задают вопрос друг другу или же просто «в пространство». Встречаются ситуации, в которых медитативный вопрос задается в присутствии адресата, хотя последний и не дает ответа на вопрос говорящего. В текстах мне попался только один пример, в котором на медитативный вопрос адресат дает ответ (по всей видимости, говорящий не был уверен в том, что адресат располагает соответствующей информацией), ср. (7).

Агульский язык (хпюкский диалект)

- (6) *hara*, *alçaqu-ne* *ilsan-ar*, *fi*
 PTCL SUPER.LAT.сыпать.PFV-AOR человек-PL что
хабар e-han p.u-na
 весть COP-MEDIT говорить.PFV-CVB
 {Женщина пришла с известием о самоубийстве односельчанки.} ‘Ой, — кинулись люди, — мол, что же приключилось.’ (корпус текстов)
- (7) *ge-wur fi-št:i xu-ne-han?*
 DEM-PL что-ADV стать.PFV-AOR-MEDIT
 {Беседуют Ширин и Селми. Ширин упоминает знакомых женщин, которых давно не видела.} ‘Интересно, как они поживают?’ {Селми отвечает: Одна замужем за Султаном, а другая замужем за сыном Загидат.} (корпус текстов)

титическую форму футурума *xa-s-t.u-han* [стать-INF-COP:NEG:Q-MEDIT] ‘интересно, будет ли’, букв. «интересно, верно ли, что не будет?», в которую входит вспомогательный глагол-связка *-t.u < du*). В подавляющем большинстве случаев, однако, показатель *-han* следует непосредственно за финитной утвердительной формой индикатива и не зафиксирован непосредственно после суффикса *-wa*.

3. Рутульский язык

В литературном рутульском языке (в основу которого положен мухадский диалект, представленный, в частности, в крупном с. Рутул, райцентре Рутульского района) принцип маркирования обычных вопросов совпадает с таковым для агульского языка. А именно, в общем вопросе глагольная форма маркируется суффиксом *-ma* / *-me* (распределение зависит от вокализма словоформы), в частном вопросе специальные суффиксы или клитики отсутствуют. В медитативных вопросах маркирование различается для общего и частного типов. В общем медитативном вопросе используется суффикс *-mixⁱ* (и некоторые другие варианты: *-mix*, *-mij*)³, в частном медитативном вопросе используется суффикс *-dixⁱ*.

Рутульский язык (литературный)

- (8) za-s mi naq' ji?i-**mix** hag^wa-d?!
 я-DAT этот сон 4.COP-Q.MEDIT 4.видеть.IPFV-ATTR
 {Охотник внезапно увидел у родника в лесу красивых маралов и среди них красивую девушку и подумал:} 'Не сон ли это мне снится?!' (Свод, 4, №68)
- (9) šu:-dⁱ i-**dix** iz-di wiγil?
 какой-ATTR COP-WH.MEDIT мой-ATTR муж
 {Девушка, которой отец нашел жениха, размышляет ночью в одиночестве, ожидая его появления:} 'Какой он, мой будущий муж?' (Свод, 2, №60)

Таким образом, в литературном (мухадском) рутульском медитативный вопрос морфологически столь же различителен, как обычный — общие и частные вопросы противопоставлены, причем эквиполентно, а не привативно. В состав обоих показателей медитативного вопроса входит элемент *-ixⁱ* — эти-

³ В рутульской орфографии палатализация велярного /xⁱ/ не отображается, поэтому ниже в примерах из письменных текстов фигурирует просто /x/.

дитативные вопросы нередко включают частицу *jarab*, ср. пример из словарного входа ЯРАБ, иллюстрирующий употребление данной частицы (12).

Рутульский язык (литературный)

- (11) *ule-s-i=mi*x, *jarab*, *wix-di* *duḡar-a*
 4.есть-INF-FUT=Q.MEDIT PTCL твой-ATTR сын.OBL-ERG
mi *χink'ar* ?
 этот хинкал
 {Пришли они к падишаху, спрашивают:} 'Может, твой сын поест хинкал, который мы принесли?' {— Нет, он ничего не ест, — отвечает за него жена падишаха.} (Свод, 2, №56)
- (12) *jarab* *za-da:* *jiki-s-i=mi*x *hadi-?*
 PTCL я-APUD.EL 4.статья-INF-FUT=Q.MEDIT там-LAT
gu?u-s ?
 1.идти-INF
 'Неужели я смогу пойти, поехать туда?' (Алисултанов, Сулейманова 2019: 457)

Чтобы продемонстрировать, насколько различным может быть маркирование медитативных вопросов по диалектам, приведем данные по другой разновидности рутульского языка, а именно говору с. Кина Рутульского района (этот говор не относится к мухадскому диалекту и в литературе упоминается как «промежуточный»). Система маркирования общих вопросов в кининском говоре та же: имеется общевопросительный показатель *-ta*, а частный вопрос специальными суффиксами или клитиками не маркируется. Однако медитативные вопросы оформляются иначе, чем в мухадском рутульском: в обоих случаях задействован показатель *-jden*, который также выражает контрфактическое условие ('если бы сделал') и используется в косвенных вопросах (13)⁵.

⁵ Вместо *-jden* в кининских медитативных вопросах (как минимум общих) может выступать краткий показатель *-j*, однако в данной работе мы оставляем его описание за скобками. О вопросительных предложениях кининского рутульского см. также [Konvalova 2019].

Рутульский язык (кининский говор)

- (13) za-s hač'a-r-diš, huš
 я-DAT знать.IPFV-CVB-COP.NEG кто
 q-i(ɾ)q'i-r=a-**jden**
 RE-<1>приходить.PFV-CVB=быть-CTRF
 'Я не знаю, кто приехал.' (полевые записи)

В медитативном общем вопросе *-jden* следует за общевопросительным показателем *-ma* (14). Медитативный же частный вопрос представляет собой просто независимое использование контрафактической клаузы (или зависимой части косвенного вопроса) с глагольной формой на *-jden*, как в (15).

Рутульский язык (кининский говор)

- (14) did q-i(ɾ)q'i-r-i-**ma-jden**?
 отец RE-<1>приходить.PFV-CVB-COP-Q-MEDIT
 'Интересно, отец вернулся?' (полевые записи)
- (15) huš q-i(ɾ)q'i-r=a-**jden**?
 кто RE-<1>приходить.PFV-CVB=быть-CTRF
 'Интересно, кто приехал?' (полевые записи)

Тем самым, в системном плане медитативный вопрос в кининском различителен и морфологически противопоставляются общие и частные вопросы. Медитативный общий вопрос, как и в мухадском, тоже произведен от обычного общего вопроса и сохраняет показатель *-ma*. Медитативный частный вопрос тоже связан с косвенным частным вопросом (ср. в мухадском показатель *-di*, входящий в состав *-dix'*). Ключевым отличием является то, что в частном вопросе в кининском отсутствует какая-либо особая «медитативная форма», там глагол выступает в форме косвенного наклонения, имеющей и другие употребления. Если считать, что источником послужила конструкция с косвенным вопросом, то получится, что в кининском медитативный частный вопрос представляет собой независимое употребление зависимой части косвенного вопроса, — тогда как в мухадском медитативный вопрос на *-dix'* исходно

представляет собой полную конструкцию косвенного вопроса (зависимая часть + морфологизованный матричный предикат). Что же касается медитативного общего вопроса в кининском, то здесь суффикс косвенного наклонения *-jden* «отрывается» от контрфактической глагольной формы и присоединяется к общевопросительной форме на *-ta*.

4. Андийский язык

В андийском языке (ниже рассматриваются только верхнеандийские говоры) маркирование обычных вопросов отличается от того, что мы видели в языках лезгинской группы. Как общие, так и частные вопросы имеют свои показатели, причем это не глагольные суффиксы, а энклитики. А именно, в общем вопросе общевопросительные показатели *=le* и *=de* (и др. диалектные варианты) располагаются на фокусе вопроса, которым может быть как глагол (16), так и неглагольная составляющая (17). Частный вопрос маркируется энклитиками *=vil* и *=di* (и др. диалектными вариантами) на вопросительном слове или правой границе вопросительной группы⁶.

Андийский язык (рикванинский говор)

(16) *men* *χiɕa* *raɫ'-rado=le?*
ты книга читать-PROGR=Q
'Ты читаешь книгу?' (полевые записи)

(17) *men* *χiɕa=le* *raɫ'-rado?*
ты книга=Q читать-PROGR
'Ты читаешь книгу?' (полевые записи)

Андийский язык (собственно андийский говор)

(18) *eɕb'i=vil* *men* *zudi* *b-iʋoŋi-r?*
что<4>=WH ты стоямя 4-стоять.CAUS-PROGR
'Что ты строишь?' (Сказки)

⁶ Выбор энклитики в парах *=le / =de* или *=vil / =di* связан с видо-временной формой глагола (аорист или не аорист, ср. (18) vs. (19)), подробнее см. [Майсак 2020].

- (19) du-j e(b)i=**di** i?
 ты-DAT что<4>=WH.AOR статья.AOR
 ‘Что с тобой случилось?’ (Сказки)

Медитативные вопросы образуются при помощи показателя, единого для общих и частных вопросов и исходно представляющего собой стяжение общевпросительного =*le* / =*de* с элементом *-qen* / *-qe* / *-q* (неясной этимологии). Принцип распределения между =*leqen* и =*deqen* таков же, как для показателей обычного вопроса, ср. (20) с предикатом в форме перфекта vs. (21) с предикатом в форме аориста. При этом в качестве медитативного показателя имеет смысл рассматривать именно цельные комплексы =*leqen* и =*deqen*), не членя их на общевпросительную клитику и суффикс *-qen*: это связано с тем, что в частных вопросах типа (22) появление общевпросительной клитики по стандартным правилам невозможно, в частных вопросах выступает свой набор клитик (см. выше).

Андийский язык (рикванинский говор)

- (20) umar w-ušo-d=**leqen**?
 Умар 1-возвращаться-PRF=MEDIT
 ‘Умар вернулся ли?’ (Сулейманов 1957: 383)
- (21) ilu-d q’ir b-oč’o-s:u=**deqen**?
 мать-ERG пшеница 3-выбирать.AOR-NEG=MEDIT.AOR
 ‘Не очищала ли мать пшеницы?’ (Сулейманов 1957: 383)

Андийский язык (собственно андийский говор)

- (22) emi=**leqe** ho!:u w-aχunni-r?
 кто=MEDIT здесь 1-жить-PROGR
 {Девочка нашла в лесу пустую избушку, вошла в не и думает:}
 ‘Кто же здесь живет?’ (Сказки)

Таким образом, в андийском показателе медитативного вопроса исторически произведен от показателя обычного общего вопроса. При этом медитативные вопросы менее различительны — их показатель един для общих и частных вопросов.

5. Обобщения о типах маркирования

Итак, рассмотрев всего лишь четыре идиома нахско-дагестанской семьи (три языка, один представлен двумя диалектами), мы видим, что системы медитативных показателей и их соотношение с обычными вопросительными показателями во всех из них оказались различными. Можно выделить следующие параметры варьирования:

1) Имеется ли специализированный показатель медитативного вопроса?

Поскольку настоящее исследование и было направлено на изучение языков со специальным маркированием медитативных вопросов, этот параметр принимает положительное значение для всех языков. Тем не менее, отметим, что в кининском говоре медитативный частный вопрос не имеет специального показателя, а выражается клаузой с контрфактической условной формой глагола. Выходя за пределы нашей мини-выборки, укажу, что имеются языки, в которых специального маркирования медитативного вопроса в принципе нет — так, в лезгинском и общий, и частный медитативный вопрос выражается независимой клаузой с условной формой глагола на *-t'a*, см. [Haspelmath 1993: 427].

2) Если специализированный показатель медитативного вопроса имеется, каков его статус (аффикс, клитика)?

В двух лезгинских языках нашей выборки медитативные показатели являются глагольными суффиксами, в андийском языке это «подвижная» клитика.

3) Производны ли медитативные показатели от показателей обычного вопроса?

Для агульского языка значение данного параметра отрицательное, для рутульского и андийского — положительное: в двух последних языках медитативные показатели образованы от общевпросительного показателя (в мухадском рутульском, кроме того, суффикс медитативного частного вопроса произведен от суффикса косвенного частного вопроса).

4) Различается ли маркирование общих и частных медитативных вопросов?

В двух языках (агульском и андийском) не различается, в обоих разновидностях рутульского — различается.

5) Имеется ли морфологическая связь медитативного вопроса с косвенным вопросом?

В агульском и андийском такой связи нет, в рутульском же она налицо, хотя и проявляется по-разному в двух диалектах. В мухадском глагольная форма, используемая в медитативных вопросах, образуются в результате морфологизации конструкции косвенного вопроса (зависимой формы глагола и матричного глагола ‘говорить’ в императиве), см. подробнее о данном сценарии [Майсак 2022]. В кининском медитативный общий вопрос образуется при помощи показателя контрфактивности / косвенного вопроса (от общевпросительной формы), а медитативный частный вопрос представляет собой независимое употребление клаузы контрфактического условия / зависимой части косвенного вопроса.

В качестве дополнительного параметра можно указать на наличие частицы, распространенной, хотя и не обязательной, в медитативных вопросах. В наших данных такая частица есть в лезгинских языках (агульском и рутульском; то же верно для собственно лезгинского, см. [Haspelmath 1993: 429]). В андийском подобных частиц не отмечено.

6. Заключение

По моим предварительным наблюдениям, специальное маркирование медитативных вопросов представлено в значительном числе, если не в большинстве, нахско-дагестанских языков. Способ выражения медитативного вопроса может и не оговариваться в грамматическом описании — как по причине того, что для такого типа вопроса отсутствует специальное маркирование, так и по причине того, что такой тип вопроса специально не изучался и не попался в имеющихся текстах.

Я призываю всех исследователей языков нахско-дагестанской семьи обращать внимание на данный семантический тип вопросов и способы его кодирования. При этом, как мы увидели выше на примере всего лишь трех языков семьи, даже в области маркирования медитативного вопроса существует значительная вариативность. Мини-анкета по изучению типа маркирования должна включать как минимум перечисленные ниже вопросы — а изучение других языков семьи, несомненно, внесет дополнения в этот список.

- Имеется ли специализированный показатель медитативного вопроса?
- Если да, каков его статус (аффикс, клитика)?
- Производны ли медитативные показатели от показателей обычного вопроса (общего, частного)?
- Различается ли маркирование общих и частных медитативных вопросов (т. е. используются ли в них разные показатели или один и тот же)?
- Имеется ли морфологическая связь медитативного вопроса с косвенным вопросом? (В частности, произведен ли показатель медитативного вопроса от показателя косвенного вопроса?)
- Характерно ли для медитативных вопросов появление модальных частиц (не являющихся собственно показателями данного типа вопроса)?

В будущем, вероятно, может быть разработана и анкета для выявления семантических особенностей медитативных вопросов (и смежных с ними «неканонических» типов вопросов), поскольку и здесь нет оснований не ожидать варьирования в том числе и среди родственных языков.

Список условных сокращений

1–4 — род (именной класс); ADV — наречие; AOR — аорист; APUD — локализация ‘рядом’; ATTR — атрибутивизатор; CAUS — каузатив; COP — связь; CTRF — контрфактическое условие; CVB — деепричастие; DAT — датив;

DEM — демонстратив; EL — элатив; ERG — эргатив; FUT — футурум; GEN — генитив; IMP — императив; INDIR — косвенный вопрос; INF — инфинитив; IPFV — имперфектив; LAT — латив; MEDIT — медитативный вопрос; NEG — отрицание; OBL — косвенная основа; PFV — перфектив; PL — множественное число; PRF — перфект; PROGR — прогрессив; PTCL — частица; Q — общий вопрос; RE — рефактив; SUPER — локализация ‘наверху’; WH — частный вопрос.

Литература

- Алисултанов, Сулейманова 2019 — Алисултанов А. С., Сулейманова Т. А. *Рутульско-русский словарь*. Махачкала: АЛЕФ, 2019.
- Гасанова и др. 2020 — Гасанова С. Н., Алхасов Г. А., Бицимазаева Л. М. *Агъуларин хикатар. Агульские сказки*. Махачкала: АЛЕФ, 2020.
- Майсак 2020 — Майсак Т. А. Выбор клитики в зависимости от видо-временной формы предиката: данные андийского языка // *Типология морфосинтаксических параметров*. 2020. Т. 3. № 1. С. 77—94.
- Майсак 2022 — Майсак Т. А. Показатели медитативных вопросов в рутульском языке: морфологическая структура и происхождение // Герасимов Д. В., Дмитренко С. Ю., Заика Н. М., Сай С. С. (ред.), *Opuscula linguistica Magistro sapientissimo dedicata. Сборник статей к 90-летию Виктора Самуиловича Храковского*. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 134—142.
- Махмудова 2001 — Махмудова С. М. *Морфология рутульского языка*. М.: ИЯз РАН, 2001.
- Мельчук 1998 — Мельчук И. А. *Курс общей морфологии. Том II. Часть вторая: морфологические значения*. М.: Языки русской культуры; Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 1998.
- Сулейманов 1957 — Сулейманов Я. Г. Грамматический очерк андийского языка (по данным говора с. Риквани). Дисс. ... канд. филол. наук. М.: ИЯз АН СССР, 1957.
- Eckardt, Beltrama 2019 — Eckardt R., Beltrama A. Evidentials and Questions // Christopher Pinon (ed.), *Empirical Issues in Syntax and Semantics 12*. Paris: CSSP, 2019. P. 121—155. <http://www.cssp.cnrs.fr/eiss12/>
- Farkas 2020 — Farkas D. F. *Canonical and non-canonical questions*. 2020. URL: <https://semanticsarchive.net/Archive/WU2ZjIwM/questions.pdf>
- Farkas 2022 — Farkas D. F. Non-intrusive questions as a special type of non-canonical questions // *Journal of Semantics*. 2022. Vol. 39 (2). P. 295—337. URL: <https://doi.org/10.1093/jos/ffac001>
- Ganenkov, Maisal 2020 — Ganenkov D., Maisak T. Nakh-Daghestanian languages: a family survey // Maria Polinsky (ed.), *The Oxford handbook of languages of the Caucasus*. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 87—145.
- Konovalova 2019 — Konovalova A. *Questions in Kina Rutul*. NRU HSE. Series WP BRP “Linguistics”, 84/LNG/2019. 2019. <https://wp.hse.ru/data/2019/12/06/1520810040/84LNG2019.pdf>

Haspelmath 1993 — Haspelmath M. *A grammar of Lezgian*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1993.

Источники

Сказки — *Дуняялла бахунниресси халгъгыллЮл гъгъванаб мицццИллассол мухал* (Сказки народов мира на андийском языке) / Отв. ред. П. А. Магомедова, пер. М. А. Алисултановой. Махачкала: ИД «Нуруль иршад», 2010.

Лк. — *Инджил. Лукайин Китаб. Месигъ Исайихъас Идже Хабар*. (Евангелие от Луки на агульском языке). М.: Институт перевода Библии, 2005.

Свод — *Свод памятников фольклора народов Дагестана*. В 20 тт. Т. 1—4. М.: Наука, 2011—2013.

Кумзари — малый исчезающий иранский язык в регионе Персидского залива

Елена Константиновна Молчанова

Институт языкознания РАН

e_molchanova@mail.ru

В статье речь идет о малом угрожаемом иранском языке кумзари, чьи носители живут в регионе Персидского залива и который в сильной степени подвергся влиянию арабского языка. Дается краткий предварительный анализ недавних публикаций канадско-европейских исследователей Э. и Кр. Анонби о статусе и исторической фонетике языка кумзари.

Ключевые слова: Персидский залив; кумзари; угрожаемый иранский язык; арабский; Э. и Кр. Анонби.

Kumzari is a small endangered Iranian language in the Persian Gulf region

Elena K. Molchanova

Institute of Linguistics RAS

e_molchanova@mail.ru

The article deals with the small threatened Iranian language Kumzari, whose speakers live in the Persian Gulf region and which has been heavily influenced by the Arabic language. The article provides a brief preliminary analysis of recent publications by Canadian-European researchers E. and Cr. Anonbi on the status and historical phonetics of the Kumzari language.

Keywords: Persian Gulf; Kumzari; endangered Iranian language; Arabic language; E. and Cr. Anonby.

Кумзари — редкий и экзотический иранский язык. Его носители живут не на континенте, на котором обретаются носители всех остальных иранских языков. Они компактно живут в

двух пунктах: на полуострове Мусандам в восточной Аравии и на острове Ларек в Персидском заливе. По поводу кумзари высказывались предположения, что он не-иранский или смешанный персо-арабский.

В конце XX в. в рамках комплексной темы «Ирано-афризийские языковые контакты» Института востоковедения АН СССР мною были исследованы имевшиеся немногочисленные европейские публикации, касающиеся островного бесписьменного иранского языка кумзари на территории Омана (на полуострове Мусандам). Были опубликованы мои статьи, см. [Молчанова 1987, 1997], в которых рассматривались некоторые специфические черты лексики, фонетики и грамматики кумзари на фоне продолжительных ирано-арабских языковых контактов в восточной Аравии, а также описание кумзари в соответствии с типовой типологической схемой (в рамках издания «Языки мира»).

В дальнейшем и до настоящего времени мне не пришлось заниматься этой темой. С тем большим интересом мною были встречены недавние публикации канадско-европейской супружеской пары Э. и К. Анонби о фонологии, лексике и грамматике кумзари и об иранско-арабском мультилингвизме.

Хотя авторы не являются иранистами, их работы ценны тем, что вводят в научный обиход новые языковые материалы, притом первичные, собранные в результате полевой работы на месте проживания носителей. Приводятся новые и подробные социолингвистические данные.

Вместе с тем авторами высказываются некоторые теоретические положения (о статусе кумзари и идентичности носителей), с которыми не всегда можно согласиться.

На основе предварительного знакомства с трудами супругов Анонби и их соавторов нами подготовлена настоящая статья с оценкой их взглядов на кумзари в области его исторической фонетики и просодии.

Несмотря на то, что Эрик Анонби специально исследовал роль арабского языка и его диалектов на территории Ирана,

едва ли можно согласиться с поддерживаемым им мнением, что «Arabic has been spoken as a mother tongue in the territory of today's Iran since pre-Islamic times» [Anonby et al. 2021: 215]. «Арабский язык был родным языком на территории современного Ирана с доисламских времен».

На наш взгляд, нежелательно использовать (как у Э. Анонби в [Anonby, Yousefian 2011]) термин «ларакский язык» — без добавления «кумзари», т. е. лучше «ларакский кумзари» или «кумзари Ларека». Ведь Э. Анонби, в конечном итоге, приходит к выводу, что диалекты кумзари в Омане (Мусандам) и на острове Ларек, несмотря на некоторое взаимное непонимание, представляют собой варианты одного языка кумзари. Кроме того, в этом же регионе, очень близко, функционирует сходный по названию, но другой иранский язык также юго-западной группы — ларский или ларестанский (ларестани).

В «Грамматике кумзари» Кристины Анонби вызывает возражение тезис: «Kumzari is genetically affiliated with both Indo-European and Semitic language families, so that it is not possible to distinguish its genetic heritage as being of purely one or the other. It is a fundamentally mixed language, with profound etymological influence from both of its ancestor language families. Characteristics of both Semitic and South-western Iranian linguistic typologies are to be found in the phonology, morphology, syntax, and discourse of Kumzari» [van der Wal Anonby 2015: 3]. «Кумзари генетически связан как с индоевропейской, так и с семитской языковой семьей, так что невозможно отличить его генетическое наследие от того или иного. Это принципиально смешанный язык с глубоким этимологическим влиянием обеих его языковых семей-предков. Характеристики как семитской, так и юго-западной иранской лингвистических типологий можно найти в фонологии, морфологии, синтаксисе и дискурсе кумзари».

В одной из последних по времени работ Э. Анонби признает, что «иранский компонент» кумзари относится к юго-

западной группе иранских языков [Анонби 2020: 21]. Тезис о том, что в новоиранский период кумзари не подвергался персидскому влиянию, подтверждается [Анонби 2020: 21], в частности, позицией ударения (*MP* 'xānag, *K* 'xānag, *NP* xā'ne 'дом'), где сокращения означают: *MP* — *среднеперсидский язык*, *K* — *кумзари*, *NP* — *новоперсидский язык*. При этом в качестве иллюстрации приводится лексема из мертвого (!) среднеперсидского языка, в котором, предположительно, ударение падало на последний слог [Sundermann 1989: 145].

Допущено искажение лингвистических и не-лингвистических терминов, особенно в русском варианте у Э. Анонби. Цитируем русскоязычный фрагмент из работы Э. Анонби (1920 г.): «В сравнительной статье о кумзари наряду с лари и башкарди, двумя другими иранскими языками в более широком регионе Ормузского пролива, Skjærvø (1989) уточняет исторические связи языка с юго-западной (юго-западной) ветвью иранского языка» (правильно: иранских языков — *авт.*).

У Э. Анонби дважды повторен термин «юго-западная» — скорее всего, это ошибка или описка (из-за явного незнания русского языка). Между тем у солидного американского ираниста Шёрво [Skjærvø 1989] представлена классификация описываемых им современных иранских языков, с которой можно спорить, так как она основана на географическом принципе, но не на принятом историко-фонетическом. Шёрво, как и некоторые другие исследователи, называет эту группу «Languages of Southeast Iran: Lārestānī, Kumzārī, Baškardī».

Продолжение цитаты Э.Анонби: «Взяв среднеперсидский язык за праязык, он приводит список звуковых изменений в исторической эволюции кумзари. Однако из-за недостатка количества и достоверности имеющихся опубликованных данных (Thomas 1930 и Jayakar 1902) историческая картина языка не разработана».

Все неточно: Шёрво отнюдь не взял среднеперсидский язык в качестве праязыка (в этом случае обращаются к древне-

иранским языкам или реконструируемому общеиранскому — «ир.» со звездочкой), но только в качестве хронологически предшествующего источника, что принято в иранистике. Что касается «недостатка количества и достоверности имеющихся опубликованных данных (Thomas 1930 и Jayakar 1902)», то, при желании, из них многое можно почерпнуть. Не говоря о вполне приличной исторической картине языка в упомянутой работе Шёрво в авторитетном источнике [CLI].

Несоблюдение МИТ — Международной иранистической транскрипции — и фактические ошибки у Э. Анонби при передаче исторических соответствий в кумзари. Цитата [Анонби 2020: 21]: «Набор 1: Положение иранского компонента Кумзари в Юго-Западном 1) затвердевание МИр dz* в d (K dānid-, НП dānest 'знал') 2) сохранение МИр z* (K zānk -, МП, НП zan 'женщина') 3) ослабление g в МИр -ag (МП xānag, K xānag, НП xāne 'дом') 4) (некоторые СР) ослабление МИр b в w после низких гласных (МР, NP šab 'ночь', K, Lo šaw)...».

1) затвердевание МИр dz* в d (K dānid-, НП dānest 'знал') — **должно быть** : ир. *ǰ > кумз. d

2) сохранение МИр z* (K zānk -, МП, НП zan 'женщина') — **должно быть** : ир. *j > ср.-перс., новоперс. z: zan 'женщина'. Вызывают сомнение термины «затвердевание» и «сохранение» (в данном случае). Что касается кумзари z (lisped, по определению Томаса) в zānk, здесь случай особый: на наш взгляд, это явление арабской фонетической интерференции в кумзари.

В последней цитате из Э.Анонби см. перебои и пестроту сокращений в названиях языков: МИр и Мiр — среднеиранский (?) — объяснения нет (кстати, различались фонетически среднеиранские языки западной и восточной групп); МП и МР — среднеперсидский; НП — новоперсидский, СР — непонятно...

Невообразимый перевод на русский язык, в результате которого появились такие выражения как «лексификация новоиранского языка арабским языком», «отличительная структур-

ная структура языка», «Наши результаты дают детальную картину исторических изменений и указывают на три ключевых вывода: во-первых, что, возможно, удивительно, учитывая отличительную структурную структуру языка, что иранский компонент языка однозначно расположен в юго-западной (юго-западной) ветви. из этой семьи и, вероятно, даже напрямую произошли от середины девятой конференции по иранской лингвистике (ICIL9)»; «Ударные (!!!) согласные за пределами арабского языка: появление и распространение увулярно-глоточного ударения (!!!) в кумзари».

К сожалению, авторы слабо или совсем незнакомы не только с русским, но и с немецким языком, что для ираниста недопустимо (огромная иранистическая литература на немецком языке). Отсюда неточности и искажения основополагающих трудов по иранистике, например, *Compendium Linguarum Iranicarum* (1989). Неряшливая цитация даже и английских текстов. Это досадно, так как снижает общую ценность работы молодых авторов.

Литература

Анонби 2020 — Анонби Э. К лингвистической истории Кумзари // Ninth International Conference on Iranian Linguistics (ICIL 9). Booklet of abstracts. Vienna, December 2020.

Молчанова 1987 — Молчанова Е.К. Кумзари-арабские языковые контакты // Ирано-афразийские языковые контакты. М., Изд-во «Наука», 1987, стр. 109—124.

Молчанова 1997 — Молчанова Е.К. Кумзари язык/диалект // Языки мира. Иранские языки. I. Юго-западные иранские языки. М., Изд-во «Индрик», 1997, стр. 191—193.

Anonby et al. 2021 — Anonby Erik, Taheri-Ardali M., Leitner B., El Zarka D. First Description of Arabic on The South Coast of Iran: The Arabic Dialect of Bandar Moqām, Hormozgan // *Journal of Semitic Studies* 66(1), February 2021, p. 215—261.

Anonby, Yousefian 2011 — Anonby, Erik and Pakzad Yousefian. Adaptive multilinguals: A survey of language on Larak Island. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, vol. XVI, 2011.

CLI — Compendium Linguarum Iranicarum. Hrsg. von R. Schmitt. Wiesbaden, 1989.

Skjærvø 1989 — Skjærvø Prods O. Languages of Southeast Iran: Lārestānī, Kumzārī, Baškardī // Compendium Linguarum Iranicarum. Wiesbaden, 1989.

Sundermann 1989 — Sundermann W. Mittelpersish // CLI 1989.

van der Wal Anonby 2015 — Wal Anonby, Christina van der. A grammar of Kumzari: a mixed Perso-Arabian language of Oman. Leiden, 2015.

Маркирование множественного числа в малокарачкинском говоре чувашского языка

Денис Юрьевич Писаренко

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

denisyurievichpisarenko@gmail.com

Статья посвящена опциональному маркированию множественного числа на существительных в чувашском языке (малокарачкинский говор). В чувашском языке существительные, отсылающие к более чем одному объекту, в некоторых контекстах могут не нести показателя множественного числа, в то время как в других контекстах присутствие показателя множественного числа на них обязательно. В этой статье я показываю, что обязательность присутствия числового показателя на существительном, отсылающем ко множеству объектов, может быть обусловлена семантическими свойствами этого существительного, среди которых его одушевлённость и референциальный статус, а также его синтаксической позицией.

Ключевые слова: существительное, число, одушевлённость, референциальный статус, чувашский язык, тюркские языки.

Plural marking in Poshkart Chuvash

Denis Yu. Pisarenko

HSE University

denisyurievichpisarenko@gmail.com

The article is concerned with the optional plural marking on nouns in Poshkart Chuvash. In Chuvash, nouns referring to more than one object may not bear the plural marker in some contexts while in other contexts the presence of the plural marker is obligatory. In this paper, I show that the obligatoriness of plural marker on nouns referring to a set of objects may be defined by the semantic properties of these nouns, including animacy and referentiality, and their syntactic position.

Keywords: noun, number, animacy, referentiality, Chuvash, Turkic.

1. Введение

Статья посвящена вопросу обязательности маркирования множественного числа на именных группах в малокарачклинском говоре чувашского языка (тюркский, болгарский). Существительные в чувашском языке противопоставляются по единственному и множественному числу, причём форма единственного числа немаркирована, а форма множественного числа несёт показатель *-sam*, имеющий ряд алломорфов (включая диалектные), среди которых *-zam*, *-sem*, *-zanⁱ* и др. При этом, как показывает пример (1), в чувашском языке распространено явление, при котором к множественным объектам реферирует существительное, не несущее показателя множественного числа.

- (1) Раҫа **jitt-a** vali ɛkəkər pəraχ-sa
 Паша **собака-ОВJ** для хлеб бросать-CV_SIM
 paŋ-at
 дать-NPST[3SG]
 ‘Паша часто бросает хлеб **собакам** на улице’.

Феномен немаркированного именного множественного числа распространён в разных языках, в частности, ему посвящены работы [Corbett 2000] и [Haspelmith 2013]. Существуют исследования, рассматривающие этот феномен и в типологически близких языках, например, в башкирском [Аглонова 2017] и татарском [Lyutikova, Pereltsvaig 2015]. Цель данной работы — выявить, какие факторы влияют на допустимость использования немаркированной формы в малокарачклинском говоре чувашского языка, а также установить, как эти факторы взаимодействуют между собой.

Данные для исследования были собраны в экспедиции НИУ ВШЭ в с. Малое Карачкино (Пошкарт) Ядринского р-на Республики Чувашия в июле 2021 г.

2. Предполагаемые факторы

Вслед за упоминавшимися выше работами, посвящёнными опциональному числовому маркированию как кросс-лингвистически [Corbett 2000; Haspelmith 2013], так и на материале

конкретных языков [Апლოнова 2017; Писаренко 2020; Obeso-Smith 2020], я считаю возможным выделить следующие факторы, которые гипотетически могут оказывать влияние на возможность использования немаркированной формы в чувашском языке:

- Положение именной группы в Иерархии Одушевлённости. Так, для ИГ, находящихся на более высоких её позициях, маркированная форма вероятно будет более обязательна, чем для менее одушевлённых ИГ.

(2) **Иерархия одушевлённости (для существительных):** имя, называющее человека > одушевлённое имя, не называющее человека > неодушевлённое имя

[Smith-Stark 1974]

- Референциальный статус ИГ. Маркированная по числу форма будет более обязательна для определённо-референтных имён и менее обязательна для неопределённо-референтных и нереферентных имён.

(3) **Референциальная иерархия:** определённо-референтное имя > неопределённо-референтное имя > нереферентное имя

- Синтаксическая позиция ИГ. Предполагается, что показатель множественного числа будет более обязателен для субъектов, и менее обязателен для других позиций Иерархии Доступности.

(4) **Иерархия Доступности:** SU > DO > LO > OBL > GEN > OCOMP

[Keenan, Comrie 1977]

3. Результаты

3.1. Референциальный статус

Согласно собранным данным, референциальный статус ИГ является одним из наиболее значимых факторов, определяющим необходимость числового маркирования. Для любых референтных именных групп разрешена только маркированная

форма, что проиллюстрировано контрастом ниже. Пример (5), в котором объект отсылает к множеству из нескольких объектов, существующих в реальном мире, допускает только форму с эксплицитно выраженным показателем множественного числа и объектного падежа, формы без маркера множественного числа запрещены независимо от наличия или отсутствия объектного показателя. Контекст из примера (6), объект в котором нереперентный, уже допускает немаркированную форму без объектного показателя.

- (5) Paşə ^{OK}jidə-zanj-a / *jitt-a / *jidə
 Паша собака-PL-OBJ собака-OBJ собака
 aş paŋ-tə-ə
 мясо дать-PST-3SG
 ‘Паша дал мяса собакам’.
- (6) ^{OK}jidə-zanj-a / ^{OK}jidə aş şider-et
 собака-PL-OBJ собака мясо кормить-NPST[3SG]
 =tək vəl ləjəx ein
 =COND он хороший человек
 ‘Если собакам мяса даст, значит, хороший человек’.

Контраст наблюдается также между определёнными и неопределёнными именами, так, присутствие демонстратива *ea* в примере делает невозможным употребление немаркированной формы *şapka* в (7), в то время как сходный контекст без демонстратива, как показано в (8), его допускает.

- (7) èner şkaf-ra ea ^{OK}şapka-zam / *şapka
 вчера шкаф-LOC этот шапка-PL шапка
 pol-m-an-i?
 быть-NEG-PC_RES-Q
 ‘В шкафу этих шапок не было вчера?’
- (8) ea şkaf-ra şapka rog-i?
 этот шкаф-LOC шапка быть-Q
 ‘В этом шкафу нет шапок?’

При этом внутри референциальной иерархии разграничение между контекстами, допускающими и не допускающими

использование немаркированной формы проходит именно по линии «референтность/нереферентность», а не «определённость/неопределённость», так как неопределённо-референтные объекты (например, контексты с *какой-то*) маркируются обязательно (9).

- (9) Viŋə temle jidə-zan-dzan / *jidə-ŋan
 Витя какой-то собака-PL-ABL собака-ABL
 хэга-ŋ¹-ə
 пугаться-PST-3SG
 ‘Витя каких-то собак испугался’.

3.2. Одушевлённость

Прослеживается тенденция использовать разную стратегию маркирования для объектов, обозначающих людей, и менее одушевлённых объектов, см. запрет немаркированной формы в (10) в сравнении с разрешённым (11).

- (10) pitetee-*(zen¹)-e jorat-ma-la
 брат-PL-OBJ любить-INF-ATTR
 ‘Братьев надо любить’.
- (11) jitt-a aŋ eider-me-le
 собака-OBJ мясо кормить-INF-ATTR
 ‘Собак надо мясом кормить’.

Такой же контраст проявляется и в контекстах снятой утвердительности. Так, в предложении (12) немаркированная форма на объекте разрешается не всеми информантами, в отличие от (13) с неодушевлённым объектом.

- (12) vəl jal-da ^{OK}otɕitel-zem / [?]otɕitel ɕok
 тот село-LOC учитель-PL учитель нет
 ‘В том селе нет учителей’.
- (13) vəl ŋkar-ŋa ^{OK}ŋapkə-zam / ^{OK}ŋapkə ɕok
 тот шкаф-LOC шапка-PL шапка нет
 ‘В том шкафу нет шапок’.

На низших позициях Иерархии доступности противопоставление по одушевлённости становится менее значимым. Так, в (14) и (15) немаркированная форма одинаково допустима.

(14) *policejski* хэга-t *polzan,* *onda* *an*
 полицейский пугаться-NPST[3SG] если туда не
gai-dəg
 идти-JUSS.3SG

‘Если полицейских боится, пусть туда не идёт’.

(15) *rəzəl-dan* хэга-t *polzan,* *onda* *an*
 ружьё-ABL пугаться-NPST[3SG] если туда не
gai-dəg
 идти-JUSS.3SG

‘Если ружей боится, пусть туда не идёт’.

3.3. Синтаксическая позиция

Немаркированная форма обычно запрещена для субъектов в утвердительных контекстах, включая нереферентные и неодушевлённые субъекты.

(16) *ku* *ʂkaf-ra* *obiteno* *ʂapkə-zam*
 этот шкаф-LOC обычно шапка-PL
virɖ-atəə / **ʂapkə* *virɖ-at*
 лежать-NPST.3PL шапка лежать-NPST[3SG]

‘В этом шкафу обычно лежат шапки’.

(17) *konda* *teasteas* *jidə-zam* *ɛor-atəə /*
 здесь часто собака-PL спать-NPST.3PL
 **jidə* *ɛor-at*
 собака спать-NPST[3SG]

‘Здесь часто спят собаки’.

Исключительным является пример (18), в котором немаркированная форма появляется на субъекте коллективного предиката со значением ‘собираться’. По моему предположению, в чувашском языке наряду с противопоставлением по одушевлённости может быть релевантно противопоставление по ин-

дивидуализированности [Grimm 2018], которое логичным образом делает возможным (и естественно порождаемым) употребление немаркированной формы для имён, называющих насекомых и другие малые, обычно коллективно встречающиеся объекты. Для объектов, называющих людей, в схожем контексте показатель множественного числа обязателен (19).

(18) konda teasteas şəna puetarn-at
здесь часто муха собираться-NPST[3SG]
'Здесь часто собираются мухи'.

(19) *əa komnat-ra teasteas oteitel puetarn-at
этот комната-LOC часто учитель собираться-NPST[3SG]
'В этой комнате часто собираются учителя'.

4. Обсуждение

Данные позволяют сделать вывод о неравномерном влиянии рассматриваемых факторов на числовое маркирование в чувашском языке. Наиболее важным фактором, определяющим обязательность числового маркирования, является референциальный статус именной группы: референтные ИГ обязательно маркируются по числу, нереферентные могут не иметь числового показателя в ряде случаев. Синтаксическая позиция ИГ также по всей видимости является значимым фактором, что можно заключить из общей тенденции запрещать немаркированный субъект и, напротив, тенденции не маркировать косвенное дополнение независимо от его одушевлённости, которая была проиллюстрирована в (14)—(15). Однако постулировать строгий запрет на маркирование субъектов невозможно из-за случаев типа (18), а также невозможности исключить из анализа субъекты отрицательных и вопросительных предложений (12)—(13). Иерархия Одушевлённости оказывает влияние на выбор стратегии маркирования синтаксически высоких участников, как было показано в (10)—(13), но не имеет такого значения для непрямых объектов.

Данные о допустимости маркированной и немаркированной форм для нереферентных объектов суммированы в Таблице 1. Столбцы обозначают возможные синтаксические позиции рассматриваемых ИГ (субъект, прямой объект, непрямой объект, косвенные дополнения в инструменталисе и локативе), строки обозначают позиции в Иерархии Одушевлённости.

Таблица 1. Допустимость маркированной и немаркированной форм для нереферентных объектов

	SU	DO	IO	OBL (Ins)	OBL (Abl)
Люди	sam/*Ø	sam/?Ø	sam/?Ø	sam/Ø	sam/Ø
Животные	sam/?Ø	sam/Ø	sam/Ø	sam/Ø	sam/Ø
Неодушевлённые	sam/?Ø	sam/Ø	sam/Ø	sam/Ø	sam/Ø

5. Перспективы анализа

До сих пор остаётся открытым вопрос, на основании каких дополнительных признаков делается выбор в пользу маркированной/немаркированной формы при порождении высказывания. К примеру, в Таблице 1 зафиксировано, что для неодушевлённых объектов немаркированная форма допустима так же, как и маркированная, как в примере (20), однако существуют и контексты, в которых немаркированная форма становится менее предпочтительной (21).

- (20) pogan-zam / pogan sud-atce =dək mana
 стул-PL стул продать-NPST.3PL COND мне
 kala-za kədart
 сказать-CV_SIM показать[IMP.2SG]
 ‘Если стулья будут продавать (на рынке), ты мне их опиши’.

- (21) pogan-zam / ?pogan tu-n =dək mana
 стул-PL стул делать-PC_PST COND мне
 kədart
 показать[IMP.2SG]
 ‘Если стулья смастеришь, ты мне их покажи’.

Противопоставление в примерах (20)—(21) нуждается в более детальном исследовании. В качестве гипотезы я бы предложил рассматривать как дополнительный фактор соотнесённость объекта с участниками коммуникации (менее соотнесён в (20), более соотнесён в (21)).

Ещё одним фактором, нуждающимся в дополнительной проверке, является информационная структура предложения. Так, в дистрибутивных контекстах с трёхместными предикатами один из участников как правило остаётся немаркированным, однако выбор такого участника, как показано в (22)—(23) вполне вероятно находится в зависимости от его информационного статуса. Так в интонационно-нейтральном примере (22) немаркированным остаётся не прямой объект ‘дедушкам’, однако в примере (23) с фокусом на этом непрямом объекте немаркированную форму получает прямой объект ‘подарки’.

- (22) anəke-zem tət̪i-ʂn̪¹-a teasteas podarak-sam
внук-PL дед-Р_3-OBJ часто подарок-PL
paɣ-atee
дарить-NPST.3PL
‘Внуки часто дарят подарки дедушкам’.

- (23) tət̪i-ʂ-san̪¹-a anəke-zem teasteas paɣn̪¹-e
дед-Р_3-PL-OBJ внук-PL часто подарок-OBJ
paɣ-atee
дарить-NPST.3PL
‘ДЕДУШКАМ внуки часто дарят подарки’.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABL — аблатив; ADD — аддитивная частица; COND — кондционал; CV_SIM — деепричастие одновременности; DAT — датив; JUSS — юссив; IMP — императив; INF-ATTR — причастие долженствования; LOC — локатив; NEG — отрицательная частица; NPST — непрошедшее время; OBJ — объектный падеж; P_3 — посессив 3 лица единственного числа; PL — множественное число; PC_PST — причастие прошедшего времени; PC_RES — результативное причастие; PST — прошедшее время; SG — единственное число; Q — вопросительная частица.

Литература

- Аплонова 2017 — Аплонова Е. С. Субстантивное число в башкирском языке // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2017. № 13 (1). С. 17—51.
- Писаренко 2020 — Писаренко Д. Ю. (2020). Маркирование множественного числа в казымском диалекте хантыйского языка // *Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции 2020 / Ред. Кс. П. Семёнова*. М.: «Буки Веди», 2020. С. 181—185.
- Corbett 2000 — Corbett G. *Number*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Grimm 2018 — Grimm S. Grammatical number and the scale of individuation // *Language*. 2018. № 94 (3). P. 527—574.
- Haspelmath 2013 — Haspelmath M. Occurrence of Nominal Plurality // M. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. (Available online at <http://wals.info/chapter/34>, Accessed on 2022-10-19.)
- Keenan, Comrie 1977 — Keenan E.L., Comrie B. Noun phrase accessibility and universal grammar // *Linguistic inquiry*. 1977. № 8 (1). P. 63—99.
- Lyutikova, Pereltsvaig 2015 — Lyutikova E., Pereltsvaig A. The Tatar DP // *Canadian Journal of Linguistics/Revue canadienne de linguistique*. 2015. № 60 (3). P. 289—325.
- Obeso, Smith 2020 — Obeso E. M. C., Smith, H. L. Variable plural marking in Palenquero Creole // *Language Variation and Change*. 2020. № 32 (3). P. 293—315.
- Smith-Stark 1974 — Smith-Stark T. C. The plurality split // *Chicago Linguistic Society* (Vol. 10, No. 1, pp. 657—672), 1974.

Лексемы со значением бросания в татышлинском удмуртском в свете типологии

Анастасия Дмитриевна Подгорная
МГУ имени М. В. Ломоносова
podgnast@mail.ru

В статье рассмотрены лексемы, использующиеся в ситуации бросания в татышлинском говоре удмуртского языка. Систематизированы наиболее типичные контексты для глаголов с соответствующей семантикой и ограничения на их употребление. Материал проанализирован с точки зрения обобщений, полученных с использованием фреймового подхода к лексической типологии.

Ключевые слова: удмуртский язык, лексическая типология, фреймовый подход, глаголы бросания

Lexemes of throwing in Tatyshly Udmurt in the light of typology

Anastasia D. Podgornaia
Lomonosov Moscow State University
podgnast@mail.ru

This article is dedicated to lexemes of throwing in Tatyshly Udmurt. I have systematized the most typical contexts for the verbs of this domain and found out how their use is restricted. The data was analyzed relying on the frame-based approach to lexical typology and taking into account the relevant cross-linguistic background.

Keywords: Udmurt, lexical typology, frame-based approach, verbs of throwing

1. Введение

Статья посвящена глагольным лексемам, описывающим бросание в татышлинском говоре удмуртского языка, относящемся к периферийно-южному диалекту. Материал был со-

бран методом анкетирования в 2021 г. в Татышлинском районе Республики Башкортостан (д. Старый Кызыл-Яр, д. Ивановка, с. Нижнебалтачево, с. Новые Татышлы) с опорой на фреймовый подход, предполагающий анализ сочетаемости лексем и выделение фреймов — обобщенных ситуаций, которые чаще всего противопоставляются лексическими средствами в языках мира [Рахилина, Резникова 2013].

Под глаголами бросания мы вслед за [Ивтушок 2016: 114], [Кашкин 2019] и др. будем понимать глаголы, описывающие каузированное перемещение по воздуху. При этом предполагается контролируемое действие, выполняемое движением руки. Мы ограничимся контекстами бросания дискретных объектов (о противопоставлениях внутри них см. раздел 2), исключив ситуации перемещения сыпучих веществ и жидкостей.

2. Типологическая перспектива

Глаголы, относящиеся к зоне бросания, изучены во многих языках, в том числе уральских: эстонском, финском [Ивтушок 2016], ижемском коми [Кашкин 2019], горномарийском [Кашкин, Мордашова 2020], однако на материале удмуртского это поле еще не исследовалось.

Релевантные для противопоставления лексем параметры включают ограничение на множественность объекта или события, наличие цели (прицельное бросание — *дротик в мишень* vs. избавление от объекта — *окурки на дорогу*), направление (вниз — *монетку в фонтан* vs. вверх — *шапки вверх*) и силу броска (легкое движение — *газету на стол* vs. бросание с силой — *камень в собаку*). Выделяемые в данном поле фреймы отличает то, что они не обозначают взаимоисключающие ситуации. Например, для ситуации броска с силой, часто лексикализуемой в языках мира, ср. *швырять* в русском¹, *schmei-*

¹ Во многих контекстах с глаголами бросания сила является проявлением негативной эмоции, например, *Безобразие! — вдруг завопил Иван и швырнул трубку в стену.* (здесь и далее в этой сноске приме-

ßen в немецком, *paiskata* в финском [Ивтушок 2016: 116—117], может быть доступно наличие цели и любое направление. Отдельными лексемами могут маркироваться ситуации прицельного бросания и избавления от объекта, противопоставленные глаголами *lancer* и *jeter* во французском [Ивтушок 2016: 118]. Особым типом контекстов является легкое движение, предполагающее бросок на небольшое в горизонтальной плоскости расстояние. Глаголы, покрывающие данный фрейм, могут запрещаться при описании броска вверх, как, например, *чӧтны* в ижемском коми [Кашкин 2019: 106].

Во многих рассмотренных языках системы глаголов бросания являются доминантными, то есть в них присутствует лексема, которая употребляется во всех или большинстве фреймов, как *throw* в английском, *heittää* в финском [Ивтушок 2016: 116]. Нетривиальная система представлена в горномарийском, где два базовых глагола различаются акциональными характеристиками [Кашкин, Мордашова 2020: 497]. Для лексем, обозначающих прицельное бросание, может быть недоступен фрейм легкого движения, и наоборот, глаголы, маркирующие легкое движение, могут запрещаться в ситуации бросания в цель, как показывает материал тамильского [Смирнитская 2020: 883—884] и ижемского коми [Кашкин 2019: 106].

ры из [НКРЯ]). Этот компонент, однако, не является обязательным, ср. *Потом папа таким же образом отправил в воду меня, а Каринку они с дядей Мишей раскачали за руки и ноги и швырнули дальше всех. — Ааааааааа! — орала в восторге Каринка.* В том числе в контекстах с эффиктором: *Неумолимая сила подхватила его и швырнула вверх.* В то же время может подчеркиваться быстрота, небрежность движения, не сопряженная по крайней мере явно ни с особым усилием, ни с негативной эмоцией: *А он пробежал ещё метров сто, видит, что не уйдёт, что догоню, и швырнул всё в песок.* Глаголы бросания, имеющие ограничение на наличие какого-либо из компонентов: силы, эмоции или небрежности, — пока не описаны, поэтому для данного фрейма используется условный ярлык «бросание с силой».

3. Система глаголов бросания в татышлинском удмуртском

3.1. Набор лексем

В татышлинском говоре в зоне бросания используются 4 глагола, 3 из которых присутствуют также в литературном удмуртском (по данным [УРС]): *kuštânâ*, *lez'anâ*, *serpaltânâ*. Четвертый глагол, *zurgâtânâ*, является диалектным. Указанный в словаре литературного удмуртского глагол *зйртыны* ‘выбросить’ в говоре не употребляется, а глагол *салыны*, означающий в литературном языке ‘бросить, отбросить, выбросить; ударить; ужалить’, имеет только значение ‘ударить с размахом’:

- (1) *so eš-ez-lâ bam-a-z*
 тот друг-POSS.3SG-DAT лицо-LOC/ILL-POSS.3SG
sal-i-z
 ударять-PST-3SG
 ‘Он дал другу пощечину (букв.: ударил друга по лицу)’.

Корреляты указанных лексем *kujanâ*, *lez'anâ*, *serpal'anâ*, *zurgâž'anâ*, включающие показатели глагольной множественности², привносят семантику множественности ситуаций (2),

² Регулярная модель в татышлинском удмуртском [Baidoullina 2003: 98—99], как и в литературном [ГСУЯ 1962: 219], предполагает образование множественных коррелятов с помощью показателя *-l* от глаголов на *-ânâ* (I спряжение) и *-l'a* от глаголов на *-anâ* (II спряжение), однако представленным в поле бросания глаголам соответствуют пары с непродуктивными показателями *-a* и *-ja*: *lez'anâ* / *lez'anâ*, *zurgâtânâ* / *zurgâž'anâ* (< *zurgâtjanâ* с отражением диалектного *ž'* на месте *j*, возможен также вариант *zurgâč'anâ*), *serpaltânâ* (с показателем семьяфактива *-t*) / *serpal'anâ* (< *serpaljanâ* с отражением ассимиляции) / *kuštânâ* (с показателем семьяфактива *-št*) / *kujanâ*, см. о соотношении пар в литературном [ГСУЯ 1962: 219—224] и бесермянском удмуртском [Сердобольская 2012]. В данной работе перечисленные показатели не выделяются, лексемы из каждой пары глоссируются глаголами совершенного и несовершенного вида соответственно. Далее для экономии места в качестве представителя пары упоминается глагол без показателя глагольной множественности. Если не указа-

не обнаруживая сочетаемостных различий, касающихся типологических параметров ситуации бросания.

- (2) a. *nâlpi-jos* *tup-zes* *kušt-i-zâ* /
 ребенок-PL мяч-ACC.POSS.3PL бросить-PST-3PL
lez'-i-zâ / *zurgât-i-zâ* / *serpalt-i-zâ*
 пустить-PST-3PL швырнуть-PST-3PL отбросить-PST-3PL
 ‘Дети бросили мячи (одновременно)’.
- b. *nâlpi-jos* *tup-zes* *kuja-∅-zâ* /
 ребенок-PL мяч-ACC.POSS.3PL бросать-PST-3PL
lez'a-∅-zâ / *zurgâž'a-∅-zâ* / *serpal'a-∅-zâ*
 пускать-PST-3PL швырять-PST-3PL отбрасывать-PST-3PL
 ‘Дети бросили мячи (в разное время)’.

В следующих разделах мы рассмотрим контексты употребления каждого из глаголов, помечая в примерах возможность замены на остальные лексемы.

3.2. Глагол *kuštânâ* (множественный коррелят *kujanâ*)

Глагол *kuštânâ* имеет общепермское происхождение (см. [Лыткин, Гуляев 1970: 128]) и сохраняет значение ‘бросить, выбросить’, фиксируемое и в литературном удмуртском [УРС: 237]. Типичным для него является контекст бросания на не-большое расстояние:

- (3) *pi* *s'ekât* *mešok-ze* *as*
 мальчик тяжелый мешок-ACC.POSS.3SG REFL
az'-a-z *kušt-i-z* / **lez'-i-z* /
 перед-LOC/ILL-POSS.3SG бросить-PST-3SG пустить-PST-3SG
**zurgât-i-z* / **serpalt-i-z*
 швырнуть-PST-3SG отбросить-PST-3SG
 ‘Мальчик бросил тяжелый мешок перед собой’.

Лексема *kuštânâ* не употребляется в ситуациях бросания вверх (4) и прицельного бросания, где используется глагол

но обратное, сказанное о нем справедливо и для его коррелята. Приводимые в статье примеры могут включать как лексемы, описывающие единичный бросок, так и множественные корреляты.

lez'ânâ, см. раздел 3.3. Это сходно с ограничениями, выявленными в ижемском коми для глагола *чӧтны*, также описывающего бросок небольшой дальности [Кашкин 2019: 106].

- (4) *pi uks'o vâl-e lez'-i-z / *kušt-i-z /*
 мальчик деньги верх-ILL пустить-PST-3SG бросить-PST-3SG
**zurgât-i-z / *serpalt-i-z no kut-i-z*
 швырнуть-PST-3SG отбросить-PST-3SG ADD поймать-PST-3SG
 'Мальчик подбросил монетку вверх и поймал ее'.

Ситуацией, доступной только для *kuštânâ*, является выбрасывание (5) и снятие одежды и обуви (6).

- (5) *mon vuž dis'-jos-me ug*
 я старый одежда-PL-ACC.POSS.1SG NEG.PRS/FUT.1SG
*kuja-s'kâ / *lez'a-s'kâ / *zurgâž'a-s'kâ / *serpal'l'a-s'kâ,*
 бросать-PRS пускать-PRS швырять-PRS отбрасывать-PRS
so-je apok-e-lâ s'ot-is'ko-∅
 тот-ACC младшая_сестра-POSS.1SG-DAT дать-PRS-1SG
 'Я не выбрасываю старую одежду, а отдаю младшей сестре'.

- (6) *pes'anaj mârдем kot-m-em*
 бабушка_по_отцу с_трудом мокрый-INCH-PTCP.PST
*sapeg-jos-se kušt-i-z / *lez'-i-z /*
 сапог-PL-ACC.POSS.3SG бросить-PST-3SG пустить-PST-3SG
**zurgât-i-z / *serpalt-i-z*
 швырнуть-PST-3SG отбросить-PST-3SG
 'Бабушка с трудом сняла намокшие сапоги'.

Кроме того, глагол *kuštânâ* развивает типологически частотные переносные значения (ср. материалы базы данных [DatSemShifts]), акцентирующие компонент потери контакта агенса с предметом, например, прекращение взаимоотношений или деятельности (7) и избавление от привычки (8).

- (7) *so s'emja-ze / už-ze*
 тот семья-ACC.POSS.3SG работа-ACC.POSS.3SG
kušt-i-z no muket inti-je
 бросить-PST-3SG ADD другой место-ILL
kôč'-i-z
 переселиться-PST-3SG
 'Он бросил семью / работу и переехал'.

- (8) *mānam pes'ataj-e* *tāmāk-ze*
 я.GEN дедушка_по_отцу-POSS.1SG табак-ACC.POSS.3SG
kušt-i-z
 бросить-PST-3SG
 'Мой дедушка бросил курить'.

3.3. Глагол *lez'anā* (множественный коррелят *lez'anā*)

Глагол *lez'anā*, в отличие от его когната *лэдзны* в коми [Лыткин, Гуляев 1970: 165], [КРС: 500], употребляется не только в своем исходном значении 'пустить, отпустить' (9), но и в ситуациях бросания, что соответствует данным литературного удмуртского [УРС: 267]³. Такое совмещение отмечается, например, в русском (ср. *запустить что-л. в кого/что-л.*) и еще трех языках в базе данных CLICS.

- (9) *mon kur'atn'ik-is'* *kureg-jos-āz* *lez'-i-∅*
 я курятник-EL курица-PL-ACC пустить-PST-1SG
 'Я выпустил кур из курятника'.

Как глагол бросания *lez'anā* кодирует бросание вверх без маркированной силы, см. выше (4), и фрейм бросания в цель (10), причем указание конечной точки необязательно (11), в отличие, например, от глагола *trefovat* в чешском [Подгорная 2021: 15] или *bombarder* во французском [Ивтушок 2016: 118]⁴.

³ Множественный коррелят *lez'anā* закреплен только за ситуациями бросания и не используется в контекстах вроде (9), как и, по данным [УРС: 267], в литературном удмуртском.

⁴ Отметим, что чешский и французский глаголы отличаются от *lez'anā* моделями управления. У *trefovat* в чешском есть две возможности: выражение конечной точки в предложной группе или в качестве прямого объекта. В обоих случаях опущение конечной точки не разрешается [Подгорная 2021: 15]. Глагол *bombarder* во французском допускает только вторую модель [Ивтушок 2016: 118].

- (10) *pojšur-a-s'* *kopjo-ze* *los'-lâ*
 дичь-VBLZ-PTCP.ACT копье-ACC.POSS.3SG лось-DAT
lez'-e / **kušt-e /* **zurgât-e /*
 пустить-PRS.3SG бросить-PRS.3SG швырнуть-PRS.3SG
**serpalt-e*
 отбросить-PRS.3SG
 ‘Охотник бросает копье в лося’.
- (11) *sportsmen-jos* *kopjo-ze* (*kâd'ok-e*)
 спортсмен-PL копье-ACC.POSS.3SG даль-ILL
lez'a-lo / **kuja-lo /* **zurgâž'a-lo /*
 пускать-PRS.3PL бросать-PRS.3PL швырять-PRS.3PL
**serpal'la-lo*
 отбрасывать-PRS.3PL
 ‘{На соревнованиях} спортсмены метают копья (вдаль)’.

Если ситуация предполагает небольшое расстояние, данный глагол не разрешается, см. запрет в (3). Употребление *lez'ânâ* в контексте (12), в отличие от *kuštânâ*, предполагает такое расстояние, что в стакан нужно целиться. Похожие ограничения имеет глагол *шыбитны* в ижемском коми, однако для него также доступна ситуация выбрасывания ненужных вещей [Кашкин 2019: 106], в которой, как показано в (5), *lez'ânâ* не употребляется.

- (12) *pi* *stakan-e* *mil'ä-ze* *kuja-Ø /*
 мальчик стакан-ILL косточка-ACC.POSS.3SG бросать-PRS.3SG
#lez'a-Ø / **zurgâž'a-Ø /* **serpal'la-Ø*
 пускать-PRS.3SG швырять-PRS.3SG отбрасывать-PRS.3SG
 ‘{Мальчик ест вишню, прямо перед ним стоит стакан} Мальчик бросает косточки в стакан’.

3.4. Глагол *zurgâtânâ* (множественный коррелят *zurgâž'anâ*)

Глагол *zurgâtânâ* не отмечен в словарях, в том числе в [Wichmann 1987], и имеет неясную этимологию. Данный глагол является первой реакцией при опросе в контекстах броса-

ния с применением силы (13)—(14). Направление и наличие цели нерелевантны: *zurgâttânâ* может обозначать бросание вверх или вниз (13) и сочетается с указанием цели (14).

- (13) *pet'a* *kijä-sa* *vâl-e* / *vâž* *vâl-e*
 Петя сердиться-CVB верх-ILL пол верх-ILL
terkâ-ze *zurgâtt-i-z* / *serpalt-i-z* /
 тарелка-ACC.POSS.3SG швырнуть-PST-3SG отбросить-PST-3SG
 ??*lez'-i-z* / **kušt-i-z*
 пустить-PST-3SG бросить-PST-3SG
 ‘Петя в ярости швырнул тарелку вверх / об пол’.

- (14) *nâlpî-jos* *kijä-sa* *og-og-zâ-lâ* *lâmâ*
 ребенок-PL сердиться-CVB один-один-POSS.3PL-DAT снег
zurgâž'a-lo / ??*lez'a-lo* / **kuja-lo* /
 швырять-PRS.3PL пускать-PRS.3PL бросать-PRS.3PL
**serpal'a-lo*
 отбрасывать-PRS.3PL
 ‘Дети, разозлившись, бросают друг в друга снежки’.

Интересно, что глагол *zurgâttânâ* запрещается в контекстах метания объектов, например, на охоте (10) или спортивных соревнованиях (11), что может объясняться тем, что он описывает резкое небрежное движение, отличающееся от предполагаемой техники броска.

3.5. Глагол *serpaltânâ* (множественный коррелят *serpal'anâ*)

Особенностью глагола *serpaltânâ* является употребление в значениях ‘махнуть рукой’, ‘смахнуть что-либо’ (15), отсутствующее, по данным [УРС: 205], в литературном удмуртском и являющееся диалектной особенностью периферийно-южных говоров [Wichmann 1987: 220]. Коллексификация значений ‘махнуть’ и ‘бросить’ отмечается, например, в тамильском для глагола *vīci*, описывающего легкое движение [Смирнитская 2020: 879].

- (15) *pes'ataj žók vəl-is' n'än' pāri-jez*
 дедушка_по_отцу стол верх-EL хлеб крошка-ACC
serpalt-i-z
 отбросить-PST-3SG
 ‘Дедушка смахнул со стола крошки’.

Глагол *serpaltānā* встречается в контекстах бросания с силой, однако не является центральным для данного фрейма (13). В отличие от *zurgātānā*, он не сочетается с выражением цели (14). Наиболее частым комментарием носителей является указание на направление ‘в сторону’, а прототипическим контекстом — избавление от объекта, притом регулярно в качестве первой реакции при переводе глагол *serpaltānā* встречается в ситуации разбрасывания вещей:

- (16) *Pet'a kot' kü nāstä-os-se*
 Петя хоть когда вещь-PL-ACC.POSS.3SG
serpal't'a-∅/ kuja-∅/ lez'a-∅/
 отбрасывать-PRS.3SG бросать-PRS.3SG пускать-PRS.3SG
zurgāž'a-∅
 швырять-PRS.3SG
 ‘Петя постоянно раскидывает свои вещи {по комнате}’.

4. Заключение

Итак, релевантные для противопоставления лексем в поле бросания параметры в татышлинском удмуртском включают направление (глагол *kuštānā* не употребляется для обозначения броска вверх), наличие цели (возможно для *lez'ānā* и *zurgātānā*, но не для двух других глаголов) и применение силы (в таких контекстах предпочтительны *zurgātānā* и *serpaltānā*, *lez'ānā* не маркирован по этому параметру, *kuštānā* описывает легкое движение). Особенностью системы глаголов бросания в татышлинском удмуртском является наличие четырех лексем с различными прототипическими фреймами: *kuštānā* маркирует легкое движение и бросание вниз, *lez'ānā* — бросание в цель и

вверх, *zurgâtânâ* — бросание с силой, *serpaltânâ* — избавление от объекта. Обычно, если в системе более, чем три лексемы, не учитывая непроизводные, в некоторых фреймах используется несколько глаголов, ср. два глагола для бросания вниз в финском или для бросания с силой в немецком [Ивтушок 2016: 116—117]. В татышлинском удмуртском наблюдается противопоставление *lez'ânâ* и *kuštânâ* по наличию цели и дальности броска, что, как указывалось, релевантно для глаголов, охватывающих соответствующие фреймы в близкородственном ижемском коми [Кашкин 2019]. Кроме того, на материале удмуртского можно отметить интересные совмещения значения 'бросить' с 'пустить' и 'махнуть', фиксируемые и в некоторых других языках.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; ACT — активный залог; ADD — аддитивная частица; CVB — деепричастие; DAT — датив; DEB — дебитив; EL — элатив; FUT — будущее время; ILL — иллатив; INCH — инхоатив; INS — инструменталис; ITER — показатель глагольной множественности; LOC — локатив; NEG — отрицание; PL — множественное число; POSS — поссесивность; PRON — прохобитив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; REFL — рефлексивное местоимение; SG — единственное число; VBLZ — вербализатор.

Литература

ГСУЯ 1962 — Перевошиков П. Н. (ред.) Грамматика современного удмуртского языка. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1962.

Ивтушок 2016 — Ивтушок Е. И. К типологии глаголов со значением «бросать» // Кретов А. А. (ред.) Проблемы лексико-семантической типологии. Вып. 3. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2016. С. 72—77.

Кашкин 2019 — Кашкин Е. В. Глаголы с семантикой бросания в ижемском диалекте коми языка // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сборник статей по материалам VI Всероссийской научной конференции финно-угроведов УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск: Издательство Анны Зелениной, 2019. С. 104—110.

Кашкин, Мордашова 2020 — Кашкин Е. В., Мордашова Д. Д. Полисемия и грамматикализация глаголов бросания: данные горномарийского языка // Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Рыжова Д. А. (ред.) Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН, 2020. Т. XVI. С. 494—520.

КРС — Безносилова Л. М., Забоева Р. И., Коснырева Р. И., Айбабина Е. А. Русско-коми словарь, Коми-роч кывчукбр. Сыктывкар: «Титул», 2000.

Лыткин, Гуляев 1970 — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: «Наука», 1970.

Подгорная 2021 — Подгорная А. Д. Глаголы бросания в чешском языке: лексико-типологическое исследование. Курсовая работа. М: МГУ, 2021.

Рахилина, Резникова 2013 — Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3—31.

Сердобольская 2012 — Сердобольская Н. В. Глагольная множественность и аспект в бесермянском диалекте удмуртского языка: множественность показателей множественности // Плунгян В. А. (ред.) Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН, 2012. Т. VIII. Ч. 2. С. 735—784.

Смирнитская 2020 — Смирнитская А. А. Лексикализация семантических полей 'бросание' и 'падение' в тамильском языке // Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Рыжова Д. А. (ред.) Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН, 2020. Т. XVI. Ч. 1. С. 859—897.

УРС — Вахрушева В. М. (ред.) Удмуртско-русский словарь. М.: «Русский язык», 1983.

Baidoullina 2003 — Baidoullina A. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. Magistritöö. Tartu: Tartu ülikool, 2003.

Wichmann 1987 — Wichmann Y. Wotjakischer Wortschatz / Uotila T. E., Korhonen M. (bearb.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс: <https://ruscorpora.ru/>.

CLICS — Database of Cross-Linguistic Colexifications. Электронный ресурс: <https://clics.clld.org/>.

DatSemShifts — Каталог семантических переходов. Электронный ресурс: <https://datsemshift.ru/shifts>.

Инхоативные конструкции кильдинского саамского языка

Софья Андреевна Рачинская
независимый исследователь
sophya.rach@gmail.com

Статья посвящена описанию морфосинтаксических свойств инхоативных конструкций в кильдинском саамском языке и особенностям их употребления. В рассматриваемом языке есть три основных продуктивных способа выражения начинательных значений: суффикс *-škued'd'* и фазовые глаголы *al'l'ke* и *oalkxe*. Два из них, *-škued'd'* и *al'l'ke*, представляют собой типичные для саамских языков инхоативные значения, и в данной статье мы предприняли попытку описания критерия выбора между ними. Третий способ выражения начинательности, глагол *oalkxe*, является инновацией кильдинского саамского языка. В статье предлагается сценарий, который мог привести к его возникновению. Описываются его морфосинтаксические и семантические отличия от типичных саамских показателей *-škued'd'* и *al'l'ke*.

Ключевые слова: инхоатив, саамские языки, кильдинский саамский язык, грамматикализация.

Inchoative constructions in Kildin Saami

Sofia A. Rachinskaya
independent researcher
sophya.rach@gmail.com

The article is devoted to description of morphosyntactic properties of inchoative constructions in Kildin Saami. In Kildin Saami there are three productive ways to convey inchoative meaning: inchoative suffix *-škued'd'* and phase verbs *al'l'ke* and *oalkxe*. Two of them, *škued'd'* and *al'l'ke*, are typical inchoative markers in Saami languages. In the paper I tried to describe on which criteria one of them is chosen. The third inchoative, *oalkxe*, seems to be an innovation of Kildin Saami. In the pa-

per I propose a scenario which could have led to the emergence of a new inchoative. Semantic differences between *oalkxe* and the other inchoatives are also discussed.

Keywords: inchoative, Saami languages, Kildin Saami, grammaticalization.

1. Введение

Кильдинский саамский относится к саамской группе языков (уральская семья), состоящей, по крайней мере, из 10 языков. Саамские языки традиционно делят на две группы: западные и восточные, см. [Sammallahti 1999; Koronen 2022]. Кильдинский саамский относится к восточной группе наряду с инари саамским, сколтта саамским, аккала саамским и терским саамским. Кильдинский саамский распространен в центральной части Кольского полуострова. В настоящее время подавляющее большинство носителей живет в селе Ловозеро. Численность носителей по разным оценкам составляет от ста до нескольких сотен человек. Данные были собраны в совместной экспедиции НИУ ВШЭ, ШАГИ РАНХИГС и МГУ в село Ловозеро в 2022 г. методом элицитации.

В кильдинском саамском существуют несколько способов выражения начинательных значений: фазовые глаголы *al'l'ke* 'начать' и *oalkxe* 'начать', инхоативный суффикс *-škued'd'*-, а также ряд других показателей, которые мы в данной статье не почти не затрагиваем в виду их непродуктивности. Два из названных выше показателей — *al'l'ke* и *-škued'd'*- — характерны практически для всех саамских языков, однако в известной нам литературе не описаны критерии выбора между ними ни в кильдинском саамском языке, ни в каком-либо ещё саамском.

Статья структурирована следующим образом. В разделе 2 описан критерий выбора между *al'l'ke* и *-škued'd'*-. Третий показатель, глагол *oalkxe* (диахронически каузатив от инхоативного глагола), в чисто инхоативном значении представляет собой инновацию кильдинского саамского языка. В разделе 3

обсуждается проблема этимологического родства глаголов *al'l'ke* и *oalkxe*. Раздел 4 посвящен моделям управления глаголов *al'l'ke* и *oalkxe* в сравнении с их северносаамскими когнатами. В разделе 5 обсуждаются возможные причины расширения контекстов употребления глагола *oalkxe* и появления у него управления инфинитивом. В качестве возможных факторов названы, с одной стороны, семантический сдвиг *al'l'ke* и *-škued'd'* в зону референции к будущему времени и частичная утрата ими инхоативного значения, а с другой стороны влияние русского языка и возможное изменение моделей управления саамских инхоативов по аналогии с русским глаголом 'начать'. В 6 разделе описываются семантические различия между *al'l'ke* и *oalkxe* в прошедшем времени, где оба глагола имеют инхоативное значение. Таким образом в статье рассматриваются как различия между общесаамскими инхоативными конструкциями с *al'l'ke* и *-škued'd'*, так и причины и возможный путь появления инновативного *oalkxe* и его отличия от предыдущих показателей.

Прежде, чем перейти к разбору функционального распределения инхоативных показателей, необходимо сделать несколько вводных замечаний о морфонологии и видовременной системе кильдинского саамского. В кильдинском саамском языке два синтетических времени: прошедшее и непрошедшее, аналитические перфект и плюсквамперфект. Помимо непрошедшего времени есть два других способа референции к будущему времени: при помощи глагола *al'l'ke* 'начать' и при помощи суффикса *-škued'd'*.

В кильдинском саамском при словоизменении происходят вокалические и консонантные чередования, которые могут быть как качественными, так и количественными. Некоторые словоформы могут различаться только чередованиями в основе. Система морфологических альтернатив исключительно сложна и не может быть предметом описания в настоящей статье. В таблице 1 для упрощения чтения примеров приво-

дятся релевантные формы исследуемых показателей. В целом таблица 1 дает общее представление о характере морфонологических чередований.

Таблица 1. Формы глаголов *al'l'ke* и *oalkxe* и суффикса *-škued'd'*

INF	<i>al'l'k-e</i> 'начать-INF'	<i>oalk-x-e</i> 'начать-CAUS-INF'	<i>-(e)škued'd'-e</i> '-INCH-INF'
NPST.3SG	<i>allk</i> 'начать.NPST.3SG'	<i>oalk-aht</i> 'начать-CAUS.NPST.3SG'	<i>-(e)škuad</i> '-INCH.NPST.3SG'
PST.3SG	<i>el'g-e</i> 'начать-PST.3SG'	<i>oalk-eh</i> 'начать-CAUS.PST.3SG'	<i>-(e)škuud'-e</i> '-INCH-PST.3SG'
CNG.PST	<i>allk-(m)a</i> 'начать-CNG.PST'	<i>oalkx-a</i> 'начать-CNG.PST'	

Наличие *m* в форме коннегатива прошедшего времени — предмет диалектного варьирования. Относить ли гласный *e* перед суффиксом *-škued'd'* к корню или к самому суффиксу — это условность глоссирования. В данной статье мы последовательно относим его к самому суффиксу.

2. Распределение употребления *al'l'ke* и *-škued'd'*

В большинстве контекстов *al'l'ke* и *-škued'd'* взаимозаменяемы. Однако, с неконтролируемыми предикатами заметно более предпочтительнее использование суффикса *-škued'd'*.

- (1) a. *s'av'v'n-eškuud'-e*
 темнеть-INCH-PST.3SG
 b. *%el'ge* *s'av'v'ne*
 начать-PST.3SG темнеть-INF
 'Начало темнеть'.

- (2) a. *mar'r'j* *šoabbš-eškuud'-e* *saam'*
 маша.NOM.SG любить-INCH-PST.3SG саамский
kiil
 язык.ACC.SG
- b. **mar'r'j* *el'ge* *šoabbš-e* *saam'*
 маша.NOM.SG начать-PST.3SG любить-INF саамский
kiil
 язык.ACC.SG
 'Маша начала любить саамский язык'.

В примере (1) какое-либо подлежащее отсутствует и не все носители позволяют использование *al'l'ke*. В примере (2), где *al'l'ke* запрещают все носители, есть поверхностно выраженное подлежащее, но сам предикат 'любить' не контролируемый.

Глагол 'работать' в различных значениях даёт своего рода минимальную пару на этот контраст:

- (3) a. *murrj-j-a* *t'el'ev'izar*
 ломать-DECAUS-PTCP.PST телевизор.NOM.SG
ropxušš-eškuud-e
 работать-INCH-PST.3SG
- b. **murrj-j-a* *t'el'ev'izar* *el'ge*
 ломать-DECAUS-PTCP.PST телевизор.NOM.SG начать-PST.3SG
ropxušš-e
 работать-INF
 'Сломанный телевизор начал работать'.
- (4) a. ¹*vas's'k* *el'g-e* *ropxušš-e*
 Вася.NOM.SG начать-PST.3SG работать-INF
- b. ^{ок}*vas's'k* *ropxušš-eškuud-e*
 Вася.NOM.SG работать-INCH-PST.3SG
 'Вася начал работать'.

В примере (3) употребление *al'l'ke* невозможно. В примере (4) возможно использование обоих показателей, но первой реакцией информанты порождают именно фазовый глагол *al'l'ke*. С другой стороны, с глаголом *laf'f'ke* 'кашлять' также возможны оба варианта, однако с точки зрения информантов предпочтительнее суффикс, как в примере (5).

- (5) ¹*vas's'k* *laf'f'k-eškuid-e*
 Вася.NOM.SG кашлять-INCH-PST.3SG
^{ok}*vas's'k* *el'g-e* *laf'f'k-e*
 Вася.NOM.SG начать-PST.3SG кашлять-INF
 'Вася начал кашлять'.

Таким образом, несмотря на то, что с глаголами *robxišše* 'работать' и *laf'f'ke* 'кашлять' возможны оба способа выражения инхоативного значения, один из них оказывается предпочтительнее.

Для ряда предикатов возможно образование инхоативного значения при помощи декаузативно-инхоативного суффикса *-j-*

- (6) ¹*kran-es't'* *kool'l'k-ej* *čaaž'*
 кран-LOC.SG течь-DECAUS.PST.3SG вода.NOM.SG
 'Из крана потекла вода'.
- (7) ^{ok}*perjt* *puel'l'-ej*
 дом.NOM.SG гореть-DECAUS.PST.3SG
 'Дом загорелся'.

Этот суффикс образует инхоативные значения от ограниченного числа предикатов. Все они непереходные и с неагентивными подлежащими. В случае же переходных предикатов, суффикс *-j-* имеет декаузативное значение:

- (8) *vas'k* *kir'r'j* *koavvn-ej*
 вася.GEN.SG книга.NOM.SG найти-DECAUS.PST.3SG
 'Васина книга нашлась'.

Похожая инхоативно-декаузативная полисемия описана, например, для мокшанского [Козлов и др. 2016] и литовского [Аркадьев 2010].

3. Этимологическое родство глаголов *al'l'ke* и *oalkxe*

Прасаамский корень со значением 'начать' восстанавливается как **ālkē* [Lehtiranta 1989: 14]. Глаголы с таким сочетанием гласных прасаамской основы в современном кильдинском

саамском языке должны в первом слоге иметь долгий гласный *aa*, чередующийся с *oa*, как например, глагол ‘братъ’ от прасаамского **vāltē*: *vaal’l’t-e* ‘братъ-inf’ и *voal’t-e* ‘братъ-pst.3sg’.

Однако, у глагола *al’l’ke* в современном кильдинском саамском гласный корня краткий *a*, чередующийся в формах прошедшего времени с *e*. Подобное чередование не могло произойти от прасаамского **ā*. Чередования в корне глагола *al’l’ke* указывают на **ε* в первом слоге прасаамской основы. Например, такие чередования происходят в глаголе ‘дать’ от прасаамского **entē*: *an’n’t-e* ‘дать-inf’, *en’d-e* ‘дать-pst-3sg’. В целом глагол *al’l’ke* в кильдинском саамском языке морфологически ведёт себя так, как если бы его прасаамская форма выглядела бы как **εlkē*, но это не соотносится с данными других саамских языков, что можно увидеть, сравнив глаголы ‘начать’, ‘дать’ и ‘братъ’ по разным саамским языкам. Реконструкции и когнаты приводятся по [Lehtiranta 1989]

Таблица 2. Рефлексы прасаамских глаголов **ālkē*-, **vāltē*-, **entē*-

	начать	братъ	дать
прасаамский	* <i>ālkē</i> -	* <i>vāltē</i> -	* <i>entē</i> -
Южный саамский	<i>aalg’edh</i>	<i>vaald’edh</i>	<i>vādd’edh</i>
Уме саамский	<i>āl’geet</i>	<i>vālldeet</i>	<i>vad’deet</i>
Пите саамский	<i>aal’kiet</i>	<i>vaal’tiet</i>	<i>vattiet</i>
Сев.-саамский	<i>al’get</i>	<i>val’det</i>	<i>ād’det</i>
Инари саамский	<i>ālgid</i>	<i>vāldid</i>	<i>adedd</i>
Сколтта саамский	<i>ä’lǧǧed</i>	<i>vä’ldded</i>	<i>ä’dded</i>
Терский саамский	<i>aļg</i>	<i>vaļded</i>	<i>eñded</i>
Кильдинский саамский	<i>al’l’ke</i>	<i>vaal’l’t-e</i>	<i>an’n’t-e</i>

Из таблицы 2 видно, что даже в наиболее генетически близких кильдинскому саамскому сколтта и терском саамском рефлексы гласного первого слога в глаголах ‘начать’ и ‘братъ’ совпадают и отличаются от рефлексов первого гласного в глаголе ‘дать’, а в кильдинском саамском ситуация иная.

Гласный *oa*, который мы видим в первом слоге глагола *oalkxe*, в кильдинском саамском языке мог произойти только от прасаамского **ā*.

Объяснить это несоответствие можно заимствованием. Согласно [Lehtiranta 1989: 15] и [Álgu database], **ālkē* в прасаамском языке является прибалтийско-финским заимствованием. Возможно, что *al'l'ke* в кильдинский саамский было повторно заимствовано позже из прибалтийско-финских или другого саамского языка, заместив собой исходное общесаамское заимствование, от которого сохранилась деривация *oalkxe*.

Что касается форманта *-x-* в *oalkxe*, его форма *-Vht* в формах третьего лица позволяет говорить о том, что его прасаамская форма была **-ttē-*, что соответствует прасаамскому суффиксу каузатива [Koronen 2022: 111].

Кроме того, как будет показано ниже, глагол *oalkxe* в кильдинском саамском употребляется в тех же контекстах, в которых в северносаамском употребляется каузатив от инхоативного глагола.

Таким образом разумно предположить, что глагол *oalkxe* и вправду как минимум диахронически является каузативом от общесаамского начинательного глагола. Поэтому в дальнейшем мы будем глоссировать *al'l'ke* как ‘начать’, а *oalkxe* как ‘начать-CAUS’, несмотря на то, что на синхронном уровне эти глаголы не состоят в деривационных отношениях. Во всяком случае, постулирование синхронной деривационной связи между ними требовало бы введения нерегулярных альтернатив.

4. Модели управления *oalkxe* и *al'l'ke* в сравнении с северносаамским

Как мы установили выше, *oalkxe* является каузативом от инхоативного глагола. Почему же он имеет просто значение ‘начать’? На наш взгляд так могло сложиться из-за нескольких факторов. Первый из них — модель управления глагола, от которого образован *oalkxe*. В этом плане интересно сравнить кильдинский саамский с северным саамским.

Согласно статье [Julien 2013] северносаамский глагол *álgit* имеет две возможные модели управления, ср. *álgit* 1 ‘начать’ (9) и *álgit* 2 ‘начаться’ (10).

(9) *Elle álggii barggu ohcat Norggas.*
 Элле начать.PAST.3SG работа.ACC искать.INF Норвегия.LOC
 ‘Элле начала искать работу в Норвегии’. [Julien 2013: 29]

(10) *Oaggun-gilvu álggii diibmu*
 Рыболовство-соревнование.NOM начать.PAST.3SG час
ovttas.
 один.LOC
 ‘Рыболовецкое соревнование начинается в час’. [Julien 2013: 35]

В примере (9) *álgit* имеет значение ‘начать’ и управляет инфинитивом. В примере (10) он имеет значение ‘начаться’ и инфинитивного зависимого у него, соответственно, нет.

При этом, образование каузативной деривации в северном саамском возможно только от глагола со значением ‘начаться’:

(11) a. *Sii álge heivehit boazo-logu.*
 они начать.PAST.3PL регулировать.INF олень-число.ACC
 ‘Они начали регулировать количество оленей’. [Julien 2013: 33]

b. * *Eiseválddit álgga-h-edje sin*
 власти.PL.NOM начать-CAUS-PAST.3PL их
heivehit boazo-logu.
 регулировать.INF олень-число.ACC
 Ожид: ‘Власти заставили их начать регулировать количество оленей’. [Julien 2013: 33]

(12) *Eiseválddit álgga-h-edje boazo-logu*
 власти.PL.NOM начать-caus-PAST.3PL олень-число.GEN
heiveheami.
 регуляция.ACC
 ‘Власти начали регуляцию числа оленей’. [Julien 2013: 36]

Кроме того, каузатив от глагола *álgit* со значением ‘начаться’ в северном саамском можно дальше модифицировать пассивом:

- (13) *Kursa* *álgga-h-uvvo* *ihttin*
 курс.NOM начать-CAUS-PASS.PRES.3SG завтра
Guovdageainnus.
 Кёутукейну.LOC
 ‘Курс начинается завтра в Кёутукейну’. [Julien 2013: 36]

У кильдинского *al'l'ke* есть только значение ‘начать’ с инфинитивным зависимым, для значения ‘начаться’ в кильдинском саамском используется сочетание суффиксов каузатива и пассива (как в северносаамском примере (13)):

- (14) a. **urehk* *allk* *ahc* *čas-es't*
 урок.NOM.SG начать.NPST.3SG девять час-LOC.SG
 b. *urehk* *oalk-x-uvv* *ahc*
 урок.NOM.SG начать-CAUS-PASS.NPST.3SG девять
čas-es't
 час-LOC.SG
 ‘Урок начинается в девять часов’.

При этом, как и в северном саамском примере (11) использование *oalkxe* как каузатива от *al'l'ke* в значении ‘начать’ невозможно:

- (15) **jaanna* *oalk-ehť* *vas'k*
 мать.DIM.NOM.SG начать-CAUS.PST.3SG вася.ACC.SG
ohpnuvv-e
 учиться-INF
 ожд: ‘Мама заставила Васю начать учиться’.

С другой стороны, *oalkxe* в кильдинском саамском может использоваться как переходный глагол, в качестве каузатива от глагола *al'l'k'e* со значением ‘начаться’ (ср. пример (12)):

- (16) *učitel'* *oalk-ehť* *urek*
 учитель.NOM.SG начать-CAUS.PST.3SG урок.ACC.SG
**učitel'* *el'g-e* *urek*
 учитель.NOM.SG начать-PST.3SG урок.ACC.SG
 ‘Учитель начал урок’.

Таким образом, получается, что хотя у кильдинского *al'l'ke* отсутствует значение ‘начаться’, употребление *oalkxe* в рассмотренных выше контекстах совпадает с тем, как употребляется каузатив от глагола *álgit* в северносаамском.

Однако, круг контекстов в которых может употребляться *oalkxe* шире, чем у северносаамского *álgahit*. В отличие от северносаамского когната, *oalkxe* также может управлять инфинитивами. В таком случае, каузативная семантика у него отсутствует.

- (17) *pedar* *olk-eh* *ropxušš-e*
 петя.NOM.SG начать-CAUS.PST.3SG работать-INF
 ‘Петя начал работать’.

В таблице 3 суммируются вышеизложенные факты о моделях управления начинательных глаголов в кильдинском и северносаамском языках.

Таблица 3. Употребления северносаамских и кильдинских саамских фазовых глаголов

	начать + <i>inf</i>	начаться	начать + <i>acc</i>
сев. саамский <i>álgit</i> (9), (10)	+	+	–
сев. саамский <i>álgahit</i> (12)	–	–	+
сев. саамский <i>álggahuvvot</i> (13)	–	+	–
кильд. <i>al'l'ke</i>	+	–	–
кильд. <i>oalkxe</i> (16), (17)	+	–	+
кильд. <i>oalkxuvve</i> (14)	–	+	–

5. Инхоативы и референция к будущему времени

Глагол *al'l'ke* (и в несколько меньшей степени *-škued'd'*) в кильдинском саамском находится на пути грамматикализации в показатель будущего времени. В непрошедшем времени утрачивает инхоативное значение (18), (19) [Кошелева, Завьялов 2022].

- (18) *munn* (*v'aal*) *alg-a* *p'eer̥k*
 1SG.NOM (ещё) начать-NPST.1SG еда.ACC.SG
činn-e *kuht* *čas-es'*
 готовить-INF два час-LOC.SG
 ‘Я (всё ещё) буду готовить еду в два часа’.

- (19) *munn* *šoabš-eškuad-a* *toon* *ag'*
 1SG.NOM любить-INCH-NPST.1SG 2SG.ACC век.GEN.SG
bajas
 про
 {Я люблю тебя и...} 'Я буду любить тебя вечно'.

В отличие от них, *oalkxe* и в непростом времени имеет именно инхотативное значение:

- (20) *munn* *oalk-x-a* *p'eerk* *č'inn-e*
 1SG.NOM начать-CAUS-NPST.1SG еда.ACC.SG готовить-INF
kuht *čas-es'*
 два час-LOC.SG
 'Я начну готовить еду в два часа'.

Из-за грамматикализации показателей *al'l'ke* и *-škued'd'* и частичной утраты ими инхотативного значения возникла потребность в новом инхотативном показателе. Это могло повлиять на расширение сферы употребления *oalkxe*.

Ещё одним фактором, который мог повлиять на появление у *oalkxe* модели управления с инфинитивом может быть то, что кильдинский саамский испытывает довольно сильное влияние русского. В русском языке глагол *начать* может управлять как инфинитивом, так и винительным падежом. Для удобства изложения модифицируем таблицу 3 (см. таблицу 4 ниже), внося в неё также русский глагол 'начать' и употребление *al'l'ke* в значении будущего времени:

Таблица 4. Употребления северносаамских, кильдинских саамских и русских фазовых глаголов

	начать + <i>inf</i>	начаться	начать + <i>acc</i>	будущее время
сев. саамский <i>álgit</i>	+	+	–	–
сев. саамский <i>álgahit</i>	–	–	+	–
сев. саамский <i>álggahuvvot</i>	–	+	–	–
кильд. <i>al'l'ke</i>	+(pst)	–	–	+(npst)
кильд. <i>oalkxe</i>	+	–	+	–
кильд. <i>oalkxuvve</i>	–	+	–	–
русский <i>начать</i>	+	–	+	–
русский <i>начаться</i>	–	+	–	–

С учетом частичной утраты глаголом *al'l'ke* инхоативного значения, можно отметить, что другие два глагола в кильдинском саамском языке образуют систему похожую на систему, представленную в русском языке.

6. Различия *al'l'ke* и *oalkxe* в прошедшем времени

В прошедшем времени и *oalkxe*, и *al'l'ke* имеют инхоативную семантику. При этом *oalkxe* + INF имеет семантические отличия от *al'l'ke*. Так, по интуиции носителей, пример (4) означает, просто что Вася начал работать в какой-то момент времени.

- (4) ¹*vas's'k* *el'g-e* *ropxušš-e*
 вася.NOM.SG начать-PST.3SG работать-INF
^{OK}*vas's'k* *ropxušš-eškuud-e*
 вася.NOM.SG работать-INCH-PST.3SG
 'Вася начал работать'.

А употребление *oalkxe* в примере (17) акцентирует внимание на контрасте между начавшейся ситуацией и тем, что происходило до этого. Например, что до этого Петя никогда в жизни не работал, или что он какое-то время отказывался или не мог работать, а сейчас наконец-то снова начал работать.

- (17) *pedar* *olk-ehť* *ropxušš-e*
 петя.NOM.SG начать-CAUS.PST.3SG работать-INF
 'Петя начал работать'.

Похожий контраст можно обнаружить и в следующей паре примеров:

- (21) a. *mar'r'j* *el'g-e* *koarr-e* *kurtek'*
 Маша.NOM.SG начать- PST.3SG шить-INF куртка.ACC.SG
 b. **mar'r'j* *oalk-ehť* *koarr-e*
 Маша.NOM.SG начать-CAUS.PST.3SG шить-INF
kurtek'
 куртка.ACC.SG
 {Вчера Маша шила куртку и сегодня в 5 вечера опять} 'Маша начала шить куртку (ту же самую, т. е. продолжила)'.

- (22) *mar'r'j* *oalk-eh't'* *koarr-e*
 Маша.NOM.SG начать-CAUS.PST.3SG шить-INF
kurtek'
 куртка.ACC.SG
 {Маша вчера сшила рубашку а сегодня) 'Маша начала шить куртку'.

В примере (21) начавшаяся ситуация подобна происходившей ранее, и тут невозможно использование *oalkxe*. В примере (22) новая ситуация существует принципиальное отличие начавшейся ситуации от предыдущей и в данном случае использование *oalkxe* приемлемо и даже предпочтительно.

Ещё одно любопытное отличие *oalkxe* от *al'l'ke* — значение в сфере действия отрицания. Глагол *al'l'ke* под отрицанием получает значение “перестать”:

- (23) *sonn* *ejj* *alk-(m)a* *činn-e*
 3SG.NOM NEG.3SG начать-CNG.PST готовить-INF
p'eerk
 еда.ACC.SG
 'Она перестала готовить еду'. (начала не готовить, не продолжила)

Глагол же *oalkxe* под отрицанием значит ‘не начать’:

- (24) *sonn* (*v'aal*) *ejj* *oalk-x-a*
 3SG.NOM (ещё) NEG.3SG начать-CAUS-CNG.PST
činn-e *p'eerk*
 готовить-INF еда.ACC.SG
 'Она (ещё) не начала готовить еду'.

Если сопоставить примеры (18), (19), (21) и (23), то можно увидеть, что *al'l'ke* потенциально могло бы интерпретироваться и со значением ‘продолжить’. Однако в контексте без отрицания такая интерпретация невозможна:

- (25) a. *sonn* *ejj* *alk-a* *lavvl-e*
 3SG.NOM NEG.3SG начать-CNG.PST петь-INF
 (Вася пел, мама попросила не шуметь) ‘Он перестал петь’.
- b. #*sonn* *ejj* *kul-ma* *ja el'g-e*
 3SG.NOM NEG.3SG слышать-CNG.PST и начать-PST.3SG
lavvl-e
 петь-INF
 ожд: (Вася пел, мама попросила не шуметь) ‘Он не услышал
 и продолжил петь’.
 #‘Он не услышал и начал петь’.

7. Заключение

Резюмируя, можно сказать, что в кильдинском саамском есть три основных способа выражения инхоативных значений. Выбор между суффиксом *-škued'd'*- и глаголом *al'l'ke* обусловлен в основном контролируемостью предиката. Кроме того, в процессе грамматикализации прошёл сдвиг значения этих показателей от чисто инхоативной в сторону референции к будущему времени. Они частично утратили инхоативную семантику в непрошедшем времени. В отличие от них глагол *oalkxe* имеет исключительно инхоативное значение. В прошедшем времени, где все три показателя имеют инхоативное значение, *oalkxe* отличается от *-škued'd'*- и *al'l'ke* тем, что акцентирует внимание на некотором контрасте между начавшейся ситуацией и предыдущей.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; DECAUS — декаузатив; DIM — диминутив; CAUS — каузатив; CNG — коннегатив; GEN — генитив; INCH — инхоатив; INF — инфинитив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NOM — номинатив; NPST — непрошедшее время; PASS — пассив; PL — множественное число; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; SG — единственное число.

Литература

Аркадьев 2010 — Аркадьев, П. М. Ещё раз о семантике литовских *p/st*-глаголов: от непереходности к начинательности. // М. В. Завьялова, Т. В. Цивьян (ред.). Топоровские чтения. I—IV. Избранное. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2010, 309—324.

Волков 2017 — Волков О. С. Типология инхоативных показателей: грамматикализация и модели полисемии. Аспирантская диссертация. МГУ., 2017.

Керт 196 — Керт Г. М. Образцы саамской речи. Изд-во АН СССР, 1961.

Керт 1971 — Керт Г. М. Саамский язык, кильдинский диалект: фонетика, морфология, синтаксис. Наука, Ленинградское отд-ние, 1971.

Козлов et al 2016 — Козлов А. А., Муравьев Н. А., Никифорова С. О. Семантика и морфосинтаксис одной мокшанской аспектуальной деривации // *Acta Linguistica Petropolitana: Труды ИЛИ РАН*, 2016. Т. XII, ч. 1. С. 534—548.

Кошелева, Завьялов 2022 — К футуральной семантической зоне в кильдинском саамском языке. Доклад на конференции // *Малые Языки в Большой Лингвистике*, 2022.

Куруч 1985 — Куруч Р. Д. Краткий Грамматический очерк саамского языка. М.: Русский Язык.

Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011: РГГУ.

Álgu database — The Álgu database. Sámegielaid etymologáš diehtovuodđu = The Etymological Database of the Saami Languages [online database]. — Helsinki : Research Institute for the Languages of Finland, November 2006 — <http://kaino.kotus.fi/algu/>

Julien 2013 — Julien M. Beginnings in North Sami. *Finno-Ugric Languages and Linguistics* Vol. 2. No. 1, 2013.

Koponen 2022 — Koponen E. Saami: General Introduction. *The Oxford Guide to the Uralic Languages* ed. Bakro-Nagy et al: Oxford University Press, 2022.

Korhonen 1981 — Korhonen M. *Johdatus lapin kielen historiaan. [Introduction to the history of the Saami languages]* Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia. Helsinki, 1981.

Kuokkala 2019 — Kuokkala J. Saami -(š)goahti inchoatives: their variation, history, and suggested cognates in Veps and Mordvin. *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja*, No. 97. 2019, 153—181.

Lehtiranta 1989 — Lehtiranta, J. *Yhteissaamelainen sanasto. [Common Saami dictionary]* (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia, 200.) Helsinki, 1989.

Sammallahti 1998 — Sammallahti, P. The Saami Languages: An Introduction. Kárášjohka: Davvi Girji

Szabó 1986 — Szabó L. The Inchoative in Kildin-Sami Sentences, Contrast-ed with their Russian Translations. Papers from the Annual Meetings of the Atlantic Provinces Linguistic Association (PAMAPLA) / ACTES DES COLLOQUES ANNUELS DE L'ASSOCIATION DE LINGUISTIQUE DES PROVINCES ATLANTIQUES (ACAAPLA), 9, 137—144. 1986.

Аорист в эвенкийском языке

Елена Леонидовна Рудницкая
Институт востоковедения РАН
erudnitskaya@gmail.com

Ольга Николаевна Морозова
Лаборатория экспериментально-фонетических исследований,
Амурский государственный университет
morozova_olga06@mail.ru

В статье рассматриваются аорист / небудущее время и настоящее время в эвенкийском языке. Показывается связь интерпретации аориста с аспектуальным типом глагола и ограничения на дистанцию от момента речевого акта (недавнее прошедшее). Рассматриваются аргументы за и против принятой в грамматиках грамматикализации показателя настоящего времени как сочетания показателей имперфектива и аориста. Анализируется употребление аориста и настоящего времени в нарративе и, в частности, настоящее историческое как появившееся в качестве кальки с русского.

Ключевые слова: глагол, время глагола, эвенкийский язык, семантика.

Aorist in Evenki

Elena L. Rudnitskaya
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
erudnitskaya@gmail.com

Olga N. Morozova
Laboratory of Experimental Phonetics, Amur State University
morozova_olga06@mail.ru

In the paper, the aorist / non-future tense and the present tense in Evenki are considered. The dependency of the interpretation of aorist on the aspectual type of the verb is shown, as well as its restrictions on distance

from the speech act moment (recent past). Arguments for and against grammaticalization of imperfective marker and aorist marker into present tense marker (assumed in existing grammars) are considered. The use of aorist and present tense in narratives is analyzed, in particular, the hypothesis that present tense was first used as historical present being a calque from Russian.

Keywords: verb, tense, Evenki, semantics.

1. Введение

В статье рассматривается сфера употребления «небудущего» времени на *-rV* и настоящего времени на *-dVrV* в эвенкийском языке. Данные, на которых базируется работа — корпус рассказов на эвенкийском языке конца XX — начала XXI века на сайте «Малые языки Сибири: наше культурное наследие» (<http://siberian-lang.srcc.msu.ru/ru/textspage>)¹ и анкета О. Дала [Dahl 1985], заполненная тремя носителями говора поселка Усть-Нюкжа Амурской области (С. А. Васильевой, Г. С. Николаевой, Г. А. Абрамовой).

О будущем времени упоминают все авторы грамматик и частных исследований эвенкийского языка. Одни из них называют это время настоящим [Василевич 1941: 104; Bulatova, Grenoble 1999: 33], другие — прошедшим [Nedjalkov 1997: 237], а О. А. Константинова ([Константинова 1964: 174—176]) вообще не дает названия времени на *-rV* и отмечает, что эту форму нельзя называть ни аористом [Johanson 1989; Kanik 2015], ни будущим временем.

2. Употребление аориста

Сначала рассмотрим сферу употребления будущего времени. Будущее время используется для обозначения закон-

¹ В корпус рассказов входят ранее опубликованные рассказы из трех источников: собранные в 1930-х гг. и опубликованные Г. М. Василевич, собранные в 1950-х гг. Е. П. Лебедевой [Лебедева 1952] и собранные М. Л. Бродской и опубликованные в ее диссертации [Бродская 1967]. Кроме того, в корпус входят рассказы, собранные в экспедициях под руководством О. А. Казакевич в 1996—2021 гг. (отгlossированы и выложены в интернет Е. Л. Клячко).

v. iduk tar bəjə ətə-dʹə-rə-n
 откуда тот человек приходить-PRS(=IPFV-NFUT)-3SG
 ‘Откуда тот человек идет?.’ (букв. ‘...приходит?’) (Тура, 2008)

Важная характеристика небудущего времени состоит в том, что эта форма часто употребляется в рассказах: по статистике, приведенной И. В. Недялковым [Nedjalkov 1997: 235], в рассказах 80% глагольных форм с показателем *-rV*: ср. текст (3).

(3) *bəjə-l=kə huru-rə-Ø* (2)
 человек.мужчина-PL=FOC пойти-NFUT-3PL
 ‘Мужчины-то ушли.’

bultā-nā-hin-a-Ø (3)
 добыть-PRGRN-INCEP-NFUT-3PL
 ‘Пошли охотиться.’

aha-mi-l (4)
 женщина.PLSTEM-ATTEN-PL
ətən-mu-rə-Ø
 оставить-PASS-NFUT-3PL
 ‘Женщины остались.’

aha-mi-l=tə (5)
 женщина.PLSTEM-ATTEN-PL=FOC
ətən-mu-rə-Ø
 оставить-PASS-NFUT-3PL
 ‘Женщины-то остались.’

tar aha-mi-l duktə (6)
 тот женщина.PLSTEM-ATTEN-PL двое
huru-rə-Ø
 пойти-NFUT-3PL
 ‘Женщины пошли вдвоем.’

d'iktə-l-wə *təwli-l-də-Ø* (7)
 ягода-PL-ACC собрать.ягоды-INCH-NFUT-3PL
 ‘Стали вдвоем собирать ягоды.’

tar=kə *ahī* *gē* *isə-rə-n* (8)
 тот=FOC женщина другой видеть-NFUT-3SG
 ‘Другая женщина увидела:..’ (Тутончаны, 2008)

В соответствии с анкетой О. Даля [Dahl 1985], NFUT может употребляться при обозначении прошедшего действия **с результатом в настоящем** (4а) и **недавнего действия** (4б). Прошедшее *-čā* PST, а не NFUT чаще всего употребляется в экспериенциальном значении (4в), где действие отнесено к прошедшему, но конкретный отрезок времени, к которому привязано действие, нерелевантен. В (4в) NFUT невозможно, и это диагностический контекст для экспериенциального видового значения и для пропозиции-факта (последнее по работе [Арутюнова 1988]). В (3г) в одном предложении с формой NFUT встречается обстоятельство *imnō* ‘однажды’, то есть это контекст, в котором пропозиция обозначает событие. Из контраста в (4в) и (4г) видно, что NFUT маркирует ситуацию, соотношенную с событием, а не с фактом, а PST может обозначать факт (в (4в)). Характеристика NFUT как перфектного (настоящего совершенного) времени по работе [Василевич 1940: 104] неверна.

И. В. Недялков описывает NFUT как недавнее прошедшее (recent past) [Nedjalkov 1997: 242]. В (4д) пропозиция обозначает событие, произошедшее давно (пятьдесят лет назад). Из (4д) видно, что PST может маркировать пропозицию, обозначающую событие, а также то, что если событие сильно удалено во времени, форма NFUT неправильна, а возможна только форма PST. Значит, в значении NFUT входит компонент ‘недавнее прошлое’, отмеченный И. В. Недялковым.

- (4) а. *ŋī ukča-ra-n* *ər tygə-wə?* (Анкета, №127, ГСН)
кто ломать-NFUT-3SG этот чашка-ACC
‘Кто разбил эту чашку?’ {глядя на осколки}
- б. *bəksə* *əmə-rə-n* (Анкета, №133, САВ)
начальник приходит-NFUT-3SG
‘Начальник приехал’. {только что, новость}
- в. *bi niŋan-ma naldy-ča-m / *naldy-ra-m* (Анкета, №37, ГАА)
1SG 3SG-ACC встретиться-PST/*NFUT-1SG
‘Я его встречал’. {ответ на вопрос «Вы знали моего брата?»}
- г. *imnō* *bagdakə* *əmə-rə-n*
один.раз дикий.олень прийти-NFUT-3SG
korē-lō-wun
огород-LOC-1PL(EXCL)
‘Однажды в наш огород {где держали домашних оленей} пришел дикий олень’. (Стрелка-Чуня, 2007)
- д. *niŋan tuŋŋa d'a-r-wa* *anŋanī-wa amaskī*
3SG пять десять-PL-ACC год-ACC назад
*əmə-čə-n / *əmə-rə-n*
приходить-PST/*NFUT-3SG
‘Он приехал пятьдесят лет назад’. (ГСН)

3. Настоящее время

В грамматиках эвенкийского языка [Василевич 1940: 104; Vulatova, Grenoble 1999: 33–34; Nedjalkov 1997: 236—237] считается, что сочетание показателей *-dV* IPFV и *-rV* NFUT дает грамматикализованный показатель настоящего времени PRS *-dVrV*. Если показатель небудущего времени *-rV* может обозначать только состояние, продолжающееся в момент речевого акта, то *-dVrV* регулярно сочетается со всеми глаголами, независимо от аспектуального типа. Кроме действия, продолжающегося в момент речи (5а), *-dVrV* может обозначать хобиту-

альное действие (5б) и действие в прошлом (в повествовании, настоящее историческое) — см. ниже текст (11), предложение (19).

(5) а. *ninaki-r* *māwan-d'i-war* *gogo-d'oro-Ø*
 собака-PL сердце-INST-RFL.PL лаять-PRS-3PL
 ‘Собаки зло лают’ (Лебедева 1952)

б. *maŋi-l* *hukti-d'əra-Ø* *hirān-d'əra-Ø*
 медведь-PL убежать-PRS-3PL спариваться-PRS-3PL
 ‘Медведи бегут, спариваются...’ {в июне} (Ербогачён, 2016)

Возможность аспектуально-длительной и хабитуальной интерпретации в (5а)—(5б) характеризует индо-европейское настоящее время и не характеризуют «аорист алтайских языков» [Kanik 2015], к которому относится небудущее время на *-rV*. Так что примеры (5а)—(5б) выше, иллюстрирующие такое употребление, — это аргумент в пользу того, что *-dVrV* — грамматикализованный показатель, и что ему соответствует отдельное значение категории времени, отличное от значения небудущего.

[Johanson 1989] утверждает, что настоящее время возникло в тюркских языках из аориста. В эвенкийском показатель настоящего времени включает показатель небудущего времени (аорист). Нельзя однозначно делать выводы о том, связана ли грамматикализация *-dVrV* и появление настоящего времени с влиянием русского языка. Влияние русского языка на грамматику эвенкийского и в XX веке, и сейчас достаточно велико. О других аспектах грамматики эвенкийского, которые подверглись влиянию русского (на современном этапе), см. [Grenoble 2012; Рудницкая 2018, 2019].

Рассмотрим аргументы за и против постулирования в эвенкийском грамматикализованного показателя настоящего времени. Система времен глагола в эвенкийском языке предусматривает настоящее время: у *bi-* ‘быть’ есть, кроме формы

-rV NFUT, также форма на *-si* PRS, которая употребляется, в частности, в глагольных аналитических конструкциях (в (76)); ср. две различные формы в (6а)—(6б).

(6) а. <i>bi-si-n</i>
быть-PRS-3SG
'(он) есть' | б. <i>bi-rə-n</i>
быть-NFUT-3SG
'(он) есть/ (он) был' |
|--|---|

Наличие у *bi-* 'быть' формы *bi-si-n* с показателем *-si* PRS, не соотносимым с *-rV* NFUT (как в показателе *-dVrV*), с одной стороны, свидетельствует в пользу грамматикализации *-dVrV*: в парадигме *bi-* есть «клетка» для настоящего времени, причем показатель настоящего времени не соотносится ни с одним из других временных показателей. Одновременно формы (6а—б) представляют проблему для постулирования грамматикализации показателя *-dVrV*: при наличии формы *bi-rə-n* возможна также форма *bi-də-rə-n*, в которой есть сочетание *-də-rə*, которое должно грамматикализироваться в *-də-rə* PRS. Этой грамматикализации в случае *bi-* не происходит, поскольку для глагола *bi-* форма PRS (6а) образуется с показателем *-si*.

Кроме *-dVrV*, Г. М. Василевич и И. В. Недялков [Василевич 1940: 104—105; Nedjalkov 1997: 241, 245] приводят и другие составные времена. Например, формы, выражающие значение времен имперфекта и перфекта (в типологической терминологии) это показатель *-dVčV̄* (IPF = IPFV + PST (7а)) и аналитическая форма Verb-čV + *bi-* (PF = PTCR.ANT + *bi-* 'быть' (7б)). И. В. Недялков включает эти две формы в число базовых, но не утверждает, что произошла их грамматикализация. Возникает вопрос: почему, например, нет грамматикализованного показателя *-dVčV̄* IPF (= IPFV + PST)? По крайней мере, почему такой показатель выделяется не всеми авторами грамматик? Например, такое время не указано в грамматике [Bulatova, Grenoble 1999: 33—34].

- (7) а. *bi kərgən-dū-ji umukin bi-nə...*
 1SG семья-DAT-RFL один быть-CVB.SIM
baldi-d'əs'ā-w
 вырасти-IPF(=IPFV-PST)-1SG
 'Я в семье, одна будучи, росла'. (Кислокан, 2008)

- б. *duktə uru-wut-čā-l*
 два промахнуться-ITER-PTCP.ANT-PL
bi-hi-wun
 быть-PRS-1PL(EXCL)
 'Мы оба промазали'. (Эконда, 2007)

На полную грамматикализацию сочетания *-dVrV*, указывала бы возможность сочетания *dV-dVrV* (сочетание IPFV *-dV* и PRS *-dVrV*). В работе [Nedjalkov 1997, p. 236—237] нет примеров на такое сочетание. В литературном языке оно возможно: в нашей анкете предложение с генерическим субъектом (8а) переведено с *dV-dVrV* одной из трех носительниц эвенкийского (С. А. Васильева, в настоящий момент учительница начальных классов в кочевой школе). Эта форма встретилась и в рассказе «Не могу найти дорогу» Н. Т. Хадончиной, учительницы начальных классов в конце XX века (ср. (8б)). Всего *dV-dVrV* встречается в этом рассказе 7 раз.

Как сообщила С. А. Васильева и подтвердила Г. С. Николаева, в разговорной речи *-dV-dVrV* заменяется на *-dVrV*. В анкетах Г. С. Николаевой и Г. А. Абрамовой (они используют эвенкийский язык для общения с родными) в соответствующем переводе стоит форма с *-dVrV*. Г. С. Николаева также исправила формы с *-dV-dVrV* на формы с *-dVrV* в предложениях с генерическим субъектом, в которых действие интерпретируется как характеристика такого субъекта, ср. (9а)—(9б).

- (8) а. *čerŋa-d'a-d'ara-ø*
 пищать-IPFV-PRS(=IPFV-IPFV-NFUT)-3PL
 {птенцы} 'пищат...' {, а не поют} (Усть-Нюкжа, 2022, анкета)

б. *oro-r* *čāsķī* *d'ū-duk-pal*
 олень-PL дальше дом.чум-ABL-RFL.PL
ηənə-d'ə-d'ərə-Ø
 уходить-IPFV-PRS-3PL
 'Олени, наоборот, дальше от дома уходят' (Полигус, 2005)

(9) а. *amikan* *tugə* *a-d'ə-d'ərə-n*
 медведь зимой спать-IPFV-PRS-3SG
 'Медведь зимой спит' (Усть-Нюкжа, 2022)

б. ^v*amikan* *tugə* *a-d'ərə-n*
 медведь зимой спать-PRS-3SG

Таким образом, формальный тест показывает, что с уверенностью о грамматикализации показателя *-d'VrV* можно говорить только в применении к литературному языку.

Необходимо заметить, что показатель NFUT в глагольной словоформе не обязательно непосредственно следует за IPFV, ср. (10). В этом случае также нельзя говорить о грамматикализации PRS = IPFV + NFUT, хотя оба показателя есть в одной словоформе, как и в (5а—б).

(10) *wot* *nuηartin* *ədū* *um-d'a-kākūt-ta-Ø*
 вот 3PL здесь пить-IPFV-INTS-NFUT-3PL
tar *braška-l-wa*
 тот бражка-PL-ACC
 'Вот они здесь пьют бражку' (Потапово, 2014)

В рассказах показатели NFUT (*-rV*, законченное действие в прошлом типа (1а)) и PRS (*-d'VrV*, настоящее историческое) могут употребляться попеременно, в зависимости от того, о продолженном действии или нет рассказывается, см. текст (11). В предложении (19) речь идет о незаконченном действии, там глагол стоит в PRS. В предложении (20), где действие мгновенное, употребляется NFUT. Это связано с тем, что *-d'V*

входит в $-dVrV$ как фрагмент, однако наталкивает на мысль, что в рассказах $-dVrV$ это не один показатель PRS, а все же два показателя IPFV и NFUT.

- (11) *ulgučǝ-māt-čǝrǝ-Ø* *ulgučǝ-māt-čǝrǝ-Ø* (19)
рассказать-RECIP-PRS-3PL рассказывать-RECIP-PRS-3PL
'Разговаривают, разговаривают' [взрослые]

- a bī kuŋaka-r tuliskī jū-rǝ-w* (20)
а 1PL ребенок-PL на.улицу выйти-NFUT-1PL(EXCL)
'А мы, дети, на улицу вышли' (Полигус, 2005, Н. Хадончина, учитель)

В любом случае, в тексте (11), предложении (19) употреблен показатель PRS, и это не продолженное и не хабитуальное значение, как это было в (5а)—(5б). Скорее, это настоящее историческое, или нарративное. Историческое / нарративное настоящее есть в русском языке [Падучева 1996]; оно есть в славянских языках, в албанском языке [Reçica, Pajaziti 2020], в романо-германских языках (английский, французский), в турецком языке [Kanik 2015] и т. д.

Можно ли считать основные значения настоящего времени из примеров (5а)—(5б) — актуально-длительное и хабитуальное значения, — а также употребление в функции настоящего исторического — свидетельством того, что настоящее время или его отдельные употребления заимствованы из русского? Такой вывод уверенно можно сделать только для употребления в функции настоящего исторического, см. ниже п. 3³.

³ Эвенки всегда были малым народом в России; русский язык всегда был и остался престижным для эвенков, так что можно утверждать, что эвенкийский язык уже несколько сот лет развивается в контакте с русским языком, и имеют место явления русского суперстрата: например, в области порядка слов (см. [Рудницкая 2018]).

Влияние больших языков на малые заметно и за пределами России. В работе [Морозова 2021: 67—68] выдвигается гипотеза о том,

4. Стратегии употребления времен в рассказе и настоящее историческое

Как уже говорилось, NFUT наиболее часто употребляется в рассказе. А PRS, по статистике И. В. Недеялкова, скорее «диалогическое» время: в рассказах, по его данным, только около 5 % форм PRS. При такой статистике наличие настоящего исторического вызывает удивление.

В нашем материале при сравнении рассказов разного времени записи и разных рассказчиков частота употребления PRS различается. В 16 рассказах корпуса, записанных Г. М. Василевич (1930-е гг.), Е. П. Лебедевой (1950-е гг.) и М. Л. Бродской (1965 г.), нет форм PRS = IPFV + NFUT (и нет настоящего исторического).

В рассказах середины XX века преобладает время NFUT (текст (3)), время PST используется в единичных предложениях, и глагол с показателем PST обозначает факты, а не связанные по времени (последовательные) события, как и в (4в), ср. (12а—б).

- (12) а. *əñī-ŋəhə-w* *ulgušōn-d'i-šō-n* *hula*
 мать-DEADREL-1SG рассказать-IPFV-PST-3SG SLIP
hulakī *on* *hularga-šā-n*
 лиса как покраснеть-PST-3SG
 ‘Моя покойная мама рассказывала, как лиса покраснела.’
 (Кислокан, 2007)

- б. *ahī-si* *bi-sō-n*
 женщина-ATR быть-PST-3SG
 ‘Женатый был.’ (Тутончаны, 2008)

что появление дифтонгов в ороchonском языке и в других тунгусо-маньчжурских языках обусловлено влиянием китайского языка.

Если сравнить падежные системы эвенкийского и ороchonского языков, в эвенкийском языке 11 падежей, а в ороchonском только 7 [Морозова и др. 2019]. Тут можно усмотреть влияние аналитизма китайского языка.

В сказках и рассказах начала XXI века встретились несколько основных стратегий. В большинстве рассказов, как и в рассказах середины XX века, в основном глагольные словоформы с показателем NFUT: это рассказы о последовательных событиях. В рассказах о жизни возможна другая стратегия: в рассказах о тех событиях, которые совершаются постоянно, преобладают словоформы в формах *-pk̄t̄* РТСР.НАВ⁴, *-ŋk̄t̄* PSTITER, ср. (13а—б).

(13) а. *am̄-ja* *laŋi-l-Ø-wər*
отец-COLL ловушка-PL-ACC-RFL
o-d̄a-pk̄t̄-l...
делать-IPFV-РТСР.НАВ-PL
‘Родители пасти делали, а мы землю таскали...’ (Большое советское озеро, 1998)

б. *bəjə-l* *hagdi-l* *bəjə-l-bə* *gə=*
человек-PL старый-PL человек-PL-ACC SLIP
gā-ŋk̄t̄-tin *tar* *kajur-dū*
взять-PSTITER-3PL тот каюр-DAT
‘Пожилых людей брали каюрами.’ (Чиринда, 2007)

В некоторых рассказах формы NFUT чередуются с формами PRS, как в (11), или последовательность событий передается с помощью ряда глаголов в форме PRS (в функции настоящего исторического), ср. (14). Поскольку последовательности форм PRS появились только в начале XXI века, мы считаем, что функция настоящего исторического у PRS — это заимствование из русского.

Сравним (14) и (15). Пример (14) — отрывок из рассказа Г. К. Лапуко «Призрак». Г. К. Лапуко из города Тура (столицы Эвенкии), он радист и рабочий, вероятно, он говорит в основном на русском языке, возможно, в связи со своей работой. Но у него нет кодовых переключений, так что он знает эвенкийский достаточно хорошо и бегло говорит. Глагол в форме PRS

⁴ Это нефинитная форма в функции сказуемого финитного предложения.

б. *tālā pəktirū-ŋə-θ-m tālā*
туда выстрелить.из.ружья-**НАВ-NFUT-1SG** туда
tālā tālā ɯiskī nə ɯiskī nēs
туда туда вверх не вверх вниз.по.склону.SLIP
an-tikī dəyin-tikī=tā
правый-**ALL** левый-**ALL=FOC**
‘Туда стреляю, туда, туда, туда, вверх, вправо, влево.’

в. *ətət-čə-nə ŋənə-də-pkī*
оглядываться-**IPFV-CVB.SIM** идти-**IPFV-PTCP.НАВ**
‘Идет, оглядываясь.’ (о медведе) (Стрелка-Чуныя, 2005)

Наши данные, таким образом, показывают, что настоящее историческое в эвенкийском — это калька с русского и позднее заимствование, а другие значения настоящего времени появились раньше.

При рассказе точка отсчета NFUT может сдвигаться и быть недавним моментом по сравнению не с моментом речи, а со временем событий [Падучева 1996: 159; Reçica, Pajaziti 2020], как, например, в тексте (11), предложении (20). При рассказе о последовательных событиях используется и причастие предшествования на *-čV*, или перфект с опущенной связкой: см. **PTCP.ANT + bi** ‘быть’ в (7б)⁵.

У некоторых рассказчиков начала XXI века употребление **PTCP.ANT** по функции аналогично употреблению NFUT, то есть **PTCP.ANT** используется при рассказе о последовательных событиях. В тексте (16) глаголы, обозначающие цепочку действий («услыхал», «испугался», «схватил (собаку)», «сидел»), маркируются **PTCP.ANT**, а не NFUT; только в предложениях (11) и (14) глаголы стоят в настоящем времени PRS (ср. текст (11), предложение (20)). Это говорит о том, что у данного рассказчика показатель **PTCP.ANT** это уже не показатель относительной точки отсчета (причастие предшествования, пример (17) ниже), а показатель абсолютного времени (прошедшее время),

⁵ Связка *bi* при **PTCP.ANT** часто опускается, см. [Калинина 2001: 130—131; Рудницкая 2016].

см. [Рудницкая 2016]. Важно заметить, что форма причастия предшествования — это (наряду с причастием хабитуальным РТСР.НАВ (в (13а))) одна из нефинитных глагольных форм, которые употребляются как предикаты независимого предложения.

(16) *Taduk dōldī-sa* (10)
 потом слышать-РТСР.АНТ
 ‘Потом услышал.’

ēku-kān=mər amə-d'ərə-n hi hi (11)
 что-АТТЕН=INDEF прийти-PRS-3SG SLIP SLIP
ha hamalbi-d'a-na-kān i
 SLIP подпрыгивать-IPFV-CVB.SIM-АТТЕН и
gun-d'ə-nə huʃhuʃhuʃ
 сказать-IPFV-CVB.SIM хуф.хуф.хуф
 ‘что-то такое идет, подпрыгивая и говоря: «Уф-уф-уф».’

amī-ŋaha-w ŋōlə-l-čō (12)
 отец-DEADREL-PS1SG испугаться-INCH-РТСР.АНТ
 ‘Покойный отец испугался.’

ŋinakin-mə d'awa-sa (13)
 собака-ACC схватить-РТСР.АНТ
 ‘Собаку схватил.’

amŋa-wa-n d'awusa-d'ərə-n (14)
 рот-ACC-PS.3SG держать-IPFV-NFUT-3SG
ə-dō-n goʃo-l-do
 NEG-CVB.PURP-3SG залягать-INCH-РТСР.NEG
 ‘Рот ей зажимает, чтобы не лаяла.’

taduk təʒə-t-čə goro-wo (15)
 потом сесть-DUR-РТСР.АНТ долгое.время-ACC
 ‘Потом долго сидел.’ (Тутончаны, 2011)

Приведем пример употребления РТСР.АНТ в значении причастия предшествования: в (17) РТСР.АНТ имеет значение события, предшествующего тем событиям, о которых говорится в настоящий момент рассказа, например. Часть рассказчиков не употребляют РТСР.АНТ при рассказе о последовательных со-

бытиях, как в XX веке, так и в XXI веке. Для некоторых рассказчиков, вероятно, форма РТСР.ANT перешла в разряд пассивных: она не используется ни для выражения предшествования, ни для выражения прошедшего времени.

- (17) *tar* *bəjə* *təwu-hi-sə*
 тот человек.мужчина нагрузить-РТСР.SIM-РТСР.ANT
bi-sə *inmək-tu* *anti-tikin*
 быть-РТСР.ANT потакуй-DAT сколько-EVERY
dəptil-wə *imuksə-l-wə* *i* *kərsimə-l-wə*
 продукт-ACC жир-PL-ACC и сушеное.мясо-PL-ACC
 {Лиса попросила человека взять ее в свою лодку} ‘Тот человек {до этого, когда собирался поплыть} нагрузил в сумку всякую еду: сало и сушеное мясо.’ {Человек ответил лисе} (Хантайское озеро, 1965)

В некоторых рассказах, записанных Г. М. Василевич в 1930-е гг., NFUT и РТСР.ANT различаются по признаку «прямая/косвенная эвиденциальность», ср. [Sumbatova 1999] для сванского языка. Это показано в примере (18а—б). В более поздних рассказах это противопоставление не найдено.

- (18) а. *toli* *luča-ŋi-w* *ətə-rə-n*
 тогда русский-INDPS-POSS.1SG прийти-NFUT-3SG
 ‘Тогда пришел мой русский.’ {русский и рассказчик охотились вместе} (река Непа, 1930е гг. А. Давыдкин, «Охота»)

- б. *luča-ŋi-wun* *ətə-čə*
 русский-INDPS-POSS.1PL(EXCL) прийти-РТСР.ANT
moti-la *ullə-l* *ači-r*
 лось-LOC мясо-PL NEG-PL
 ‘Русский наш пришел к лосю: мяса нет.’ {рассказчик остался дома} (река Непа, 1930е гг. А. Давыдкин, «Охота»)

5. Заключение

Таким образом, мы предложили описание и аориста / небудущего времени на *-rV*, и настоящего на *-dVrV* в эвенкийском языке. Небудущее в нашей системе — прошедшее время, бо-

лее точно — недавнее прошедшее. Настоящее время появилось в результате грамматикализации сочетания $-d^rV$ IPFV и $-rV$ NFUT, хотя о полной грамматикализации показателя применительно к разговорному языку говорить нельзя. Настоящее время, в отличие от «небудущего» на $-rV$, обладает основными характеристиками настоящего времени (в первую очередь, это актуально-длительное и хабитуальное значение). Настоящее историческое характерно для литературного эвенкийского, в разговорной речи оно употребляется только у рассказчиков, знающих литературный язык или использующих кальки с русского. Причастие предшествования в XXI веке начинает терять свое значение, и эта форма становится формой прошедшего времени, а у некоторых рассказчиков просто отсутствует.

Список условных сокращений

ABL — аблатив; ACC — аккузатив; ALL — аллатив; ANT — (причастие) предшествования; ATR — атрибутив; CVB — конверб; DAT — датив; DEADREL — умерший родственник; DUR — дуратив; EXCL — эксклюзивное (множественное число); FOC — фокусная частица; HAB — хабитуальный (аспект); INCL — инклюзивное (множественное); INDEF — неопределенный; INDPS — косвенная принадлежность; INST — инструменталис; IPF — имперфектив (видо-временная категория); IPFV — имперфектив (аспект); LOC — локатив; NFUT — небудущее; PF — перфектив (видо-временная категория); PL — множественное (число); PLSTEM — основа множественного числа; POSS — посессивный (аффикс); PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; RECIP — реципрок, RFL — рефлексив; SG — единственное число; SIM — (деепричастие) одновременности; SLIP — оговорка.

Литература

Бродская 1967 — *Бродская Л. М.* Синтаксические функции причастий в эвенкийском языке. Новосибирск: «Наука», 1967.

Горелова 1979 — *Горелова Л. М.* Категория вида в эвенкийском языке. М.: Наука, 1979.

Калинина 2001 — *Калинина Е. Ю.* Нефинитные сказуемые в независимом предложении. М.: ИМЛИ РАН, 2001.

Константинова 1964 — *Константинова О. А.* Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.: Наука, 1964.

Лебедева 1952 — *Лебедева Е. П.* Тексты на эвенкийском языке, записанные в экспедиции 1952 г. Рукопись из архива ИЛИ РАН. Л., 1952.

Морозова и др. 2019 — Морозова О. Н., Иванашко Ю. П., Процукович Е. А., Андросова С. В., Булатова Н. Я, Хань Ю., Мэн Ч. Сопоставительные характеристики имени существительного в ороchonском и эвенкийском языках // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. 5.4, с. 171—181.

Морозова 2021 — Морозова О. Н. Парадигматика и синтагматика звуковых систем тунгусских языков верхнего приамурья (на материале эвенкийского и ороchonского языков. Дисс. на соиск. ст. докт. филол. наук. Благовещенск: АмГУ, 2021.

Падучева 1996 — Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 1996.

Рудницкая 2016 — Рудницкая Е. Л. Особенности употребления грамматических средств в эвенкийском языке в устных рассказах 2005—2011 гг. на примере фокусных частей // Родной язык, № 2 (5), 2016. С. 113—142.

Рудницкая 2018 — Рудницкая Е. Л. Порядок слов (глагол и прямой объект) в устных рассказах на эвенкийском языке // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 219—234.

Рудницкая 2019 — Рудницкая Е. Л. Общая характеристика морфосинтаксиса устного эвенкийского языка начала XXI века. СПб.: «Нестор-История», 2019.

Bulatova, Grenoble 199 — Bulatova N., Grenoble L. A. Evenki. LWM 141. Lincom Europa, 1999.

Dahl 1985 — Dahl Ö. Tense and Aspect Systems. London: Blackwell, 1985.

Grenoble 2012 — Grenoble L. A. Areal typology and semantic change // Вестник ТГПУ. 2012. № 1 (116). P. 101—105.

Johanson 1989 — Johanson L. Aorist and present tense in West Oghuz Turkic // Journal of Turkish Studies 13, 1989. P. 99—105.

Kanik 2015 — Kanik M. The Turkish aorist and progressive: Present tense, future tense, or what? // Journal of Language and Linguistic Studies, 11(1), 2015. P. 103—115.

Nedjalkov 1997 — Nedjalkov I. Evenki. London, New York: Routledge, 1997.

Reçica, Pajaziti 2020 — Reçica M., Pajaziti N. Albanian Aorist and Time Reference Points // Journal of Educational and Social Research, No 3 (10), 2020. P. 115—123. Open access, <https://www.richtmann.org/journal/index.php/jesr/issue/view/270>

Sumbatova 1999 — Sumbatova N. Evidentiality, transitivity and split ergativity: evidence from Swan // Tense-Aspect, Transitivity and Causativity. Essays in honour of Vladimir Nedjalkov / ed. by W. Abraham, L. Kulikov. Leiden: John Benjamins, 1999.

Язык тверских карелов: настоящее и будущее

Анастасия Николаевна Рунтова

Научная библиотека Тверского государственного университета
runt.na@mail.ru

В статье даны сведения, полученные в процессе проведения лингвистического опроса жителей деревень Рамешковского района Тверской области. Интервью проходило с носителями карельского языка. Информанты делились своим мнением о современном состоянии карельского языка и его возможном будущем.

Ключевые слова: карельский язык, тверской диалект карельского языка, тверские карелы, этноплощадка.

The language of Tver Karelians: present and future

Anastasia N. Runtova

Tver State University Scientific library
runt.na@mail.ru

The paper provides information obtained in the process of conducting a linguistic survey of residents of the villages of the Rameshkovsky district of the Tver region. The interview took place with native Karelian speakers. The informants shared their opinion about the current state of Karelian and its possible future.

Keywords: Karelian, Tver dialect of Karelian, Tver Karelians, ethnic site.

Представленные в данной статье материалы основаны на интервью с носителями карельского языка, записаны в качестве образцов речи и не претендуют на социолингвистическое исследование.

Опрос проводился активистами в рамках первой этнокультурной площадки «Tverinkarielazen luona» («В гостях у тверских карел») в Рамешковском районе Тверской области в

2021 году (30.07—1.08). Фонд президентских грантов оказал финансовую поддержку в организации площадки, как партнёру проекта «К истокам “Калевалы”» (КРМОО «Педагогический отряд «Параллели»). В дальнейшем планируется ежегодное проведение экспедиционных выездов в районы компактного проживания тверских карелов.

Основная цель работы этноплощадки заключалась в фото-, аудио- и видеофиксации и дальнейшем культурологическом и лингвистическом анализе языкового материала, собранного у локальной группы карелов, проживающих в с. Никольском и близлежащих деревнях [Балмасова и др. 2001], а также использование его в популяризации и обучении языку, а также в создании медиаконтента на сайте [Luadie] и в соцсетях. Перед участниками площадки были поставлены различные задачи, но в рамках данной статьи они не затрагиваются. Внимание будет обращено на результаты небольшого лингвистического опроса, проводившегося на языке информантов, о современном состоянии и будущем карельского языка.

Тверской диалект (толмачевский говор) карельского языка, на котором говорит коренное население исследуемой территории, относится к собственно карельскому наречию, но имеет фонетические и лексические отличия и свою историю развития письменности [Новак 2016, 2017, 2021; Малые языки России]. Языковой сдвиг, произошедший в 70—80-е годы прошлого века, привел к нарушению межпоколенческой передачи тверского диалекта, который на данный момент находится под угрозой исчезновения (по данным Института языкознания РАН) [Список 2022; Малые языки России].

Фиксация и планомерное изучение тверских говоров карельского языка было начато финляндскими исследователями (Д. Европеус, Ю. Куйола, В. Алова, К. Карьялайнен, Т. Швиндт) во второй половине XIX в. и возобновилось в советское время (П. и Х. Виртаранта и др.). Большое количество материалов хранится в Университете Восточной Финляндии и других

научных центрах Финляндии. Свой вклад в документирование и научное описание языка карелов Тверского края внесли и ученые Эстонии (П. Пальмеос, Я. Ыйспу и др.) [Новак 2016, 2017, 2021; Малые языки России].

В 20—30-е годы разрабатывается письменность для верхневолжских карелов под руководством Д. В. Бубриха, публикуется переводная и оригинальная учебная, общественно-политическая и художественная литература на карельском, формируется система образования на родном языке [Баранцев 1967; Рунтова 2020].

В советское время работу по сбору и изучению тверских диалектов проводили лингвисты Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (КарНЦ РАН) (Г. М. Макаров, А. А. Беляков, А. В. Пунжина и др.) [Новак 2016, 2017, 2021].

Довольно длительное время не было планомерных комплексных экспедиций по документированию и анализу современного состояния языка тверских карелов. Выезды в Тверскую область осуществляют отдельные исследователи с целью сбора материала по узкой теме своей научной работы. Число носителей языка с каждым годом уменьшается. Поэтому активистами было принято решение осуществлять сбор материала, ежегодно организуя этноплощадку и поездки в районы проживания карелов.

В состав рабочей группы экспедиции входили лингвисты, журналист, члены карельских общественных организаций, языковые активисты, фотограф из Твери, Смоленска, Москвы и Петрозаводска. Опросы проводились мини-группами, состоящими из 3—4 человек на русском языке или карельском (владели 4 интервьюера) по разным темам в зависимости от поставленных задач с фото-, видео- и аудиозаписью.

В течение трех дней были опрошены 10 информантов из четырех населённых пунктов в возрасте от 61 до 91 года. Все, кто отвечал на вопросы, являются этническими карелами, но

карельским языком владеют в различной степени. В связи с быстрыми темпами ассимиляции и миграции из сельской местности в города, в деревнях, ранее практически полностью населёнными карелами, стало сложнее найти говорящих на родном языке.

Опрос проводился по нескольким темам, одна из которых «Родной язык и его будущее». Далее будут представлены обобщенные результаты ответов, полученные на вопросы о языке.

Для всех информантов карельский язык является родным, с раннего детства на нём говорили в семье, со сверстниками и односельчанами. Однако многие испытывают трудности при переходе разговора с русского на карельский, необходимо время, чтобы вспомнить некоторые слова, редко используемые лексемы заменяются фонетически изменёнными русскими заимствованиями.

У родившихся в 30—40-е годы дети карельским языком владеют, внуки хорошо понимают и могут сказать отдельные предложения, правнуки не знают языка. Родившиеся в 50—60-е годы владеют устной речью в разной степени: всё понимают, могут ответить на вопросы, но некоторые пытаются перейти на привычный русский. Их дети частично понимают язык, некоторые могут сказать несколько фраз, внуки язык не знают.

На вопрос: «Говорят ли в деревне на карельском языке?», отвечают, что говорят, но уже мало, раньше все говорили, а теперь и карелы чаще общаются на русском. Детей в деревне мало, на лето приезжают внуки и правнуки, которые карельский язык не знают. Причинами, по которым младшее поколение семьи не владеет языком, называют нежелание на нём говорить и отсутствие обучения в школе. Роль семьи и возможность передачи языка дома, создавая естественную среду для его усвоения, не учитывают.

Все информанты считают карельский язык родным, красивым, любимым. Они хотят, чтобы он жил и на нём продолжа-

ли говорить, выражают искреннее сожаление, что всё реже можно услышать родную речь даже в деревнях. Однако почти все смотрят на будущее языка пессимистично, т.к. носители, почти не используя карельский в общении, забывают его, а главное — язык не знают дети. Возможность возрождения языка видят только в школьном обучении.

Таким образом, в исследуемом нами кусте деревень Рамешковского района носителями карельского языка являются люди старше 60 лет, среднее поколение частично понимает, но не говорит, младшее — языком не владеет. Информанты осознают умирание родного языка, но не понимают, что сами могут повлиять на изменение ситуации, если начнут активно использовать карельскую речь в семье для общения с детьми. Сохраняется теплое отношение к родному языку, которого, к сожалению, недостаточно для сохранения и передачи следующим поколениям.

Литература

Luadie — Этноплощадка «Tverinkarielazen luona»: сайт «Luadie». Режим доступа: <https://luadie.ru/>. Дата обращения: 29.08.2022.

Балмасова и др. 2001 — Рамешковский район. Населенные пункты / Л.Ф. Балмасова [и др.]. Тверь: Альба, 2001. 927 с. (Энциклопедия "Тверская деревня").

Баранцев 1967 — Баранцев А.П. Карельская письменность // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л.: Наука, 1967. С. 89—104.

Малые языки России — Тверской карельский диалект // Малые языки России: проект Института языкознания РАН. Режим доступа: https://minlang.site/lang/tverskoy-karelskiy-dialekt?ysclid=17epesafvm_30411357. Дата обращения: 29.08.2022.

Новак 2016 — Новак И.П. Тверские диалекты карельского языка. Фонетика. Фонология. Петрозаводск, 2016.

Новак 2017 — Новак И.П. Тверские диалекты карельского языка // Тверские карелы: 400 лет на тверской земле : тезисы Международной научно-практической конференции (Лихославль, 18—19 мая 2017). Тверь: Тверской государственный университет, 2017. С. 24—25.

Новак 2021 — Новак И.П. Язык тверских карелов: четыре века истории // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 7. С. 38—47.

Рунтова 2020 — Рунтова А. Н. Попытка создания карельской письменности в 30-е годы XX века (Тверская область) // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2020. № 5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nbsr.petrso.ru/journal/article.php?id=1643&ysclid=17eq2q1m7756601720>. Дата обращения: 29.08.2022.

Список 2022 — Список языков России (v2020) (с указанием их социолингвистического статуса) // Институт языкознания РАН. Режим доступа: http://jazykirf.iling-ran.ru/list_concept2020.shtml. Дата: 29.08.2022.

В поисках хантыйского X-маркирования¹

Дарья Сергеевна Сидоркина

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

sidorckina.darya@yandex.ru

В статье описываются способы морфологического оформления контрафактивных контекстов в казымском диалекте севернохантыйского языка в терминах X-маркирования [Fintel von, Iatridou 2020]. Мы утверждаем, что X-маркирование в казымском хантыйском может осуществляться морфемой прошедшего времени без каких-либо дополнительных модальных или аспектуальных компонентов.

Ключевые слова: севернохантыйский язык, условные предложения, контрафактивность, модальность, X-маркирование, прошедшее время.

In search of Khanty X-marking

Daria S. Sidorkina

National Research University Higher School of Economics

sidorckina.darya@yandex.ru

The paper aims to describe the strategies of counterfactual marking in Kazym dialect of Northern Khanty through the framework of X-marking [Fintel von, Iatridou 2020]. It is claimed that the Kazym Khanty system of X-marking allows for the past tense morpheme to X-mark independently without any additional modal or aspectual components.

Keywords: Northern Khanty, conditionals, counterfactuals, modality, X-marking, past tense.

¹ Исследование выполнено в Лаборатории по формальным моделям в лингвистике НИУ ВШЭ в рамках проекта «Языки народов России: морфосинтаксис во взаимодействии с другими модулями языка».

1. Введение

Для описания реальных и контрафактивных условных конструкций, а также других контекстов, которые принято связывать с ирреальностью, в работе [Fintel von, Iatridou 2020] вводится понятие X-маркирования, иллюстрированное в (1):

(1) а. **О-маркирование**

Если Лёша **дежурит**, (то) он **поёт** на кухне.

б. **X-маркирование**

Если **бы** Лёша **дежурил**, (то) он **пел бы** на кухне.

В данной статье будет рассмотрены стратегии X-маркирования в казымском хантыйском². Данные были собраны в ходе экспедиций НИУ ВШЭ и МГУ в с. Казым в 2021—2022 гг. методом элицитации. Помимо стандартных анкет с переводами и суждениями мы также использовали нарративную элицитацию, как предложено в [Burton, Matthewson 2015] и [Louie 2015], см. примеры (9)—(10).

Хантыйский язык имеет два времени (прошедшее и не-прошедшее) и не выражает аспект. Условные конструкции образуются при помощи клитики *ki* ‘если’. В казымском хантыйском X-маркирование осуществляется при помощи морфемы прошедшего времени (PST) и опциональной частицы *lələp*, ср. (2) и (3).

(2) О-маркирование

aše-w	χälewət	ki	juχət-əλ	myŋ
отец-POSS.1PL	завтра	если	прийти-NPST[3SG]	мы
χaλ	ħaħ	wet-λ-əw		
рыба	хлеб	делать-NPST-1PL		

{Завтра может приехать отец. Мы думаем, что готовить.} ‘Если завтра придет отец, мы испечём пироги с рыбой’.

² Здесь и далее казымский хантыйский — диалект севернохантыйского языка, распространённый в с. Казым.

- (3) X-маркирование
aše-w	χǎlewət	juχət-əs	ki	mɲ
отец-POSS.1PL	завтра	прийти-PST[3SG]	если	мы
(λəλən)	χɲλ	ńań	wet-s-əw	
(IRR)	рыба	хлеб	делать-PST-1PL	
- {Отец обычно приезжает на выходных, но в этот раз не придет из-за работы.} ‘Если бы завтра приехал отец, мы бы испекли пироги с рыбой’.

Морфологическое оформление X-маркированных условных независимо от их временной локализации, ср. (4)—(6).

- (4) Локализация в прошлом
tolaj-en	kinška	wəjət-s-əλλe	ki
Толя-POSS.2SG	книжка	найти-PST-3SG>SG	если
mǎn-ema	(^{ok}λəλən)	λɲət-s-əλλe	
я-DAT	(IRR)	читать-PST-3SG>SG	
- ‘Если бы Толя нашёл книгу, он бы мне её прочитал’.
- (5) Локализация в настоящем
ńǎj	məšət-s-ən	ki	mašaj-en	(^{ok}λəλən)
ты	болеть-PST-2SG	если	M.-POSS.2SG	(IRR)
pa	məšət-s			
ADD	болеть-PST[3SG]			
- {Саша с Машей близнецы и всегда болеют вместе. Саша хочет отпроситься с физкультуры и говорит учителю, что больна. Учитель видит, что её сестра здорова и говорит:} ‘Если бы ты болела, то и Маша бы болела’.
- (6) Локализация в будущем
mojən	joχ-λ-ew	χǎlewət	juχət-s-ət	ki
гость-PL-POSS.1PL	завтра	завтра	прийти-PST-3PL	если
aše-m	(λəλən)	χǎləwət	rewəltχot	
отец-POSS.1SG	(IRR)	завтра	баня	
- ǎλ-s
топить-PST[3SG]
- ‘Если бы завтра приехали гости, отец топил бы баню’. {Но гости не придут.}

Поведение PST в X-маркированных условных аналогично его поведению в случаях, когда оно выполняет исключительно темпоральные функции. Для английского в [Iatridou 2000] предлагается анализировать X-маркированные условные с временной локализацией в прошлом как содержащие два слоя прошедшего времени: собственно темпоральное прошедшее время и так называемое псевдопрошедшее (FakePast), которое функционирует как один из компонентов X-маркирования. В английском такое двойное прошедшее реализуется как форма Past Perfect. В казымском хантыйском же, по видимому, два слоя прошедшего выражаются как один — морфемой PST, см. (4) со слоем темпорального прошедшего и слоем псевдопрошедшего, и (7) с двумя слоями темпорального прошедшего.

- (7) anki juχət-t-əm-ən mašaj-en
 мать прийти-NFIN.PST-LOC M.-POSS.2SG
 an-λ-αλ χιλijewa λ'uxət-s-əλλə
 чашка-PL-POSS.3SG все мыть-PST-3SG>NSG
 'Когда мать пришла, Маша уже помыла всю посуду'.

2. PST как самостоятельный X-маркер

Возможность опущения частицы означает, что в ряде случаев X-маркирование будет выражаться только при помощи PST в консеквенте и антецеденте. Такое морфологическое оформление полностью идентично оформлению O-маркированных реальных условных с локализацией в прошлом, вследствие чего возникает две возможные интерпретации условных с PST:

- (8) tolaj-en λant_jiŋk-əλ λε-s-λə ki
 T.-POSS.2SG суп-POSS.3SG есть-PST-3SG>SG если
 aŋke-w αλpa maw λət-s
 мать-POSS.1PL наверное конфета купить-PST[3SG]
 {Контекст 1: Говорящая идёт домой и думает, найдётся ли там чего-нибудь к чаю.} 'Если Толя съел суп, мать купила конфет' — ожидается O-маркирование
 {Контекст 2: Говорящая пришла домой и видит, что её младший брат не съел суп и мать лишила его сладкого, и всю остальную семью заодно. Говорящая сокрушается.} 'Если бы Толя съел суп, мать купила бы конфет' — ожидается X-маркирование

В условных конструкциях PST в обеих клаузах может выступать как полноценный и достаточный X-маркер, что типологически неожиданно [Lazard 1998]. Хотя прошедшее время очень часто функционирует как компонент X-маркирования, в отмеченных в типологической литературе языках оно всегда используется вкуче с будущим временем, имперфективом или модальным показателем, и не может быть X-маркером консеквента само по себе. Единственная система, похожая в этом отношении на хантыйскую, с которой мы сталкивались — это X-маркирование условных предложений в грузинском при помощи форм плюсквамперфекта [Van linden, Verstraete 2008].

Существует два подхода к анализу прошедшего как компонента X-маркирования. Сторонники подхода *past-as-past* утверждают, что прошедшее время во всех случаях имеет только темпоральное значение и контрафактивность выводится композиционно из сочетания семантики прошедшего времени и некой дополнительной модальности (например, модального будущего времени *woll* [Abusch 1998] в консеквенте условных). Подобные анализы в числе других предлагаются, например, в [Van linden, Verstraete 2008], [Condoravdi 2001] и [Ippolito 2003]. Альтернативный подход *past-as-modal* заключается в том, что прошедшее время в контекстах X-маркирования анализируется как модальность, а не как время [Iatridou 2000].

Данные казымского хантыйского могут быть сильным аргументом в пользу второго подхода. В хантыйском для появления у прошедшего времени модальной интерпретации формально не требуется никаких дополнительных компонентов маркирования. Контрафактивность не может быть выведена композиционно из сочетания времени с иными показателями, как обычно предлагается в рамках *past-as-past* подхода. Однако нам кажется важным заметить, что X-маркирование в хантыйском может осуществляться и при помощи сочетания PST с ирреальной частицей. Если считать, что PST является носителем контрафактивного значения само по себе, то не очень ясна функция *лөлән*. Принимая во внимание эту особенность казымской системы, мы предлагаем считать, что контрафактивная семантика не является частью собственного значения

3.2. Неосуществимые желания

Фон Финтель и Иатриду предлагают Условно-Желательное обобщение (*Conditional-Desire Generalization*), согласно которому в конструкциях с предикатами желания X-маркирование матричной клаузы аналогично X-маркированию консеквента условных, а X-маркирование вложенной клаузы аналогично маркированию antecedента [Fintel von, Iatridou 2020]. Для казымского хантыйского обобщение не выполняется: X-маркирование матричной клаузы при неосуществимых желаниях необязательно

- (11) boraj-en (*лөлән) ләнҗа-л (оклөлән)
 Б.-POSS.2SG IRR хотеть-NPST[3SG] IRR
 арәлнең-әл wән-šək at
 младшая_сестра-POSS.3SG большой-АТТ OPT
 wə-s
 быть-PST[3SG]
 {У Бори есть маленькая сестра и ему совсем надоело, что она плачет целыми днями} ‘Боря хотел бы, чтобы его сестра была постарше’.

Матричная клауза должна быть маркирована PST только в тех случаях, когда желаемое событие локализовано в прошлом (12), несмотря на то, что желание субъекта локализовано в момент речи. отчего на матричном предикате ожидалось бы непрошедшее время. Прошедшее время на матричной клаузе, которое возникает при локализации желаемого в прошлом, при этом имеет, по-видимому, не контрафактивную, а временную интерпретацию, то есть, по сути, не является X-маркером. Это противоречит условно-желательному обобщению.

- (12) ma ләнҗа-s-эм тым ол-ән boraj-en
 я хотеть-PST-1SG тот год-LOC Б.-POSS.2SG
 wөл-s мнү рил-aw-a
 жить-PST[3SG] мы вместе-POSS.1PL-DAT
 {Боря жил в прошлом году в Уфе отдельно от нас} ‘Я бы хотел, чтобы Боря в прошлом году жил с нами’.

Таким образом, обобщение формально выполняется лишь наполовину — в случаях, когда желаемая ситуация локализована в прошлом. Мы предполагаем, что отсутствие полноценного X-маркирования при предикатах желания в казымском хантыйском может быть связано с тем, что недостижимые желания в этом языке выражаются при помощи оптативных конструкций, а не конструкций с предикатами желания. Консультантки отмечали, что предложенные нами стимулы кажутся ими неестественными и предлагали оптативные конструкции как более привычный для их языка способ передачи таких значений.

3.3. Оптативы

В казымском хантыйском есть две оптативные конструкции. Первая образуется от юссива (13) добавлением X-маркирования и содержит в себе оптативную частицу *at* или прохибитив, см. (14).

- (13) wašaj-en boraj-en рһһәл-әһ at
 Вася-POSS.2SG Боря-POSS.2SG сторона-LOC OPT
 λәλ'-λ
 стоять-NPST[3SG]
 {Учительница выстраивает детей на линейке} 'Пусть Вася
 станет рядом с Борей'.
- (14) at (λәλәһ) ma meša_ji-s-әһ
 OPT (IRR) я заболеть-PST-1SG
 {Школьнику неохота идти завтра в школу} 'Вот бы я заболел'.

Вторая оптативная конструкция — это изолированный антецедент X-маркированной условной конструкции (15). Аналогичные оптативы существуют, например, и в русском: *Если бы сбылись все мечты и сказки!* [НКРЯ]

- (15) kinškaj-en änt ki (λәλәһ) wәtše-s-әләһ
 книга-POSS.2SG NEG если (IRR) потерять-PST-2DU>SG
 {Дети потеряли книгу из библиотеки, и матери пришлось платить штраф и извиняться} 'Вот бы вы не теряли той книги!'

4. Изолированные употребления ирреальной частицы

Ирреальная частица может появляться в контекстах X-маркирования и вне сферы действия прошедшего времени. Мы не считаем её самостоятельным X-маркером, так в случаях её употребления в условных конструкциях не возникает имплицатуры ложности антецедента. *лөлән* в сфере действия не прошедшего времени имеет значение желательности:

(16) a. *χǎləwet* *mojən_χujat* *juχət-λ-ət* *ki*
 завтра гости прийти-NPST-3PL если
aše-n *rewəłtχot* *ǎł-əl-ле*
 отец-POSS.2SG баня топить-NPST-SG>SG
 ‘Если завтра приедут гости, отец затопит баню’.

b. *χǎləwet* *mojən_χujat* *ki* *juχət-λ-ət*
 завтра гости если прийти-NPST-3PL
aše-n *лөлән* *rewəłtχot*
 отец-POSS.2SG IRR баня
ǎł-əl-ле
 топить-NPST-SG>SG
 ‘Если завтра приедут гости, отец (наконец-то) затопит баню’
 {Консультантка: появляется такое ощущение, будто хотелось бы, чтобы баню истопил, вот бы истопил}

Значение желательности неотменяемо и накладывает ограничения на употребляемость: *лөлән* с непрошедшим временем недопустима в случаях, когда истинность консеквента нежелательна:

(17) *boraj-en* *mät-əl* *ki* *aj*
 Боря-POSS.2SG идти-NPST[3SG] если маленький
leŋki **(*лөлән)** *pa sí* *χоллә-ti*
 бедняжка (*IRR) опять плакать-NFIN.NPST
pit-əl
 статья-NPST[3SG]
 ‘Если Боря уходит, сестрёнка плачет’.

- (18) kāt-en pǎłtaptǎ-ł-ən ki λw
 кошка-POSS.2SG напугать-NPST-2SG если он
 (*λəλən) χunta-ł
 (*IRR) убежать-NPST[3SG]
 ‘Если кошку напугать, она убежит’.

Аналогичным образом ирреальная частица может употребляться в опативах и при предикатах желания — при NPST она привносит дополнительное значение желательности. При этом при опативных и прохибитивных частицах *λəλən* заменяет семантику повеления на желательность, ср. (19)—(20).

- (19) juχi ал mǎn-əł
 домой PRON идти-NPST[3SG]
 ‘Пусть не идёт домой!’

- (20) juχi λəλən ал mǎn-əł
 домой IRR PRON идти-NPST[3SG]
 {Дети оставляют пса у магазина} ‘Не ушёл бы он домой, надеюсь’.

Примечательно, что ирреальная частица не может употребляться нигде вне прототипических контекстов X-маркирования. Мы предполагаем, что такие ограничения на употребляемость возникают из-за того, что *λəλən* не содержит собственного модального квантора. Поэтому частица не может обозначать желательность самостоятельно и может только менять модальную окраску другого модального показателя. Все контексты X-маркирования содержат модальный квантор и *λəλən* в сочетании с непрошедшим временем меняет их модальную базу, а в сочетании с непрошедшим X-маркирует.

5. Заключение

В данной работе мы показали, что в казымском хантыйском прошедшее время может выступать как достаточный X-маркер во всех прототипических контекстах X-маркирования (услов-

ные конструкции, слабая необходимость и предикаты желаний), а также в опативах. Эти данные очень необычны для типологической карты X-маркирования и могут стать вызовом для некоторых формальных теорий контрафактивности.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ATT — аттенуатив; DAT — датив; IRR — ирреальная частица; LOC — локатив; NFIN — нефинитная форма; NPST — непрошедшее время; OPT — опативная частица; PL — множественное число; POSS — посесивность; PST — прошедшее время; SG — единственное число; > — объектное спряжение.

Литература

Abusch 1998 — Abusch D. Generalizing tense semantics for future contexts // *Events and grammar*. Springer, 1998. P. 13—33.

Burton, Matthewson 2015 — Burton S., Matthewson L. Targeted construction storyboards in semantic fieldwork // *Methodologies in semantic fieldwork*. 2015. P. 135—156.

Condoravdi 2001 — Condoravdi C. Temporal interpretation of modals-modals for the present and for the past // *The construction of meaning*. 2001.

Fintel von, Iatridou, 2020 — von Fintel K., Iatridou S. Prolegomena to a theory of X-marking // Ms. under review for *Linguistics and Philosophy*. 2020.

Ippolito 2003 — Ippolito M. Presuppositions and Implicatures in Counterfactuals // *Natural Language Semantics*. 2003. Vol. 11. №2. P. 145—186.

Kratzer 1986 — Kratzer A. Conditionals // *Chicago Linguistics Society*. 1986. Vol. 22. №2. P. 1—15.

Lazard 1998 — Lazard G. L'expression de l'irréel: essai de typologie // *Typology of Verbal Categories* / eds. L. Kulikov, H. Vater. De Gruyter. 1998. P. 237—248.

Louie 2015 — Louie M. The problem with no-nonsense elicitation plans (for semantic fieldwork) // *Methodologies in semantic fieldwork*. 2015. P. 47—71.

Iatridou 2000 — Iatridou S. The Grammatical Ingredients of Counterfactuality // *Linguistic Inquiry*. 2000. Vol. 31. №2. P. 231—270.

Van linden, Verstraete 2008 — Van linden A., Verstraete J.-C. The nature and origins of counterfactuality in simple clauses // *Journal of Pragmatics*. 2008. Vol. 40. №11. P. 1865—1895.

Научное издание

МАЛЫЕ ЯЗЫКИ В БОЛЬШОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Выпуск 4

MINOR LANGUAGES IN GENERAL LINGUISTICS

Issue 4

Редактор *И. А. Хомченкова*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 05.12.2022 г.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 16,1
Тираж 300 экз. (1-й завод 85 экз.). Заказ 804.

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»
117393, г. Москва, вн.тер.г. муниципальный округ Обручевский,
ул. Профсоюзная, д. 56, этаж 3, помещение XIX, ком. 321.
Тел.: +7 (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com

